

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Т. В. СТАНЮКОВИЧ

КУНСТКАМЕРА
ПЕТЕРБУРГСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ НАУК СССР

4 2 5 0

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

Т. В. СТАНЮКОВИЧ

КУНСТКАМЕРА
ПЕТЕРБУРГСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - 1953 - ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
В. Л. ЧЕНАКАЛ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В системе научных учреждений, призванных раскрывать и популяризировать достижения науки, искусства и других областей общественной деятельности человека, значительное место в нашей стране принадлежит музеям.

На базе последних достижений науки в наглядной форме они показывают и объясняют трудящимся историю развития земли, с ее флорой и фауной, историю материальной и духовной культуры человеческого общества, историю классовой борьбы трудящихся за свое освобождение, способствуя этим показом дальнейшему повышению культуры и внедрению коммунистического мировоззрения в массы.

Коммунистическая партия Советского Союза и правительство уделяют огромное внимание развитию музейного дела в нашей стране. В числе первых декретов, изданных еще в период гражданской войны, были декреты о национализации и конфискации ценностей, имеющих музейное значение. На основании этих декретов коллекции, присвоенные помещиками и капиталистами, стали достоянием народа.

За годы советской власти была создана широкая сеть музеев краеведческого, областного и всесоюзного значения по самым различным отраслям знания, в результате чего наша страна заняла ведущее место в мире по музейному строительству.¹

Появились многочисленные музеи по истории нашей родины, истории революционных движений и славной истории Коммунистической партии Советского Союза, мемориальные музеи, посвященные вождям партии и правительства, великим полководцам и деятелям культуры нашей страны, а также широкая сеть музеев специализированного характера и музеев по истории науки и техники. В условиях грандиозного строительства, намеченного постановлениями XIX съезда партии, создание новых музеев, отражающих в своих экспозициях

¹ Советский музей, 1935, № 3, стр. 25.

великие дела эпохи сталинских пятилеток, приобретает еще более важное значение.

Многие из наших музеев возникли еще до Великой Октябрьской революции и имеют богатое прошлое.

Выполняя указания И. В. Сталина о необходимости глубокого изучения истории отечественной науки, академик С. И. Вавилов выступил с призывом усилить работу по изучению славного прошлого русской науки, с тем чтобы «восстановить историческую правду, показать истинное высокое место отечественной науки в мировой культуре, восстановить и аргументировать многие ее несправедливо забытые приоритеты».¹

В последние годы в печати появилось большое количество работ по истории отдельных открытий, обзоров научной деятельности русских ученых и исследований по различным отраслям науки, в которых на обширном фактическом материале доказывается передовой характер отечественной науки. Начинают появляться работы и по истории отдельных культурных учреждений.

Ленинград, один из крупнейших и прекраснейших городов нашей Родины, имеет богатую историю и является носителем славных традиций. Культурные традиции его имеют глубокие корни. Являясь на протяжении более двух веков столицей русского государства, Петербург был средоточием всех ведущих культурных учреждений страны и крупнейшим ее научным центром. Ленинград углубил и умножил культурные традиции Петербурга. Его многочисленные научно-исследовательские учреждения, вузы, архивы, библиотеки, театры и богатейшие музеи пользуются заслуженной известностью.

Настоящая работа посвящена старейшему культурному учреждению Петербурга — Петербургской Кунсткамере (рис. 1). Основанная в 1714 г. и открытая для обозрения в 1719 г., она явилась первым русским и одним из старейших в мире государственным музеем и сыграла значительную роль в истории русской науки и культуры.

С основанием Петербургской Академии Наук Кунсткамера поступила в ее ведение и благодаря этому превратилась в учреждение, превосходящее по своему научному уровню все другие музеи Европы того времени. Популярность русского музея возрастала с каждым годом.

В 30-е годы XIX в. на базе богатейших коллекций Кунсткамеры был создан ряд академических музеев, многие из

¹ С. И. Вавилов. Вступительное слово. Вопросы истории отечественной науки, М.—Л., 1949, стр. 13.

Рис. 1. Современный вид здания Кунсткамеры. (Фот. 1950 г.).

которых, как, например, минералогический, зоологический, антропологии и этнографии и другие, пользуются в настоящее время мировой славой.

Музей антропологии и этнографии Академии Наук СССР явился наследником не только уникальных коллекций Кунсткамеры, но и сохранившегося до наших дней помещения ее. Благодаря произведенным в 1948 г. реставрационным работам здание кунсткамеры было восстановлено по первоначальным проектам XVIII в.

Советские исследователи изучением истории Петербургской Кунсткамеры не занимались. Литература дореволюционного периода насчитывает ряд работ, посвященных ей, и может быть разделена на две группы. Первую, большую из них составляют каталоги и путеводители по Музею, дающие перечисление или краткое описание коллекций, в сопровождении также очень краткой исторической справки.

Вторую, меньшую группу составляют исторические очерки, или, вернее, части очерков, посвященных истории культуры XVIII в. В них обычно приводятся краткие данные об основании и первых годах существования Кунсткамеры, сводящиеся по существу к хронологии поступлений первых музейных коллекций. По своему материалу все эти очерки восходят к капитальному труду П. П. Пекарского «Наука и литература в России при Петре Великом» (СПб., 1862), в главе IV которого приведен обширный фактический материал о сборе музейных коллекций в указанный период.

Настоящая работа является первой попыткой установить основные этапы развития первого государственного русского музея, с момента его основания вплоть до деления на отраслевые академические музеи. Изложенные в книге материалы по истории Кунсткамеры Петербургской Академии Наук не могут, конечно, претендовать на исчерпывающую полноту. Нет сомнения в том, что в дальнейшем при изучении этого вопроса могут быть выявлены новые документы, позволяющие полнее осветить отдельные вопросы этой большой и интересной темы. Однако и приведенных здесь фактов вполне достаточно, чтобы видеть, насколько передовым было музейное строительство в нашей стране уже в ту далекую от нас пору.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И ЕСТЕСТВЕННО- НАУЧНЫХ ПРЕДМЕТОВ В РОССИИ ДО НАЧАЛА XVIII в.

Интерес к собирательству в Древней Руси. Старейшие церковные, государственные и частные собрания. Расцвет естественных наук в XVII в. Интерес к природе и культуре «заморских стран». Торговля редкостями. Путешествия Петра I. Коллекции, приобретенные им

Интерес к документам и вещественным памятникам прошлого, являющимся основным источником для воссоздания истории и истории культуры народов, возник в нашей стране в глубокой древности.

Еще на заре своей государственности русские люди начали собирать и коллекционировать различные документы, рукописи, а также предметы, связанные с какими-либо выдающимися личностями или просто вызывающие удивление и восхищение своей редкостью или искусством выполнения.

Дошедшие до нас исторические документы показывают, что первоначальными местами хранения таких памятников старины явились церкви, монастыри и княжеские, а позже царские, казнохранилища.

Толстые монастырские стены и укрепленные княжеские хоромы служили надежной защитой для ценного имущества как в мирное, так и, особенно, в военное время. Последнее, принимая во внимание частые оборонительные войны, которые приходилось вести нашим предкам против иноземных захватчиков, посягавших на целостность и независимость русского государства, имело исключительно большое значение.

В периоды междоусобиц и войн в церквях, монастырях и княжеских казнохранилищах, помимо постоянно хранившихся там предметов старины, скапливалось большое число ценностей, приносимых туда на хранение отдельными лицами.

Часто по окончании войны сданные на хранение предметы по тем или иным причинам владельцами не забирались, вследствие чего такие казнохранилища еще более обогащались. В старинных документах иногда можно встретить упоминания о коллекционируемых предметах. Известно, например, что при разграблении Киева 2 января 1202 г. половцы «митрополю святу Софию и Десятинную святу Богородицу разграбивша, и монастыри все, и иконы обраша, и иные поимеша и кресты честные, и сосуды священные и книги, и порты блаженных первых князей, еже бяша повешали на память себе, то все положили себе в полон» (разрядка наша, — Т. С.).¹ Из приведенной цитаты видно, что в киевских церквях, кроме культовых предметов,² хранились одежды «первых князей», т. е. предметы, имевшие уже интерес исторический, который и подчеркивает летописец, указывая, что они хранились «на память себе».

Значительное число предметов, характеризующих культуру и быт русских царей, хранились в ризнице Печорского монастыря в Пскове. Среди них имелись: седельный орчак, военная труба, кошелек, ковши, нож, вилка и ложка, а также золотая цепь, принадлежавшая Ивану четвертому, перстень «с надписью имени» царицы Анастасии Романовны, братина царевича Иоанна, плащаница, принадлежавшая Борису Году-

¹ П. Сементовский. Киев и его святыни, древности, достопримечательности. Киев, 1876, стр. 78.

² Основную массу предметов, хранившихся в церковных и монастырских ризницах, составляли предметы культовые или имевшие, по утверждению духовенства, «божественное» происхождение. Так, например, яшмовая чаша, демонстрировавшаяся в Кремлевской церкви, считалась чашей святого Антония, которую он якобы бросил в воду в Риме и чудесным образом вновь обрел по приезде в Новгород. Искусно исполненные сосуды для причастия в монастыре святого Антония (Новгород) также связывались с именем этого святого, который будто бы приплыл с Тибра на Волхов на выставленном тут же мельничном жернове. Демонстрация в церквях всевозможных предметов, якобы имевших отношение к различным святым и другим легендарным личностям, до Христа включительно, получила особенно широкое распространение в Западной Европе. Иван Голиков в своем многотомном труде «Деяния Петра Великого» (т. IV, СПб., 1790, стр. 315), описывая первое путешествие Петра I за границу, указывает, что при посещении кирки в Магдебурге «между прочим, показывали лохань, на которую Пилат умыл руки, исподнюю сторону фонаря, который перед Иудой был несен, кувшин из бывших на браке в Кане Галилейской, лестницу, по которой снимали с креста Спасителя, и многие другие, им подобные». Практика торговли духовными раритетами особенно широко укрепилась в римско-католической церкви и бытует в некоторых странах Западной Европы, в частности в Италии, вплоть до наших дней.

нову, и много других подобных предметов.¹ При расчистке фундамента Десятинной церкви в Киеве были обнаружены кольца, стеклянные витые браслеты, серебряные гривны и др.²

В ризнице Успенского собора в Москве, в трех комнатах, помимо драгоценностей, были собраны «произведения пластики и живописи разных стран, веков и стилей», а также «предметы истории и археологии по своему значению и практическому познанию». Наряду с «цареградскими узорочьями и фряжскими изделиями» здесь были собраны отечественные, «проявляющие замысловатость и красивую затейливость» предметы.³ К началу XVIII в. ризницы монастырей и церквей оказались настолько загружены различными предметами старины, что 20 апреля 1722 г. Петр I вынужден был издать специальный указ, предписывающий снять с икон и отослать в синод «привески», монеты, «неграненные каменья» для «разбора, что из них гораздо старое и курьезное».⁴

Помимо церковных и монастырских собраний вещественных и письменных памятников старины, в нашей стране возникают и «светские» собрания. Одним из старейших таких собраний следует считать собрание Романовых, хранящееся и доныне в Оружейной палате (Москва). Историк этого музея П. С. Валуев в своем труде «Историческое описание древнего Российского Музея под названием Мастерской и Оружейной палаты» указывает, что первое упоминание собрания под этим наименованием встречается в архивных документах 1511 г., однако, на основании датировки хранящихся в нем экспонатов, зарождение его следует отнести к значительно более раннему времени.⁵

Классифицируя коллекции, собранные в Оружейной палате, Валуев делит их на четыре основные группы, в первую из которых он относит дары «от союзных государей к обладателям России»; во вторую — различные трофеи, «у неприятелей неустрашимыми россиянами захваченные» (короны

¹ Иллюстрация, 1848, стр. 165.

² П. Сементовский, ук. соч., стр. 49—50.

³ Д. И. Солнцев. Памятники московской древности: Успенский собор. 1842, стр. 170.

⁴ Там же, стр. 5. — Процесс изъятия «древностей, не принадлежащих к богослужению», продолжался вплоть до XIX в. Указом 1853 г. Синод предписывал сдавать на рассмотрение археологической комиссии «разного рода оружие, воинские доспехи, монеты, древние сосуды и утварь, употреблявшиеся в общежитии и жертвованные в дар монастырям».

⁵ П. С. Валуев. Историческое описание древнего Российского Музея под названием Мастерской и Оружейной палаты, ч. 1. М., 1807, стр. 1.

царств Казанского, Астраханского и др.); в третью — драгоценности, «от каждого государя царствовавшего прирощенные», и, наконец, в четвертую — подношения от «Российских вельмож, от духовных особ, от именитых граждан».¹

Помимо названного, в Оружейной палате имелась большая коллекция, характеризующая военное искусство русского народа: различное оружие, ратные доспехи и конские приборы,² русские стяги и знамена XII — XVII вв., среди которых имелись полковые, воеводские и сотенные, а также стрелецкие, драгунские и различного рода казачьих войск.³ Упоминаются в описи этого музея и предметы, связанные с естественной историей: «раковины веницийские», «раковины белые морские», «роги» различные и разнообразная «рухлядь».⁴

Приведенный перечень экспонатов Оружейной палаты показывает, что последняя являлась не только казнохранилищем царского дома, но и государственным историческим музеем. Однако этот музей был как бы собственностью Романовых и показывался лишь особо почетным гостям царя, преимущественно иностранцам.

Отдельные представители семьи Романовых живо интересовались предметами старины и коллекционировали их. Так, например, царь Алексей Михайлович распорядился приобрести за большие деньги византийские древности. Ко времени царствования сына его, Федора Алексеевича, относится грамота великих государей к курскому воеводе Ивану Шеину, говорящая о большом интересе царя к памятникам отечественной древности. В ответ на сообщение Белгородского стола разрядного приказа о находке костей бывших людей — волотов (великанов)⁵ эта грамота предписывала «послать по весне в те места из Курска кого пригожь и тому посыльному велеть того человека ноги откопать, а откопав, кости измерить, какова которая кость мерою в длину и толщину и написать на роспись и на чертеже начертить. Да о том к нам в. ч. писать».

¹ П. С. В а л у е в. Историческое описание древнего Российского Музея под названием Мастерской и Оружейной палаты, ч. 1. М., 1807, стр. 1.

² Описание старинных царских одежд, оружия, ратных доспехов, конского прибора и утвари извлечено из рукописей Архива Московской Оружейной палаты, с объяснительным указателем П. И. Савваитова (Записки имп. Археологического общества, т. XI, СПб., 1865).

³ Я к о в л е в Лукиан. Древности российского государства. III отделение. Дополнение. Русские старинные знамена. М., 1865.

⁴ Опись черновая Оружейной казны и разной рухляди, находящейся в Оружейной палате и переписным тетрадам подъячего Афанасия Копылова, 1639—1646 гг. Чт. Общ. ист. и древн. рос., 1909, кн. 3.

⁵ Ископаемые кости мамонта первоначально считались остатками скелета вымерших великанов.

Опубликовавший этот документ Замятнин указывает, что это наиболее ранний известный у нас сейчас образец инструкции для археологических раскопок, преследующих несомненно научные, а отнюдь не узко практические интересы. Инструкция для своего времени очень подробная, «не имеющая прецедентов на Западе в ту эпоху».¹

Немалое число коллекций памятников старины и других, имевших познавательный интерес, вещей в конце XVII — начале XVIII в. имелось у частных русских собирателей.

Известно, например, что А. С. Матвеев² и В. В. Голицын³ являлись обладателями прекрасно подобранных по своему времени картинных галерей, а Ф. А. Головин — археологических ценностей. Последний, будучи сибирским воеводою, собирал предметы для своей коллекции непосредственно в Сибири, а в 1698 г. даже преподнес видному ученому того времени, автору книги «Северная и Восточная Тартария», голландцу Н. Витсену серебряный сосуд, извлеченный им из старинного захоронения близ побережья Иртыша.⁴ Это подношение было не единственным. Не указывая имен лиц, делавших ему «подношения», Витсен неоднократно упоминает и другие полученные им как подарки памятники старины, собранные в России. В числе их он называет двух идолов, зеркало из стали,⁵ браслеты, блюда, серьги из золота и многие другие предметы, главным образом сибирского происхождения. Особый интерес представляет полученная Витсеном в конце XVIII в. карта, нарисованная красками на доске кедрового дерева и снабженная надписями славянским шрифтом. Помимо самой карты с нанесенными на ней реками, горами, лесами и городами, на этом замечательном памятнике русской картографии XVII в. имелись изображения различных животных, людей в национальных костюмах, традиционных форм жилищ и средств передвижения.⁶

¹ С. Н. Замятнин. Первая русская инструкция для раскопок. Сов. археол., вып. XIII, М.—Л., 1950, стр. 288.

² Опись имущества боярина А. С. Матвеева. Чт. Общ. ист. и древн. рос., 1900, кн. 2, стр. 9—21.

³ Е. Н. Карнович. Замечательные богатства у частных лиц в России. СПб., 1874, стр. 90.

⁴ N. Witsen. Nord on Oost Tartarye, ч. II. (Перевод этого сочинения приведен в приложении к «Сибирским древностям» В. Радлова, т. I, вып. 1, СПб., 1888, стр. 3—4).

⁵ Там же, стр. 4.

⁶ В. Трисман. О русской этнографической карте XVII века. Кр. сообщ. Инст. этногр., X, 1950.

По свидетельству Д. Г. Мессершмидта, предпринявшего по распоряжению Петра I в 1719—1727 гг. обследование Сибири, получение коллекций от частных русских собирателей представляло большие трудности. Будучи сами любителями древностей, они расставались со своими вещами крайне неохотно. В качестве таких любителей он называет родственника нарымского воеводы Измайлова и князя Гагарина.¹

Большой известностью в начале XVIII в. пользовались собрания предметов старины, сосредоточенные в руках Акинфия Демидова, Якова Брюса и Дмитрия Голицына. Коллекция Демидова состояла главным образом из археологических предметов, найденных в Сибири. Насколько богатым было это собрание, можно видеть уже из одного того, что в 1715 г. Демидов преподнес Екатерине I 250 золотых предметов из этого собрания.² Кабинет Я. Брюса по количеству и редкости имевшихся в нем предметов «почитался единственным в России» и заключал в себе «математические, механические и другие инструменты, также натуральные минералы, антиквитеты, личины (портреты, — Т. С.) и вообще как иностранные, так и внутренние (отечественные, — Т. С.) курьезности».³ При передаче этого собрания, после смерти Я. Брюса, в Кунсткамеру Академии Наук, о чем ниже будет говориться особо, была составлена его опись, из которой видна необычайная широта научных интересов владельца. Помимо математических и физических инструментов, непосредственно связанных с его специальностью, в собрании имелись геологические, нумизматические и этнографические коллекции, представленные главным образом китайскими и персидскими предметами.

Библиотека и музей Д. М. Голицына «по своему богатству уступали в то время только библиотеке и музею графа Брюса».⁴ Помимо книг и вещественных памятников, в них было собрано много редчайших рукописей, которые впоследствии послужили драгоценным источником для отечественных историков.

Петр I, будучи одним из передовых людей своей эпохи, также имел богатейшее собрание, характер которого определялся уровнем науки того времени. Страсть к коллекционированию проявилась у него еще в юношеском возрасте.

¹ N. Witsen, ук. соч., II, стр. 12.

² В 1726 г. эта коллекция была передана в Кунсткамеру.

³ И. Е. Забелин. Библиотека и кабинет графа Брюса. Летопись русск. лит. и древн., кн. 1, ст. IV, 1859, стр. 28—62.

⁴ И. Е. Забелин. Опыты изучения русских древностей и истории, ч. II. М., 1873, стр. 331.

Уже тогда по его распоряжению делались многочисленные покупки различных «диких» предметов у отечественных и иноземных «купецких людей».

Первоначально, в связи с увлечением молодого царя военным делом, для него приобреталось главным образом оружие и воинские доспехи самых разнообразных систем и народов.

В столбцах «Дворового приказа» за 1682—1695 гг. можно найти записи о покупке таких, например, предметов, как «малый лук, кибить писана по красной земле золотом», «кости буйволовы, турецкого дела», «два лука турецких, три мешечки», «гнездо северг (стрел, — Т. С.) шефраненых с белохвостовым орловым пером», «лук московского дела», «лук с буйволвыми костями, кибить писана по белой земле», «лук турецкий», «пищаль винтованная красного железа, шестерик, в трех местах травы золоченые, меж трав, канфора присинена, замок русский», «пищаль винтованная. . . замок шкатский», «фузея немецкая», «пищаль. . . . замок русский, на казне высечены обранные травы. . . на дуле высечены слова: покой, наш, слово и глаголь», «лук бухарский», «сабля египетская»¹ и др.

С годами преобладающее место среди приобретений для царя начинают занимать различные предметы, связанные с естественно-историческими науками. XVII век может быть отмечен как период бурного развития наук, которые, как указывал Ф. Энгельс, «после темной ночи средневековья вдруг вновь возрождаются с неожиданной силой» и начинают развиваться с «чудесной быстротой». Чудеса эти, говорит он, были порождены всем предшествующим ходом развития производства, добывшего «массу новых механических (ткачество, часовое дело, мельницы), химических (красильное дело, металлургия, алкоголь) и физических фактов (очки), которые доставили не только огромный материал для наблюдений, но также и совершенно иные, чем раньше, средства для экспериментирования».²

Нарождающаяся буржуазия, заинтересованная в накоплении фактических знаний, покровительствовала сбору их, благодаря чему эмпирическая наука завоевывает права гражданства и выходит из-под власти церковной схоластики.

Особенно широкое развитие получают естественные науки, находившиеся в то время еще на стадии первоначального

¹ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом, т. I, М., 1872, стр. 28, 29, 54, 58—61, 74, 79, 83 и др.

² Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1952, стр. 145—146.

накопления материала. Изучению подвергается строение Земли, растительный и животный мир.

Громадную сумму знаний по ботанике, зоологии, геологии и физиологии дали географические открытия, «произведенные исключительно в погоне за наживой, т. е. в конечном счете под влиянием интересов производства».¹ Существенные сдвиги произошли в изучении физиологии и анатомии человека (открытие кровообращения и органических тел). К концу XVII и особенно к началу XVIII в. анатомия даже становится своего рода модой.

Ни один правитель не мог прослыть «просвещенным», если не имел придворного анатома. Искусные анатомы начинают зарабатывать огромные деньги, и сам век становится «золотым не столько для анатомии, сколько для анатомов».²

Используя большой интерес общества к предметам, связанным с естественной историей, Голландия, обладавшая торговыми факториями в Индии и Индонезии, Африке и Америке,³ первая начинает заготавливать и привозить «заморские редкости» для массового сбыта. По количеству производившихся аукционов в тот период столица ее, Амстердам, занимала первое место на мировом рынке.⁴ Здесь можно было найти, как отмечали современники, все, «что Китай и Индия и четыре части света лучшего и богатого имеют и выдают. . . Магазины наполнены всякими. . . диковинными и драгоценными вещами, которые по все годы из всего света привозят корабли и в те двory кладут».⁵ При торговых компаниях возникают своеобразные музеи — «Ост-Индский Дом» и «Вест-Индский Дом», в которых, так же как и в многочисленных частных собраниях страны, были сосредоточены главным образом естественно-исторические, а иногда и анатомические препараты. Искусство препарирования во второй половине XVII в. достигает здесь очень высокого уровня. В Амстердаме появляются даже анатомические музеи, демонстрирующие посетителям за плату различные препараты.

Отдельные достижения мировой науки усиленно пропагандируются у нас Петром I. Его интерес к коллекционирова-

¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1952, стр. 146.

² Memoire K. E. Baer's über das Anatomische Kabinet (далее цитируется как Бэр). Сб. Музея антроп. и этногр., СПб., 1900, стр. 116—117.

³ Владения Голландии в южной и юго-восточной Азии: о. Цейлон, п-ов Малакка, Молуккские и Зандские острова; в Африке: мыс Доброй Надежды; в Америке: о. Ямайка и др.

⁴ Murray D. Museum, their history and their use. Glasgow, 1904, p. 115—116.

⁵ Туманский. Собрание разных записок, т. III, стр. 51—52.

нию приобретает в этот период другое направление. Во время путешествия 1697—1698 гг. с известным «Великим посольством» по ряду стран Западной Европы, в том числе и по Голландии, Петр, живо заинтересовавшись естественными науками, становится неутомимым посетителем многочисленных собраний и аукционов. Известно, что уже в первые месяцы своего пребывания в Амстердаме он знакомится с одним из лучших анатомов своего времени Фредериком Рюйшем¹ и налаживает научный обмен с ним. Рюйш прославился искусством бальзамировать трупы и готовить препараты человеческих плодов настолько искусно, что существовала даже легенда, что он обладал каким-то особым секретом консервации, который и унес с собой в могилу.

Принадлежавшее ему собрание по анатомии и эмбриологии заинтересовало Петра и, повидимому, было тогда же намечено им для приобретения.² При посещении города Дельфта Петр познакомился со знаменитым зоологом того времени Левенгуком, открывшим при помощи сконструированного им же микроскопа процессы перехода крови из артерий в вены. Приглашенный Петром на корабль, Левенгук продемонстрировал русскому царю, «помимо других своих редких открытий, поразительный круговорот крови в хвосте угря» при помощи специальных увеличительных стекол.³

После встречи с Левенгуком Петр пополнил свои коллекции значительным количеством микроскопов.

¹ В письме от 1 июля 1701 г. Рюйш благодарит Петра за присылку скляниц «с ящерицами и червяками», просит приказать прислать ему «червяков с желтыми пятнами», бабочек и «иных всяких гадин», а также «жучков, пружии, великие мухи, оводы, дивные лягушки, змеи, крысы, белки летучие и иные зверьки в хлебном вине; также всякие маленькие рыбки, длиною с перст до пяди» из-под Азова и других мест России и сам в свою очередь посылает: «1) Вельми удивительную ящерицу с острыми челюстями; 2) малый лигван, имея зеленое брюхо из Западной Индии; 3) рыбка из острова Каракуас, имея черное пятно на хвосте; 4) двоеглавую змею оттудыж; 5) Восточной Индеи сверчек; 6) выпороток рыбы Гай Каракауса же острова; 7) золотой жучек из шпанских западных Индей; 8) вельми удивительная птица из Восточной Индии; 9) пречюдная ящерица; 10) еще ящерица; 11) две змеи из Восточные Индеи». [П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом (далее цитируется как Наука и литература), т. I, прилож. II, СПб., 1862, стр. 520—521.]

² М. М. Богословский. Петр I. Материалы для биографии (далее цитируется как Петр I), т. II, М.—Л., 1941, стр. 174.

³ G. van Loon. Beschryving der Nederlandische Historypemmingen. т. IV, кн. 3, s'Graavehsage, 1723—1731, стр. 223. (Цит. по: С. Л. Соболев. История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке. М.—Л., 1949, стр. 36).

Следует отметить, что в большей части европейских музеев наряду с действительно ценными препаратами, имевшими большое познавательное и просветительное значение, демонстрировались как отдельные экспонаты, так и целые композиции, которые не имели никакого отношения к науке. Так, например, в Амстердаме существовал Анатомический театр, в котором одно из центральных мест занимали скелеты преступников обоих полов, «одетые славным образом и сидящие на разных зверях»;¹ в Аусбурге, в одной из аптек, показывалась богатая минералогическая коллекция, а наряду с ней мумифицированные головы убитых турков, на многих из которых, сообщает спутник Петра I, осматривавший вместе с ним это собрание, «ран по двадцати, на иных и более».² Само собою разумеется, что наличие подобных экспонатов диктовалось не просветительными целями, а стремлением разжечь любопытство, хотя бы и не здоровое, и тем самым увеличить количество посетителей.

Какие из осмотренных коллекций и книг более всего интересовали Петра I за время его пребывания с «Великим посольством», мы можем с большей точностью установить благодаря сохранившимся мемуарам и приходно-расходным книгам упомянутого «посольства».

Сделанные в это время по распоряжению Петра приобретения довольно многочисленны и могут быть разбиты на три основные группы: 1) научная литература по всем отраслям знаний (анатомия, математика, география, кораблестроение и др.); 2) различные приборы и инструменты, которые заносились обычно суммарно, но иногда и перечислялись («малый глобус, что в корпусе», «философский инструмент антлия», «квадрант мартирный», «огнестрельные и инженерные инструменты», циркули, пергамент и доски для черчения, медицинские и хирургические инструменты и т. п.)³ и 3) различные редкости, прежде всего редкости из мира природы: «морской зверь коркодил да морская рыба свертфиш»,⁴ «плоды морские, которые куплены на Остинский двор», «раковины», живые звери (различные обезьяны, попугаи) и «стеклянные сосуды, в которых обретаются разные вещи, принесенные с Остинского

¹ И. Голиков. Деяния Петра Великого, т. V, стр. 95.

² И. Ф. Горбунов. Журнал путешествия по Германии, Голландии и Италии 1697—1699 гг. Русск. Стар., XXV—XXVI, стр. 117.

³ Цит. по: Н. А. Бакланова. Великое посольство за границей. Сб. «Петр Великий», I, М.—Л., 1947, стр. 16—17.

⁴ М. М. Богословский. Петр I, т. II. 1941, стр. 347.

двора».¹ В этих сосудах, по всей вероятности, и содержалась та небольшая коллекция «рыб, птиц и гадов», о которой как приобретенной Петром I в 1698 г. в Голландии неоднократно упоминают позднейшие каталоги Кунсткамеры.²

При отправке в Россию «скляницы» эти были обернуты специально приобретенной для этого случая бумагой и уложены в «деревянные ковчеги». Тогда же были приобретены «фарфуровые сосуды», «персона глиняная остинской работы» и другие вещи, характеризующие искусство народов Востока.

Закупленные предметы и коллекции постепенно переправлялись в Россию. Так, 8 июня 1697 г. были отправлены до Нарвы приобретенные в Кенигсберге «разные математические инструменты и множество искусством сделанных всякого рода вещей».³

Пополненное перечисленными экспонатами собрание Петра I стало первым русским собранием, включавшим в себя зоологические и анатомические препараты. Вплоть до начала XVIII в., как это нами уже указывалось, коллекционировались главным образом предметы, связанные с историей и искусством. Правда, в ряде собраний, главным образом церковных и монастырских, и ранее встречались отдельные предметы, как, например, раковины, минералы, пальмовые ветви, страусовые яйца, однако они заносятся в Россию чаще всего паломниками и воспринимались прихожанами не как образцы мира природы, а как «памятки», принесенные из «святой земли». Они тонули в массе других предметов, предназначенных для религиозной пропаганды, в результате чего их познавательная значимость сводилась к нулю.

Приобретая зоологические и анатомические коллекции, Петр прежде всего учитывал их учебное значение и указывал, что, знакомясь с ними, можно будет приобрести «в натуральной истории систематическое понятие».⁴

В борьбе за просвещение отчизны, начатой этим «действительно великим человеком»,⁵ известную роль суждено было сыграть и упомянутым коллекциям, положившим основу первому русскому государственному музею — так называемой Кунсткамере.

¹ Памятники дипломатических сношений, т. IX, 1868, стр. 931, 979, 980.

² Палаты Санкт-Петербургской Академии Наук. СПб., 1741 (далее цитируется как Палаты). Введение.

³ И. Голиков, ук. соч., т. IV, 1789, стр. 191.

⁴ А. Нартов. Рассказы о Петре Великом. СПб., 1891, стр. 31.

⁵ Ф. Энгельс. Внешняя политика русского царизма. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, М.—Л., 1936, стр. 12.

! Перечисленные факты из истории коллекционирования в нашей стране предметов старины и предметов, относящихся к истории познания человеком окружающего его материального мира, конечно ни в коей мере не могут заменить собой обстоятельного очерка по истории этого вопроса. Подобная тема безусловно заслуживает специального рассмотрения. Однако привлеченного материала вполне достаточно для того, чтобы убедиться, что коллекционирование в нашей стране имеет многовековую историю, что по мере приближения к XVIII в. оно все чаще становится предметом специальных занятий все большего числа образованных русских людей и что к началу XVIII в. предметом коллекционирования становятся не только памятники истории, но и предметы естественно-научного характера, служащие не только к познанию истории, но и к познанию окружающего человека материального мира.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КУНСТКАМЕРА ПЕТРА I — ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ЕСТЕСТВЕННО- НАУЧНЫЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Реформы Петра I в области культуры. Интерес к биологическим наукам. Анатомический театр. Основание Кунсткамеры. Здание и финансы ее. Указы о сборе коллекций. Поступления в Кунсткамеру. Характеристика коллекций, размещение и оформление их

Конец XVII и начало XVIII в. были переломным периодом в истории России. Мероприятия Петра I, ставившие своей целью поднять экономику страны, вырвать ее из «рамки отсталости»,¹ укрепить военную мощь России, потребовали чрезвычайного напряжения народных сил. Петр I, сделавший, как указывает товарищ Сталин, «очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев», производил это «за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры».²

Реформы Петра не могли быть проведены в жизнь без подъема общего культурного уровня, конечно, в первую очередь господствующего класса. Потребовалось обучение многочисленных кадров отечественных специалистов как в области промышленности, так и в области военного дела. Не ограничиваясь подготовкой русских специалистов, Петр приглашает в Россию иностранных, из которых многие нашли в ней свою родину. Культура и образованность, а вместе с ними и все ведущие посты в гражданских и военных органах в основном сосредоточивались в руках дворянства. Опираясь в проведении культурных реформ на группу передовых деятелей России, Петр начал решительную борьбу за повышение культуры и образованности, применяя как метод убеждения,

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 249.

² Там же, т. 13, стр. 105.

так и, в ряде случаев, принудительные меры, «не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства».¹

Культурные сдвиги, происшедшие в этот период, трудно переоценить. В Москве и Петербурге основывается ряд светских профессиональных школ. В 1701 г. была основана первая школа наук «математических и навигацких», ставившая своей целью воспитание специалистов главным образом в области мореходства; в 1703 — гимназия, дававшая знания гуманитарных наук и языков; в 1706 — хирургическое училище; в 1712 — Инженерное и, наконец, в 1719 г. — Артиллерийская, или Пушкарская, школа. Большая часть этих заведений дублировалась или переводилась в Петербург после объявления его столицей государства.

Громадные сдвиги в то же время произошли в области книгопечатания. Для напечатания светской литературы вводится упрощенный гражданский шрифт, открывается несколько типографий. Резко увеличивается численность выпускаемой светской литературы как отечественной, так и переводной. Среди новых изданий можно назвать такие, как «Арифметика» Магницкого, «Грамматика» Смотрицкого, являвшиеся обширными сборниками по гуманитарным и точным наукам, которые великий русский ученый М. В. Ломоносов впоследствии назвал «воротами своей учености», «Букварь» Поликарпова и многочисленные переводные издания по математике, механике, архитектуре, военному делу, литературе, гражданской и естественной истории — «География» Вареинуса, «Книга мирозрения» Гюйгенса, «Басни» Эзопа, «Метаморфозы» Овидия и др.

Расширению кругозора русского общества способствовало также учреждение первой русской газеты — «Ведомости», общедоступной библиотеки и первого русского музея — Кунсткамеры, — истории основания и первым годам существования которого и посвящается настоящая глава.

Как уже упоминалось выше, Петр I придавал большое значение развитию отечественных наук и, в частности, в связи с непрерывно происходившими войнами, особое внимание уделял развитию хирургии. Для использования в качестве наглядных пособий по этой дисциплине он передает в Московскую аптекарскую канцелярию из своего личного собрания ряд зоологических и анатомических препаратов и организует производство подобных же препаратов в Москве.

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 27, стр. 307.

В 1703 г. при госпитале открывается Анатомический театр, в котором начинают изготавливаться отечественные анатомические препараты.

Материал для производства вскрытий поступал первоначально в анатомический театр из полиции,¹ а также от населения Москвы и Московской губернии в соответствии со специально изданными царскими указами.

Просматривая текст этих указов, мы можем сделать вывод, что основной интерес русских анатомов в начале XVIII в. был сосредоточен на эмбриологии и на так называемых «монстрах», или «уродах». Так, 28 января 1704 г. издается указ «о погребении умерших на третий день и о подтверждении повивальным бабкам, под смертной казнью, чтобы они младенцев, рожденных уродами не убивали» и не «таили», а сообщали о них приходским священникам.²

Второй указ, опубликованный 30 мая 1705 г., был адресован уже приходским священникам и предписывал им тотчас доводить до сведения «боярина Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина с товарищи», если «которая череватая жена умрет». Мертвые тела детей и беременных женщин передавались, по всей вероятности, в Анатомический театр, где и началось изготовление отечественных препаратов по анатомии и эмбриологии. Препараты эти хранились в главной аптеке Москвы, в которую еще ранее была передана приобретенная Петром в 1698 г. в Голландии коллекция «рыб, птиц и гадов, сохраняемых в склянках». От этого как бы ведомственного собрания, доступного всем имеющим какое-либо отношение к естественным наукам, до государственного общедоступного музея оставался всего лишь один шаг.

В связи с перенесением столицы в Петербург Петр I распорядился перевезти туда свое личное собрание и библиотеку, а также коллекции по анатомии и зоологии, которые хранились в Аптекарской канцелярии. К 1714 г. все экспонаты были перевезены в новую столицу и размещены в Летнем дворце. Коллекции оказались столь обширными, что для должного обслуживания их потребовался специальный штат. «Главное смотре-

¹ «В России медики и хирурги при госпиталях могут для анатомирования брать все трупы преступников, если только читать над ними лекции воспитанникам. Такой обычай весьма похвален, п. ч. способствует образованию отличных хирургов, в которых здесь нет недостатка» (Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого. М., 1875, стр. 128 — далее цитируется как Дневник Бергольца).

² Полное собрание законов Российской империи (далее цитируется как Полное собрание законов), т. IV, СПб., 1830, № 1964.

ние» над ними было поручено Президенту Аптекарской канцелярии¹ лейб-медику Роберту Арескину, который назначил, в свою очередь, «библиотекарем и надсмотрителем редкостей и натуралиев» ловкого интригана, метко охарактеризованного впоследствии Ломоносовым как «неприятеля наук российских», — Иоганна Шумахера.

Факт сосредоточения к этому году крупного собрания исторических и «натуральных» экспонатов в одном месте и послужил основанием для историков считать 1714 год датой основания первого русского исторического и естественно-научного музея, получившего наименование Кунсткамеры.² Однако, если понимать под словом «музей» не только личное собрание царя, или, как оно еще называлось, «Императорский кабинет», а учреждение, доступное для сравнительно широкого круга лиц, то первое упоминание о нем, в этом значении слова, мы встречаем четырьмя годами позже, а именно в 1718 г. 30 июля этого года надзиратель над коллекциями Шумахер получил распоряжение: «вещи, которые привезены из Голландии,³ надлежащие в Куншт Камору, обретающиеся у господина архиатера доктора Арескина, положить для сохранения в описанном доме Александра Кикина, у реки Невы, с московской стороны, против Канец»⁴ (рис. 2). При осмотре этого дома, однако, выяснилось, что он требует довольно солидного ремонта, ибо «дверей, оконниц и печей не имеется». Производство необходимых работ потребовало некоторого времени, вследствие чего переноска приобретенных коллекций, а вслед за ними и большей части личного собрания и библиотеки Петра I в Кикины палаты могла осуществиться не ранее конца 1718—начала 1719 г.,⁵ последний срок мы и принимаем как дату открытия Кунсткамеры, ибо только с этого времени

¹ Аптекарский приказ в 1707 г. был переименован в Аптекарскую канцелярию, а с 1725 г. — в Медицинскую канцелярию (В. Р и х т е р. История медицины в России, ч. III. М., 1820, стр. 37).

² Кунсткамера от немецкого *die Kunst* — искусство, художество, и *die Kammer* — палата, комната, т. е. «палата искусства», или «палата редкостей».

³ Под «вещами из Голландии» подразумевается, по всей вероятности, коллекция, приобретенная в 1717 г. у уже известного нам голландского анатома Рюйша.

⁴ Центральный Государственный Архив древних актов, Госархив, р. XVII, д. 1, 1718, л. 1. Канцы — существовавшая в то время крепость на правом берегу Невы, расположенная близ нынешнего Охтинского моста.

⁵ Во введении к «Палатам» Шумахер указывает, что коллекции Кунсткамеры хранились в Кикиных палатах с 1719 по 1727 год, чем и подтверждает приведенную дату.

14
 29
 МОН ДРБЪ КНЗЕ АЛЕКСИЙ МИХАИ-
 ЛОВИЧЪ
 Указавъ ево архиепископу, великому
 владыке, о потребной приездной
 дин. належащие видныя хамы
 брѣтвѣщія нѣтъ. У Господина
 Архидіакона доитора Арсина
 полагать для сохраненія, вѣдѣ-
 ное мѣсто, для потребныхъ
 вещей въписной домъ Александра
 Кнѣзья, урѣши несе, (пополю)
 стороны, противъ пѣнецъ. (и)
 нѣмъ полагать, упомянуто
 Господина Архидіакона доитора
 Арсина, секретаря, доносъ на
 сто вѣхъ, полагать, дѣлѣ
 Оконницѣ (и) не мѣся за гѣ

Господомъ

Упомянутое вѣдѣніе
 нѣтъ вѣхъ, не по мѣсту.
 по ради прѣлажа въ мѣстѣ
 Упомянутое ево црнѣ великого
 Упомянутое приназъ по дѣлѣ
 О (и) помянутое вѣдѣніе
 Оконницѣ, несе, (и) по
 помянутое вѣдѣніе, не мѣстѣ
 дѣлѣ вѣдѣно было вѣдѣніе
 помянутое вѣдѣніе вѣдѣ-
 нѣніи бѣтъ бѣдѣніи.

Михайло Кнѣзь Олександръ
 Секретарь Кнѣзь Олександръ
 Секретарь Кнѣзь Олександръ
 Секретарь Кнѣзь Олександръ
 Секретарь Кнѣзь Олександръ

Рис. 2. Распоряжение о переводе Кунсткамеры в Кишкинны палаты 1718 г. (Центр. Гос. Архив древних актов, Москва).

она становится доступной для довольно широкого круга посетителей и из частного «императорского собрания» превращается в общедоступный музей с самостоятельным штатом и помещением. Я. Штелин описывает это событие следующим образом: «Тогда приказал Его Величество находящимся под начальством лейб-медика Арескина, главного оной кунсткамеры надзирателя, библиотекарю Шумахеру: поелику все в надлежащем порядке учреждено и расставлено, то бы впредь всякого желающего оную смотреть пускать и водить показывая и изъясняя вещи».¹ Профиль Музея, с момента его основания, был определен Петром I как просветительный: «Я хочу, — заявил он, — чтобы люди смотрели и учились».

Кикины палаты, в которых разместился Музей, были расположены обособленно от других строений и представляли собой двухэтажное каменное здание значительных размеров. Приведенное здесь изображение этого дома дает некоторое представление о его внешнем облике (рис. 3), хотя и неточное, ибо не вполне совпадает с сохранившимся планом,² из которого явствует, что задний и передний фасады здания имели ряд выступов. Передаточная опись Кикиных палат, датированная 1728 г., раскрывает нам внутреннюю планировку дома.³ Из нее известно, что во 2-м этаже имелся 1 большой зал, освещенный 11 окнами, 12 «каморок»⁴ различной величины, 2 «задца»⁵ и сени. 1-й этаж состоял из 11 комнат («погреб»),⁶

¹ Я. Штелин. Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санктпетербурге. 1787, стр. 115.

² Изображение заимствовано из книги Богданова-Рубана «Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга от начала заведения его с 1703 по 1751 год», вышедшей с в 1779 г. В 1724 г., как указывает автор той же книги на стр. 163, на месте Кикиных палат была возведена церковь Конной гвардии. Приведенная гравюра не отличается точностью и является, по всей вероятности, позднейшим воспроизведением по памяти. Упомянутый план исполнен в 1830—1843 гг. А. Л. Мейером, составившим исторический план застройки Петербурга на основании подлинных, впоследствии частично утерянных планов и других материалов. Фрагменты этого плана хранятся в рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (отд. чертежей и рисунков, № 101) и были любезно предоставлены нам благодаря содействию проф. В. К. Макарова, нашедшего их.

³ «Опись дома Александра Кикина в котором была Кунсткамера палатам и деревянным покоем, и что в них имеется. Майа, 24 дня 1728 г.». Архив Академии Наук СССР (далее цитируется как Архив АН), ф. 3, оп. 1. № 5, лл. 212—217.

⁴ «Камора», «каморка» — комната, покойчик.

⁵ «Задец», «задник» — заднее, не освещаемое помещение, чулан.

⁶ «Погреб» — нижнее жилье в доме, частью в земле.

одна из которых находилась под залом и соответствовала ему по размерам. Все помещения сообщались друг с другом, отапливались большими «обрасчатыми» (изразцовыми, — Т. С.) печами или камельками штукатурной работы и освещались многочисленными окнами с мелкими свинцовыми переплетами, «оконницами».

В числе надворных построек, относящихся к Кунсткамере, упоминаются «деревянные покои»,¹ «светлица, где жил апте-

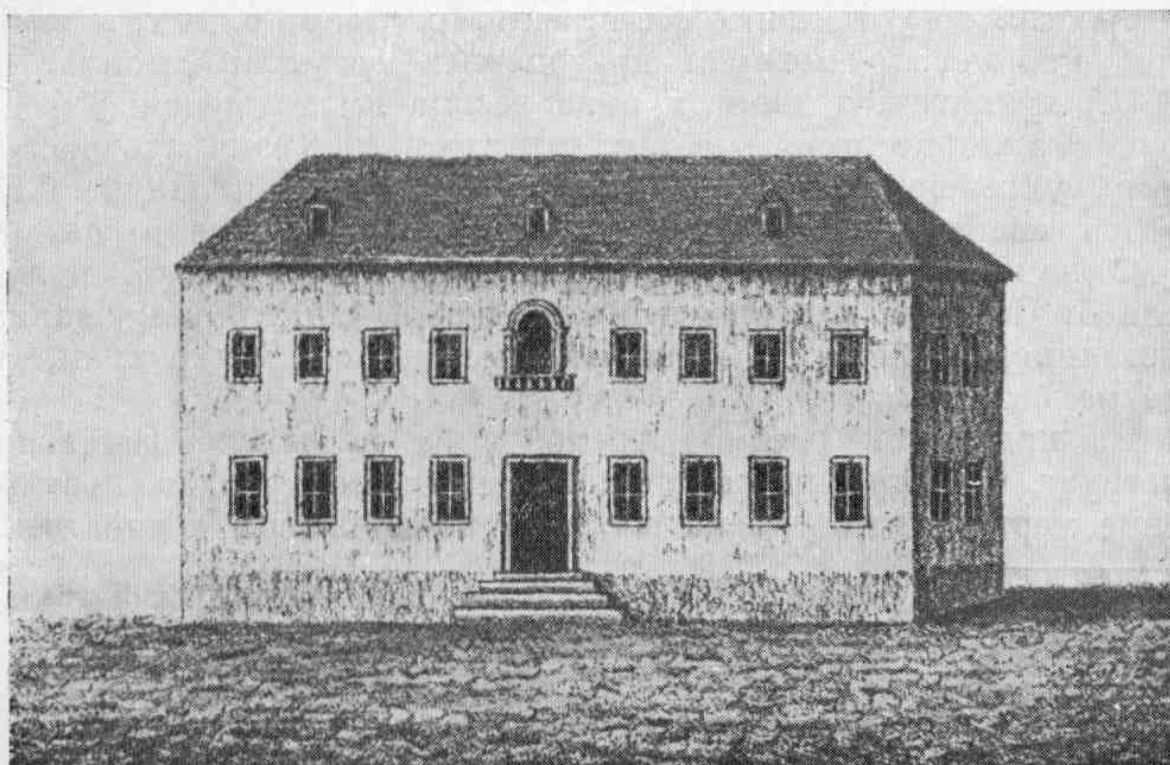

Рис. 3. Кикины палаты. По рисунку конца XVIII в. А. Богданова.

карь» и «ляборатория ветхая с чуланом». Таким образом, в Кикином дворе был сосредоточен целый научный комплекс, включавший в себя Музей, Библиотеку и Лабораторию. Обслуживающий персонал его состоял из «библиотекариуса»,² объединявшего в своем лице заведующего Библиотекой и

¹ Назначение деревянных покоев неясно. Единственно, что можно утверждать, это то, что они связаны с коллекциями и были совершенно необходимы для каких-то неизвестных нам целей, ибо при перевозке коллекций из Летнего дворца их разобрали, перевезли на Кикин двор и там вновь собрали, за что была уплачена весьма значительная по тому времени сумма в 75 руб. (Архив АН, ф. 3, оп. 1, л. 73).

² Должность «библиотекариуса» с 1714 по 1761 г. занимал Иоганн Даниэль Шумахер, впоследствии всеильный советник Канцелярии Академии Наук, сыгравший резко отрицательную роль в ее истории.

Музеем, «надсмотрителя натуральных вещей»,¹ в обязанности которого входило «все, что в Кунст каморе есть и ко оному принадлежит чисто содержать, ко оной надлежащую химическую работу прилежно исполнять и все то чинить, что к содержанию оной ему повелено будет»,² переплетчика с подмастерьем, столяра для всяких поделок и «барометренного дела мастера». ³ Помимо этого, при Кунсткамере имелось 4 работника, которые были обязаны «печи топить и в палатах чистить»,⁴ а с 1724 г., ввиду того что «в оной кунст-каморе содержится много дивные вещи, золотых и серебряных, и особливо кабинет, в котором драгоценные металлы (медали, — Т. С.) хранятся, а двери и окна весьма плохо в ней укреплены»,⁵ а также в связи с тем, что здесь же хранилась казна вновь учрежденной к этому времени Академии Наук, был введен специальный караул из 5 солдат и ефрейтора.

Финансовое довольство Кунсткамера первоначально получала от Соляной конторы и Медицинской канцелярии, однако постоянного бюджета, судя по имеющимся материалам, у нее не было.⁶

Из подробной росписи расходов за перечисленные годы явствует, что они шли на изготовление экспонатов (за «поставление мертвой птицы»), на доставку экспонатов и хозяйствен-

¹ Должность смотрителя до 1719 г. занимал «аптекарский гзель» (ученик, — Т. С.) Бальтазар Шталь, а с 1 января 1719 г. — Георг Бальтазар Стагий.

² Материалы для истории Академии Наук (далее цитируется как Материалы), т. I, СПб., 1885, стр. 3.

³ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 4, л. 67.

⁴ Материалы, т. I, стр. 2.

⁵ Там же, стр. 36.

⁶ Так, в 1718 г. «дачи деньгам не было». С 1719 по 1723 г. Кунсткамера получила следующие ассигнования (Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 1, л. 67):

1719 — из Соляной конторы	200 р.
1719 — от господина лейб Медикуса Лаврентия Лаврентьевича Блументроста принято от анатомии воску	744 р. 73 к.
1720 — из вышеупомянутых анатомий воску	882 р. 97 к.
1721 — от Соляной конторы	200 р.
1722 — от Соляной конторы	300 р.
1723 — от г-на лейб Медикуса	150 р. 96 к.

Всего . . . 2 478 р. 66 к.»

Под деньгами «от анатомии» здесь, повидимому, понимаются деньги, предназначенные для приобретения воска или восковых анатомических препаратов. В Кунсткамере имелся ряд препаратов, например «церебрум в кране» (мозг в черепе, — Т. С.), выполненный по заказу Кунсткамеры в 1721 г. и сохранившийся до наших дней в Музее антропологии и этнографии СССР.

ных материалов («за провоз книг», «костей мамонтовых», «вина» для консервации препаратов, «пузырей» для закупорки сосудов, досок, глины, черепицы и др.), на покупку различных материалов для оборудования и украшения экспозиционных шкафов и помещений [«за 12 столов к библиотеке и кунсткамере», за 800 аршин холста на обивку хором, где натуральные вещи и книги поставлены будут», «за две книжки сусального золота, на позолоту кинжалов (клешней, — Т. С.) крабов», «за три фунта клею», «за проволоку», «на кожи, бумагу, на муку» переплетчику, на ножницы, нитки] и другие необходимые траты на хозяйственные и экспозиционные нужды. Из этих же сумм оплачивались «мелкие столярные дела», кузнечные «всякие работы», а также оклады истопникам (по 24 руб. в год).¹ Заработная плата всех остальных служащих Библиотеки и Кунсткамеры выплачивалась Медицинской канцелярией и определялась следующими суммами: библиотекаря — 400, надзирателю — 200, «книг переплетчику» — 120, «ему же за квартиру» — 18, «барометренного дела мастеру» — 180, «ему же за квартиру» — 14 руб. в год.²

Любопытно отметить, что с 1724 г. по именному указу Петра «на чрезвычайные расходы для пребывания знатных персон»³ стали выдавать ежегодно, вне зависимости от других расходов, еще по 400 руб., предназначенных специально на угощение посетителей.

Факт угощения посетителей Музея крайне показателен. За осмотр аналогичных учреждений Западной Европы в начале XVIII в., как правило, взималась довольно значительная плата. Так, например, музей в Дрездене содержался исключительно на средства, собираемые с посетителей. Из них выплачивалось жалование смотрителю и производились необходимые расходы по уборке и хранению, благодаря чему входная плата была очень высока и колебалась от 4 до 6 гульденов или от 9 до 14 шиллингов. Музей Эшмоля в Оксфорде (Англия) также не имел собственного бюджета и существовал «на чаевые, даваемые посетителями».⁴

Открытие Петербургской Кунсткамеры для широкого обозрения диктовалось, как указывалось выше, не меркантильными, а просветительскими соображениями. Слабый интерес

¹ Выборка расходов взята из росписи расходам за 1718—1723 гг. (Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 1, лл. 68—74).

² Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 1, л. 67.

³ Материалы, т. I, стр. 66.

⁴ K l e m m. Geschichte der Samlungen fur Wissenschaft und Kunst in Deutschland. Zerbst., 1837, стр. 205.

к науке ленивых дворянских увальней, которых Петр просвещал вопреки их желанию, должен был, по его замыслу, на первых порах подогреться угощением.

Помимо денег, Кунсткамера получала некоторые поставки натурой, в частности спирт для консервации препаратов (от 100 до 200 ведер в год)¹ и дрова. В расходной книге имеются записи большей частью о доставке их, но не о приобретении.

С созданием Академии Наук (1724 г.) Кунсткамера и Библиотека переходят в ее ведомство и самостоятельного бюджета не имеют. Расходы их оплачиваются, по мере надобности, из общеакадемического бюджета, складывающегося, в соответствии с указом от 22 января 1724 г., из дохода от четырех городов, выражающегося в сумме 24 912 руб. ежегодно.

Из дошедших до нас воспоминаний русских и иностранных современников можно сделать вывод, что уже в первой четверти XVIII в. коллекции Кунсткамеры представляли значительный научный интерес. Они включали в себя такое множество редкостей, «что можно было совсем растеряться»,² и разделялись на натуркамеру, «заключавшую в себе множество замечательных предметов по части естественной истории», «прекрасный мюнц кабинет» (кабинет монет и медалей, — Т. С.) и «довольно большую библиотеку».³ Посетивший Кунсткамеру в 1725 г. немецкий профессор (имя которого источник не приводит) отмечает, что «не мог бы провести своего дня прекраснее».⁴ Член гольштинского посольства камер-юнкер Бергольц, несомненно хорошо знакомый с музеями Европы, оставил в своем дневнике за 1721—1725 гг. обширные записи о поразивших его собраниях Кунсткамеры. Он подробно описывает анатомические, эмбриологические, зоологические, ботанические и геологические коллекции и отмечает, что «такое множество предметов по части естественной истории и самых разнообразных уродов здесь собрано благодаря тому, что в соответствии с царскими указами препровождали в Петербург из всего государства все неестественное и неизвестное в каком бы ни было роде».⁵

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 1, л. 71.

² С. F. Neickelius. *Museographia oder Anleitung zum rechten Begriff und nützlicher Anlegung der Museorum oder Raritäten-Kammer* (далее цитируется как *Museographia*), ч. III. Leipzig und Breslay, 1727, стр. 331.

³ Дневник Бергольца, стр. 153—156.

⁴ *Museographia*, ч. III, стр. 333.

⁵ Дневник Бергольца, стр. 153.

В самом деле, Петр I, наряду с приобретением крупных собраний, с присущей ему энергией быстро налаживает сбор разнообразных отечественных коллекций, количество которых возрастало с каждым годом. На первых порах характер их определялся правительственными указами.

Первые указы 1704—1705 гг., как уже упоминалось выше, распространялись на Москву и ее ближайшие окрестности и были направлены на обогащение анатомических коллекций, хранившихся до 1714 г. при Московском хирургическом училище.

В 1717 г. издается ряд указов, которые, в отличие от предыдущих, предусматривали сбор коллекций не только в пределах Москвы, но и в других, более отдаленных областях государства. Так, например, Воронежскому губернатору С. А. Колычеву посылается предписание «о налавливании птиц и диких зверьков по приложенному реестру и приискании в Костинске и других городах великих костей как человеческих, так и слоновых и других необыкновенных». Губернатору Сибири Н. А. Гагарину предлагается «для пробы из губерний раковин и камышков разноцветных рук какие в каких реках явятца с каждой губернии по пуду, привезав к ним ярлыки с описанием прислать в Санкт-Петербурх».¹

Указы 1718 г. имеют в виду уже всю страну. Первый из них (от 13 февраля 1718 г.) — «о приносе родившихся уродов, также найденных необыкновенных вещей»² — предписывает сдавать губернаторам и комендантам за вознаграждение «каменья необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птичьи. . . . да зело великие или малые перед обыкновенными, также как и старые подписи на каменьях, жилезье или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно».

Характерной чертой этого указа является то, что он не только предписывает сдавать уродов, но и пытается научно объяснить происхождение уродства: «невежды, чая, — говорится в нем, — что такие уроды рождаются от действия дьявольского, чему быть невозможно, ибо един творец всех твари Бог, а не дьявол, которому не над каким созданием власти нет; но от повреждения внутреннего, также от страха и мнения матерняго во время бремени, как тому есть многие примеры: чего испужается мать, такие знаки на дидяти бывают; также

¹ Памятники Сибирской истории XVIII века. СПб., 1885, кн. 2, № 43, стр. 168.

² Полное собрание законов, т. V, 1830, № 3159.

когда ушибается или больна будет и проч.». Для стимулирования сбора подобных экспонатов Петр вводит вознаграждения, порядок выдачи которых излагается во втором именном указе от того же числа,¹ а размеры уточняются указом от 11 июня 1718 г., причем в нем же предписывается «делать чертежи, как что найдут».² На основании этих указов в Кунсткамеру со всех концов страны начинают поступать всевозможные экспонаты: меч-рыба, «которая между Мемельским гафом и морем лежала», уродливая овечка, «у которой по сторонам два рта с языками и два глаза, которыми видела», из Выборга; «один барашек, у него 8 ног; у другого — три глаза, два туловища, шесть ног», из Тобольска; «младенец, у него три ноги, из Нижнего Новгорода»; «теленки, у него 2 мундстрозные передние ноги», «младенец с двумя головами», из Уфы; «один младенец — глаза под носом и руки под шеей, из Нежина»; «два младенца грудью и животом срослись, из Ахтырок», и т. д.³

Указы 1720—1724 гг. носят аналогичный характер и предписывают сбор и сдачу геологических, зоологических, археологических, исторических и библиографических⁴ материалов, причем часто сопровождаются специальными рекомендательными реестрами. Имелись также указы, предписывавшие собирать и переправлять в столицу археологические экспонаты и другие «курьезные вещи, которые в Сибири»,⁵ благодаря чему в Кунсткамеру начинают поступать значительные коллекции как из Сибири, так и из других отдаленных областей России.

Громадная роль в деле сбора коллекций для Музея принадлежит отечественным экспедициям. Сложившаяся в период царствования Петра историческая обстановка требовала расширения фактических знаний о рельефе, природных особенностях и населении целого ряда районов России. Особое внимание было обращено на районы, изобилующие полезными

¹ Полное собрание законов, т. V, 1830, № 3160.

² «За человеческие кости за все (ежели чрезвычайного величества) тысячу рублеф, а за голову пятьсот рублеф. За денги и прочие вещи, кои спотписью по разсуждению. За камни спотписью по разсуждению. Один гроб с костями привезти не трогая» (Сенатский указ 1718 г., № 561, от 11 июня. Русск. Стар., 1872, т. 6, 674).

³ Материалы, т. I, стр. 39, 49, 59, 61, 66, 70, 96, 97, 99, 145 и др.

⁴ См.: Полное собрание законов, т. VI, 1830, № 3888. — Указ касается архивных документов и предписывает пересылать в Москву копии «древних лет рукописные, на хартиях, и на бумаге церковные и гражданские летописцы, степенные, хронографии и прочие сим подобные».

⁵ Там же, № 3738.

ископаемыми, где на основании разведок возникала добывающая промышленность, а главное на районы близ морей, овладение которыми было необходимо для всего дальнейшего хода развития России. Именно в районах Балтийского, Черного, Каспийского и Азовского морей, а также на Дальнем Востоке с особой тщательностью проводились геодезические работы.

Петр, будучи сам искусным географом, определял профиль работы этих экспедиций и руководил составлением для них инструкций,¹ в которые был включен громадный круг вопросов, связанных не только с картографированием, но также и с геологией, ботаникой, зоологией, экономикой, этнографией и историческим прошлым изучаемого района. Геодезические работы на Каспийском море начались с 1703 г. и проводились рядом исследователей, как то: Бековичем-Черкасским, Кожиным, Урусовым, Соймоновым и другими замечательными русскими исследователями, собравшими в труднейших условиях, иногда с опасностью для жизни, громадный фактический материал по целому ряду дисциплин. Сведения, собранные ими, позволили составить новую карту Каспийского моря, которая выгодно отличалась от карт XVII столетия и получила высокую оценку современников. По всей вероятности, из этого же источника «Натуральный кабинет» Кунсткамеры был «дополнен многими редкостями Каспийского моря»,² настолько интересными, что ознакомившийся с ними польский король тотчас «попросил подобную же редкость для своего кабинета».³

В 1726 г. в Кунсткамеру поступили две большие археологические коллекции,⁴ включавшие в себя золотые и серебряные вещи, открытые в окрестностях Астрахани, а также древности, обнаруженные в 1716—1718 гг. в языческих молельнях «на восточном краю Каспийского моря, в стране Самарканд», которые состояли «из всякого рода жертвенной утвари и ветхих, но разборчивых рукописей на пергаменте». Помимо на-

¹ Д. М. Лебедев. География в России в петровское время. М.—Л., 1950, стр. 24.

² Museographia, ч. I, стр. 82—83. Коллекции были собраны, видимо, возле Астрахани и в Прикаспийском крае.

³ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 4, лл. 175—176.

⁴ I. B a k m e i s t e r. Essai sur la Bibliotheque et le Cabinet de curiosités et d'histoire naturelle de l'Academie des Sciences de Saint Petersburg, 1776, стр. 159. — Русское издание в переводе В. Костыгова вышло в Петербурге в 1779 г. под названием «Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской Императорской Академии Наук» (далее цитируется как Бакмейстер).

званных предметов, в этой коллекции имелось также «прилюбопытное собрание идолов».¹

Начавшееся в 1718 г. обследование Сибири ставило пополнение и украшение Библиотеки и Музея² уже на первый план. В указе, изданном по поводу посылаемого туда доктора Д. Мессершмидта, было написано, что он направляется в Сибирь сроком на 7 лет «для изыскания всяких раритетов и аптекарских трав, цветов, коренья и семян».³ В круг его обязанностей входил не только сбор материалов по естественно-историческим дисциплинам, но также описание памятников древностей и языков сибирских народностей. Что понималось в данной ему инструкции под «раритетами», явствует из приведенного ниже одного из многочисленных доношений, рассылавшихся Мессершмидтом по различным городам Сибири. «По указу царского величества, говорилось в нем, велено мне в Сибирской губернии и во всех городах. . . приискивать. . . всякой птицы лесная и полевая и водяная и певчая мужская и женская живая или стреленная и пленницами ловленными и всяких зверей больших и малых. . . и всякие рыбы. . . всякой цвет земли и глины и камня. . . и всякой руды. . . и соль. . . и ящерицы и лягушки также могильных всяких древних вещей, шайтаны медные и железные и литые образцы человеческие и звериные и калмыцкие глухие зеркала под письмом. . . И все выше объявленное. . . приносить мне».⁴

Дошедшие до нас передаточные акты говорят о том, что это мероприятие Мессершмидта существенно помогло ему в деле сбора коллекций.⁵

¹ Ф. Х. Вебер. Преобразованная Россия. Русск. архив, 1872, стр. 1419—1420.

² Архив Института этнографии АН СССР (далее цитируется как Архив ИЭ), к. 1, д. 13, п. 1—4. Письмо президенту от 25 июня 1720 г. (Переводы рукописей Мессершмидта Е. В. Лавровой-Болдыревой).

³ Архив ИЭ, к. 1, д. 13, п. 1—4. Документ от 15 ноября 1718 г.

⁴ Архив ИЭ, к. 1, д. 13, п. 1—4, документ № 61, от 18 апреля 1721 г.

⁵ Вот один из таких актов:

«В Томске июля 4 дня 1721 г. от г-на коменданта В. Я. Козлович принял я:

Апреля	24	дня	— два соболя живые
Апреля	25	»	— один гоголь стреляный
»	27	»	— один чирок живой
Май	2	»	— две черницы живые да селезень живой
»	4	»	— одну гагару живую
»	21	»	— две перепелки стреляные
»	25	»	— одна черница стреляная
»	30	»	— один аист живой
Июня	1	»	— два коростеля живых
»	5	»	— один гусь живой да два свежие
»	9	»	— пять перепелок живых
»	14	»	— одну могильную деньгу медную китайскую» (Архив ИЭ, к. 1, д. 13, п. 1—4, Документ № 73, от 4 июля 1721 г.).

По имеющимся в значительном количестве в архиве Мессершмидта актам можно установить, что ученый получал живых и главным образом «стреляных» птиц и животных в больших количествах. Они препарировались и послужили материалом для чучел Кунсткамеры.

За годы путешествий по Западной Сибири, Даурии и Монголии Мессершмидт посетил Тобольск, Томск, Кузнецк, Абакан, Красноярск, Туруханск, Нижнюю Тунгузску, Киренский острог, Иркутск, Читу, Нерчинск, о. Далай-Нор, Енисейск, район Оби до Иртыша, Тюмень, Вятку и многие другие города и районы.

В результате этой поездки ученым были собраны не только многочисленные зоологические и ботанические коллекции, но также значительное количество «древностей памятников и нумизматики» («шайтан», «каменных статуй», «печати», серебряные монеты и медали) (рис. 4), а также «другие вещи, относящиеся к культуре и домашнему быту» (бубны, зеркала, одежда, утварь)¹ и много рукописей, положивших начало рукописному фонду Кунсткамеры по азиатским народностям.

В Петербурге, при приеме привезенных Мессершмидтом коллекций, было обнаружено, что в запечатанных ящиках, наряду с «натуралиями» и «древностями», предназначенными для Кунсткамеры, имелось большое число предметов, не занесенных в опись.² При расследовании выяснилось, что в них находились интереснейшие коллекции по этнографии, изобразительному искусству и письменности монголов и китайцев, а также прекрасно подобранная коллекция одежды сибирских народов, которые Мессершмидт приобрел лично для себя и пытался вывезти за границу.

Для определения ценности собранных экспонатов для русского народоведения из профессоров Академии Наук была создана специальная комиссия, которая постановила собранные коллекции передать «для обогащения Императорской Кунсткамеры». Все расходы по приобретению их были оплачены Мессершмидту, но учитывая, что он ставит интересы своей национальной науки выше интересов России, по изучению которой работал, с него, перед отъездом в Германию, была взята специальная подписка, чтобы он без разрешения

¹ Архив ИЭ, к. 1, д. 13, п. 1—4. Письмо Президенту от 25 июня 1720 г.

² G. F. Miller. An die versammlung der Keiserlichen Academie der vissenschaften. Материалы, т. VI, СПб., 1890, стр. 151.

«не публиковал о книгах, о описании и о курьезных вещах», находящихся в Петербургской Кунсткамере.¹

В эти же годы Кунсткамера пополнялась также и путем частных пожертвований. Многие русские люди понимали большую просветительную ценность Музея и стремились обогатить его чем могли. Они присылали различные экспонаты из мира природы («пять ящиков с морскими пауками» из Северного моря, «теленочек двухголовый», «монстр человеческий») и свои изделия. Особый интерес для нас в обширном списке пополнителей представляют мастеровые и ремесленные люди, дарившие в Музей собственные изделия, на изготовление которых они нередко тратили долгие месяцы.

В числе таких жертвователей можно назвать известного русского гравера Алексея Зубова, поднесшего Музею «глобус небесный», и гравера Алексея Ростовцева, приславшего «земной глобус с календарем и прочими подписями, все по русски».²

Одновременно в Кунсткамеру поступали различные коллекции, характеризующие природу и культуру народов зарубежных стран: «самородное песочное золото» из Китая; «золотая турецкая монета», «медальное, татарским письмом внутри и снаружи насеченное блюдо, при старом японском зеркале старым японским письмом»; «разных сортов Ост-Индийские средиземные клешни раковые, купно с двумя рыбными крыльями и мечом от меч-рыбы и прочия», а также «119 живописных вещей» из Голландии.³

Под «живописными вещами», по всей вероятности, подразумевалась голландская живопись, большим любителем которой являлся Петр I (рис. 5).

Хорошо понимая историческое значение победы России над Турцией, Петр I распорядился передать в Кунсткамеру ряд мемориальных предметов «для памяти на предбудущее время», а именно медное ядро, попавшее в бою близ персидского города Зинзмлии в один из кораблей нашей эскадры, а также серебряный ключ от города Дербента, поднесенный на блюде победителям.⁴

Кроме того, по распоряжению Петра, в различных странах Западной Европы присматривались и приобретались лучшие коллекции того времени, состоявшие из различных «редкостей».

¹ Материалы, т. I, стр. 348.

² Ведомости, 1719, № 7.

³ Материалы, т. I, стр. 50, 59, 60, 70, 141 и др.

⁴ Там же, стр. 8.

Рис. 4. Сибирские изделия из металла. Рисунок первой четверти XVIII в.
Д. Мессершмидта. (Архив АН СССР, Ленинград).

В 1716 г. в Голландии было приобретено «Альберта Себы славное собрание животных четвероногих, птиц, рыб, змей, ящериц, раковин и других диковинных произведений из Ост- и Вест-Индии» и «Гданского Доктора Готвальда минеральный кабинет»,¹ в 1717 — собрание анатомических препаратов трав и бабочек «славного доктора Руйша».²

Среди этих коллекций, состоявших главным образом из естественно-исторических экспонатов, в отдельных случаях имелись и «искусством сделанные вещи», которые и положили основу этнографическим коллекциям Кунсткамеры по зарубежным народам.

Так, например, в упомянутой коллекции Себы имелись изделия слоновой кости, драгоценного дерева, жировика и других материалов, привезенные «из Восточной и Западной Индии и других далеких стран». К этой же группе следует отнести пару обуви, привезенной в 1718 г. Петром I из Дании.³ Приобретались также лучшие нумизматические собрания того времени, среди которых следует отметить «Ледеров медальный кабинет»,⁴ купленный в 1721 г. в Гамбурге, а также 150 серебряных вызолоченных медалей «маянского монетных дел назирателя Лауферта», изображающих римских пап.⁵

Особую группу составляют различные математические и физические инструменты, закупленные по распоряжению Петра во время его заграничных путешествий, а также собрание известного мастера математических и физических инструментов «славного Мушенброка»,⁶ положившее начало Физическому кабинету Петербургской Академии Наук.

В описываемый период, т. е. в 20-е годы XVIII в., Кунсткамера размещалась в 8 комнатах⁷ дома Кикина, три из которых были отведены под «весьма красивую библиотеку», насчитывающую к 1720 г. до 15 тысяч книг. Библиотека включала в себя русских, славянских, латинских, греческих, французских и немецких авторов и была открыта «во всякое время».⁸

¹ Палаты. Введение.

² Там же.

³ *Musei Imperialis Petropolitani*, v. II, СПб., 1742, pars II, serin 96, № 42.

⁴ Палаты. Введение.

⁵ Б а к м е й с т е р, стр. 114.

⁶ Там же.

⁷ *Museographia*, ч. III, стр. 330—333.

⁸ Интимная переписка Ф. Прокоповича с Як. Марковичем. Киевск. Стар., 1832, № 2, стр. 507—508.

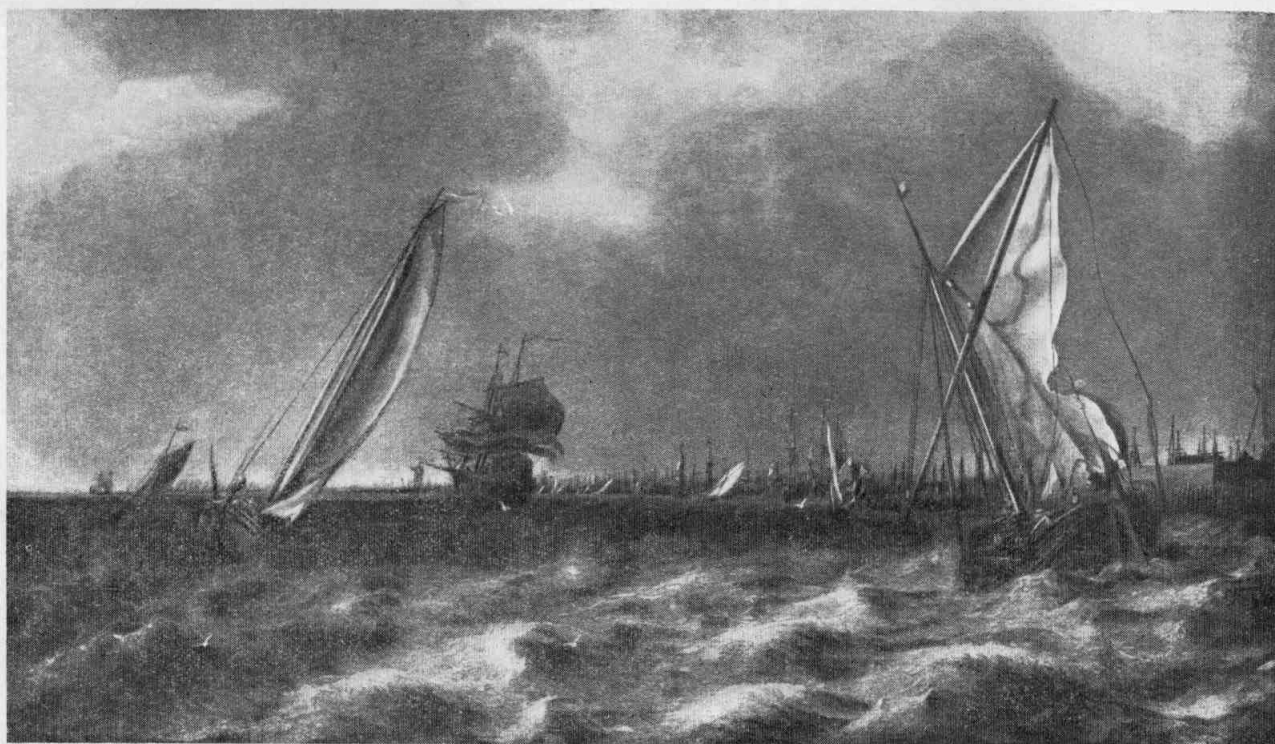

Рис. 5. Морской вид. Работа неизвестного художника XVIII в. (Гос. Эрмитаж, Ленинград).

О том, как были размещены коллекции Кунсткамеры, мы можем судить по описанию современников. В 1-й комнате помещались анатомические препараты, заключенные в стеклянные сосуды, — головки детей, которые «так хорошо

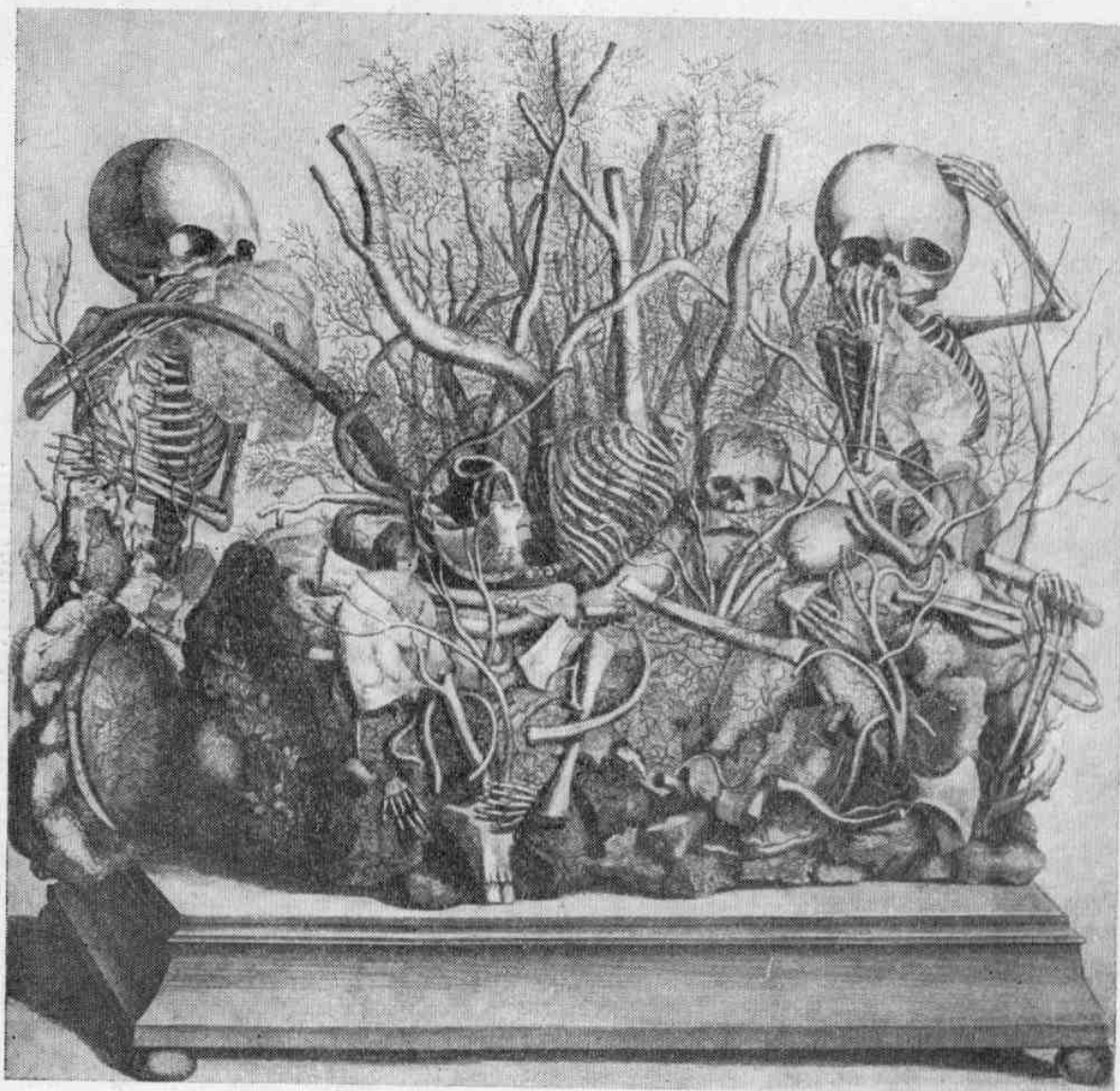

Рис. 6. Скелеты. Композиция Рюйша. Гравюра 1710 г.

сохраняются в спирте, что кажутся живыми . . . с иных чуть не брызжет живая кровь», а также «руки и ноги, на которых видны жилы через кожу, как будто живую». Судя по описанию, здесь была выставлена упоминавшаяся уже коллекция голландского анатома Рюйша. В 1717 г. большая часть этой коллекции была привезена в Петербург. Из сохранившейся описи известно, что она содержала более 2 тысяч препаратов по эмбриологии и анатомии человека (рис. 6), а также 1179 по-

меров всевозможных мелких животных (млекопитающих, пресмыкающихся, насекомых) (рис. 7), 259 номеров птиц, законсер-

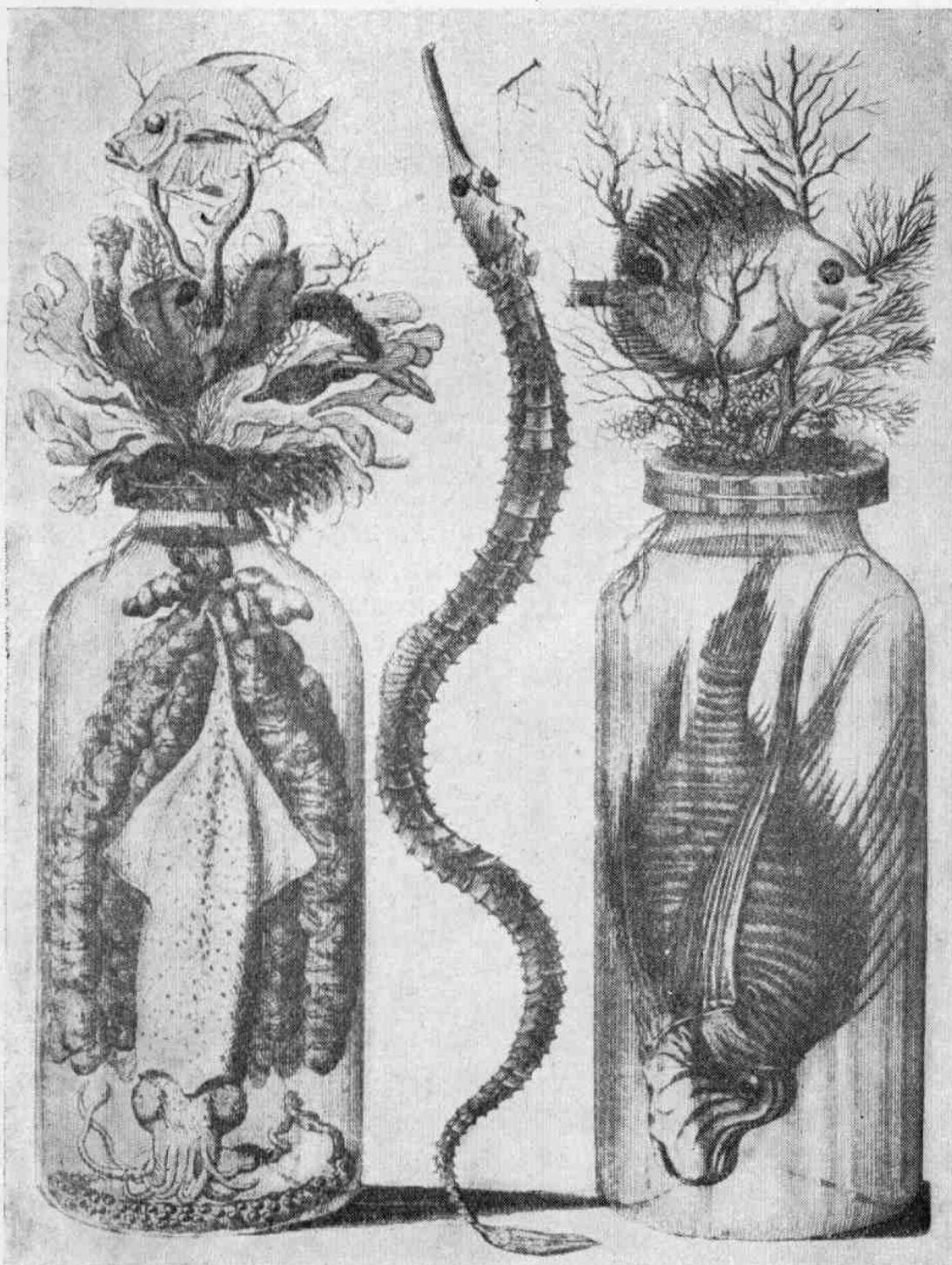

Рис. 7. Морская флора и фауна. Композиция Рюйша. Гравюра 1710 г.

вированных «рюйшевым сухим способом», 2 шкафа с гербарием и большое количество всевозможных ящиков с бабочками, морскими животными и раковинами.

Рис. 8. Зоологическая композиция Рюйша. Рисунок середины XVIII в. (Архив АН СССР, Ленинград).

Коллекция эта считалась в свое время необычайно ценной и богатой, хотя и имела ряд существенных недостатков, обусловленных главным образом уровнем знаний того времени. Так как Рюйш, — указывает немецкий анатом второй половины XVIII в. Либеркюн, — был искуснейшим анатомом, но плохим ученым, он совершал большие ошибки. Так, например, прославившие его препараты по инъекции сосудов окрашенными массами были неточны. Выполняя их, Рюйш произвольно менял положение сосудов, нарушал связи между ними, а мешающие ему или непонятные ответвления просто выбрасывал.

В следующей комнате были расставлены склянки с образцами развития человеческого плода, «от первого зародыша до полной зрелости», «различные чудовища» (*monstra*), «чучела слонов, ящериц, рыб и высушенные рыбы с удивительными ртами», немного тростника и громадное количество слоновой кости, т. е. эмбриологические, зоологические и ихтиологические коллекции (рис. 8). В остальных (3) комнатах размещались различные животные, «немало птиц разного рода и цвета», «странные мыши с собачьими мордами и бабочки», «янтарь», «изображение дикого человека, которого нашли неживым с двумя лодками», и «мюнц-кабинет». Иными словами, здесь без определенной

системы были размещены зоологические, геологические, этнографические и нумизматические экспонаты. Какие именно коллекции были выставлены в этих комнатах, сказать трудно, так как к середине 20-х годов как своих экспонатов, так и зарубежных в музее скопилось очень большое количество. Помимо предметов, выставленных на экспозицию, по свидетельству современников, в 1725—1726 гг. в «Naturalien-Kammer» ... имелся еще столь большой запас вещей, не приведенных в порядок, что потребовалось бы еще 30 или более комнат, чтобы их расположить».¹

Приведенное описание экспозиции Кунсткамеры, конечно, не может дать полного представления о ней, ибо, как отмечает цитировавшийся уже выше современник,² «невозможно описать все виденное, так как пиша о многом, забыл, особенно о морских предметах — рыбных чешуях, раках и т. п.».

Описание Музея было бы неполным, если не упомянуть о живых экспонатах, так называемых монстрах — детях или юношах с различными видами уродства, которые на протяжении первых десятилетий существования Кунсткамеры жили при ней и демонстрировались посетителям наряду с другими экспонатами Музея.³ Так, например, в 1722 г. здесь содержалось 3 монстра — Яков, Степан и Фома, последний из кото-

Рис. 9. Монстр Фома Игнатьев. Рисунок 30-х годов XVIII в. (Архив АН СССР, Ленинград).

¹ Museographia, ч. III, стр. 330.

² Приведенные в кавычках выписки о расположении экспонатов в помещении Кунсткамеры взяты выборочно из «Краткого описания г. Петербурга и совершившегося в нем 1720 г. Записки поляка-очевидца» (Русск. Стар., 1879, июнь, стр. 171—173).

³ Дневник Бергольца, стр. 156.

рых имел рост, равный 1 аршину и 12 вершкам (126 см), а на руках и ногах по два «мунструозных» пальца, похожих на клешни рака, что не мешало ему ходить, поднимать и брать деньги и совершать другие действия на потеху публики (рис. 9). На содержание этих монстров ежегодно выдавалось 50 руб., а им самим выплачивалось по 20 руб. жалованья¹ и раз в 3 года выдавался мундир, кафтан, камзол и штаны.²

Повышенный интерес к монстрам, или уродам, был заимствован Петром I из-за границы. При дворах европейских владетелей имелись слуги и шуты, увеселявшие царствующих особ своими физическими недостатками. Особый спрос был на карликов и великанов, первые из которых использовались главным образом как шуты, а вторые как гайдуки и «личная охрана». Прусский король Фридрих-Вильгельм I собирал «великанов» со всех стран. С аналогичной просьбой он обратился и к Петру I, который отправил к нему группу «великанов», но, так как русские люди тосковали по родине и отказывались навсегда остаться на чужбине, «великанов» приходилось периодически менять.³

Петр I также отдал дань этому нелепому увлечению. Во время своего путешествия за границу он нанял и привез в Россию гайдука гигантского роста (2 м 17 см) по имени Буржуа, скелет которого и препараты отдельных органов после его смерти (1724 г.) были переданы в Кунсткамеру.

«Хоромы, где натуральные книги и вещи содержались», были отделаны очень нарядно. Потолки их были «убиты холстом», стены побелены и расписаны или обиты шпалерами «по зеленой земле с золотом».⁴ Они были обставлены различными шкафами и специально для этого назначения заказанными столами.⁵ Экспонаты располагались как можно красивее и занимательнее, что часто умаляло их научную значимость. Образцом такого рода экспозиции, господствующей в то время и завезенной к нам из музеев Запада, может служить упоминавшаяся уже анатомическая коллекция Рюйша, славившаяся на всю Европу не только высоким качеством своих препаратов, но также «красивостью» устройства.

¹ Материалы, т. I, стр. 7, 29, 50 и др. — Исключение составлял монстр Яков Васильев, получавший за выполнение им некоторых кузнечных работ жалованье в год на 6 руб. больше.

² Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 15, л. 530.

³ С. Соловьев. История России с древнейших времен, т. XVI, М., 1889, стр. 249.

⁴ Материалы, т. I, стр. 379—380.

⁵ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 1, л. 75.

Все экспонаты ее были сгруппированы «занимательно», украшены дополнительными аксессуарами и снабжены различными, подходящими к случаю цитатами из латинских поэтов.¹

Образцами таких экспонатов могут служить: «рука ребенка, держащая между пальцами ветку с фруктами», «рука ребенка, держащая змею», и многие другие. Место отреза руки от тела, для красоты, обычно драпировалось тканью, кружевом или специально сшитым рукавом с нарядным манжетом.

Особенно показательны в этом отношении композиции в эмбриологических коллекциях Рюйша. Среди них имелись: «человеческий плод, примерно семи недель, который схвачен маленькой восточной змеей, трехмесячный плод мужского пола в пасти ядовитейшего животного, называемого жителями восточной Индии чекко»; «лежащий в гробнице труп человеческого плода 6 месяцев, украшенный венком из цветов и естественных плодов и букетом, запах которого он как бы вдыхает». Из черепа скелета человеческого плода, сидящего в гроте, выглядывает скелет мыши. Два скелета близнецов семимесячного плода размещены в трогательных позах у гроба третьего, причем «один подносит к лицу внутренности живота, как бы вытирая слезы, другой несет в правой руке кусок кишки, в левой артериальную ветку, вынутую из селезенки» (рис. 6, 10 и 11).

Препараты, демонстрирующие болезни различных органов человеческого тела, часто также были представлены в виде различных композиций, так, например, «сердце с шероховатой поверхностью» и измененный болезнью «кусочек печени» экспонировались на ладони детской ручки.²

«Убирание» приобретенных у Рюйша, а также отечественных коллекций было возложено на «кунсткамерскую маляршу», Марию Доротею Гзель.³ В 1717 г. она вместе со своим мужем, портретистом Георгом Гзель, приехала из Голландии и с 1718 г. начала работать по декоративному оформлению подготовляемых к открытию коллекций Кунсткамеры. В расходных документах этого года имеются отметки о выплате ей денег «за крашение и малевание»,⁴ а также ряд записей о приобретении различных материалов, необходимых «ко украшению натураль-

¹ Museographia, ч. I, стр. 116.

² Musei Imperialis Petropolitani, т. 1, ч. 1, шк. II, №№ 9—8; шк. XV, №№ 15, 27, 28, 38, 75, 76, 90, 100, 106; шк. XII, №№ 64, 130; шк. XIX, №№ 7, 13, 17, 18 и др.

³ «Гезелин», или «Гзельша», проработала при Кунсткамере вплоть до своей смерти в 1743 г.

⁴ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 1, л. 70.

ных и анимальных и анатомии». Из списков можно установить, что для этих целей широко применялась бумага, пергамент, краски, кисти, карандаши, воск, клей, стекла и «разных рук»

Рис. 10. Анатомическая композиция Рюйша. Гравюра 1710 г.

красивые минералы, пузыри говяжьих, листовое золото, «цветки, которые не блекнут», проножки и подставки точеные, а также разноцветные ткани — тафта, бархат и др. Особенно широко

применялось сусальное золото, употреблявшееся для разных нужд, вплоть до позолоты клешней крабов.¹

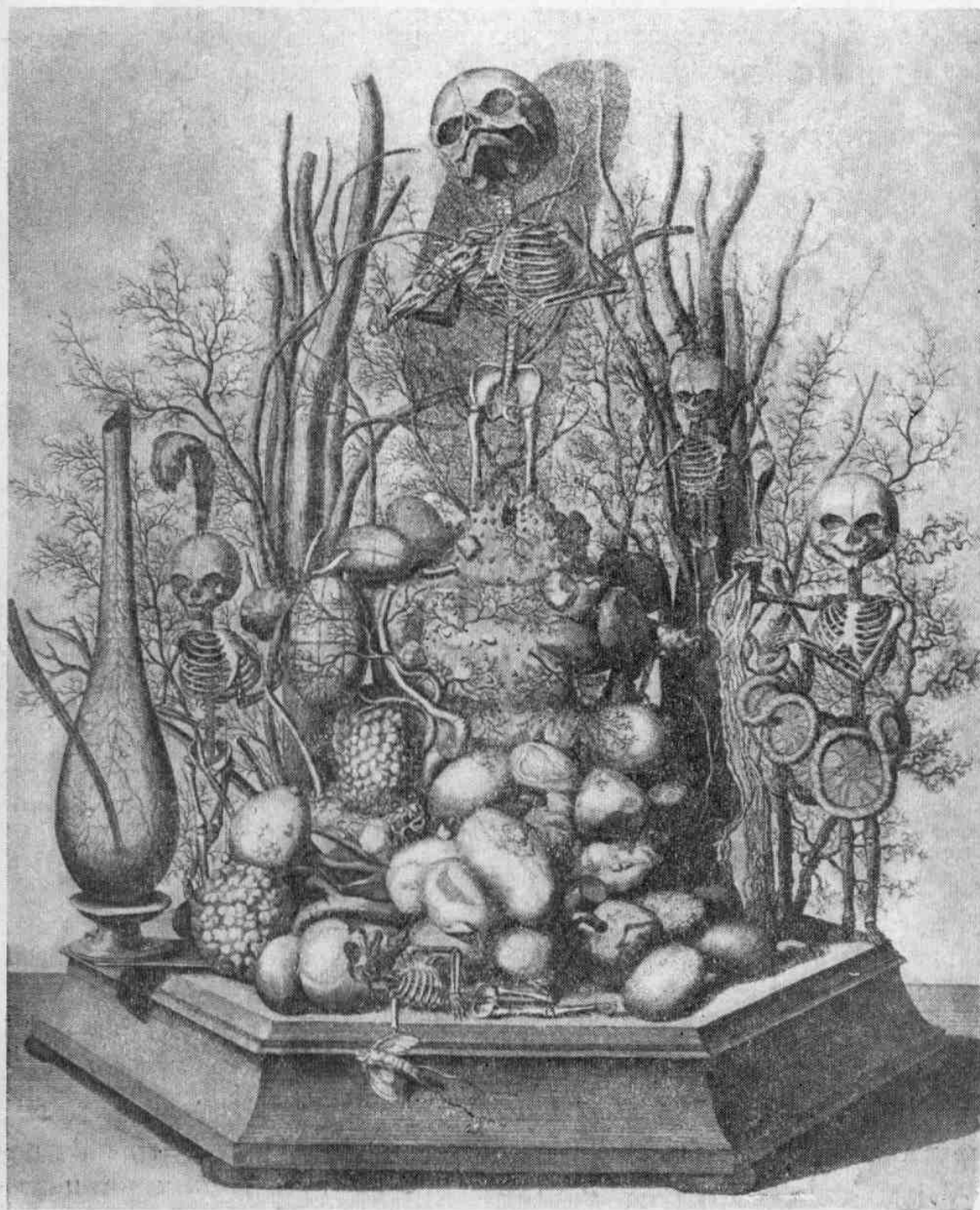

Рис. 11. Композиция Рюйша из скелетов и внутренних органов человека. Гравюра 1710 г.

Таким образом в первые же десятилетия существования первого русского общедоступного музея — Петербургской

¹ Миллер, ук. соч., стр. 115.

Кунсткамеры — в ней сосредотачиваются значительные отечественные и зарубежные собрания по самым различным отраслям знаний.

Характер отечественных коллекций на первых порах определяется правительственными указами, однако с расширением

Рис. 12. Внутренний вид типичного западноевропейского музея XVII—начала XVIII в. Гравюра середины XVII в.

круга жертвователей постепенно начинает выходить за пределы их. В результате поступлений от губернских канцелярий, из экспедиций и от частных лиц в Кунсткамере начинает комплектоваться эмбриологическая коллекция, коллекции, характеризующие флору и фауну Сибири, Прикаспия и других районов нашего отечества, коллекции, освещающие культуру и быт населяющих его народов, а также закладывается основа мемориального отдела, куда передаются предметы, связанные со славными победами русской армии.

Приобретенные в эти же годы зарубежные собрания пополняют коллекции по эмбриологии, а также по естественной истории и этнографии Восточной и Западной Индии и других «далеких стран».

Несмотря на то, что собранные в Кунсткамере коллекции в эти годы, как указывали современники, по своему богатству «едва ли не оставляли за собой все другие музеи» Европы,¹ состав и принципы экспонирования их заставляли желать лучшего. Как указывает приведенный выше материал, в коллекциях наряду с ценнейшими экспонатами можно было встретить мало значительные или вообще не имеющие прямого отношения к науке предметы.

Что касается принципов экспозиции, то и они обладали рядом существенных недостатков, основными из которых являлись отсутствие четкого плана в расположении и изобилие групповых «занимательных» композиций. Эти недостатки были завезены в Петербургскую Кунсткамеру совместно с зарубежными коллекциями Рюйша и Себы и, благодаря молодости Музея и отсутствию в его штате научных сил, смогли быть устранены лишь в последующие десятилетия.

Несмотря на упомянутые недостатки экспозиции, просветительское значение выставленных в Музее коллекций было очень велико. Они в наглядной форме знакомили посетителя с историей, ботаникой, зоологией и анатомией как человека, так и животного и тем самым снабжали его значительным запасом фактических знаний.

С самого момента своего возникновения Петербургская Кунсткамера — первый исторический и естественно-научный музей России — способствовала просвещению сравнительно широких кругов русского общества и освобождению его сознания от пут церковной схоластики.

¹ М. Ш. Фандербек. О состоянии просвещения в России в 1725 г. Сын Отечества, 1842, ч. I, № 1, стр. 22.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КУНСТКАМЕРА ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Основание Петербургской Академии Наук. Передача Кунсткамеры в ее ведение. Новое помещение Музея и его оборудование. Готторпский глобус. Открытие Кунсткамеры. Отзывы современников о ней. Посетители. Отделочные работы внутри здания. Участие академиков в работе Музея. Академические экспедиции. Характеристика новых поступлений. Введение научной классификации и описание коллекций. Каталог. Работа над ним М. В. Ломоносова и других русских ученых. Отделы Музея. Экспозиция Кунсткамеры и принципы ее оформления

Одним из крупнейших событий в истории культурного развития России явилось учреждение Петербургской Академии Наук. Мысль о создании ее возникла еще в конце XVII столетия,¹ но в силу исторических обстоятельств (реформы, война, укрепление внутреннего и внешнеполитического могущества страны) была претворена в жизнь на четверть века позже.

Положение об учреждении Академии Наук было подписано 22 января 1724 г., а открытие ее состоялось лишь осенью следующего года, уже после смерти Петра I. Текст генерального проекта показывает, что перед русской Академией Наук ставились широкие цели, не только по линии научно-исследовательской, но прежде всего по линии просвещения, ибо наша Академия должна была не только возглавить, но и сама «сделаться источником, при том почти единственным и главным источником науки в России».² Имевшиеся до того времени школы, дающие профессиональное образование, уже не могли удовлетворить потребности страны. Дальнейшее развитие

¹ А. И. Андреев. Основание Академии Наук в Петербурге. Сб. «Петр Великий», М.—Л., 1947, стр. 284—333.

² С. И. Вавилов. Академия Наук СССР и развитие отечественной науки. Вестник АН СССР, 1949, № 2, стр. 39.

страны тормозилось низким культурным уровнем населения и недостаточным количеством специалистов. Академическая гимназия и Университет должны были восполнить этот недостаток. Для ускорения подготовки отечественных специалистов на отдельные участки научной работы в Петербургскую Академию приглашаются из-за границы ученые, состав которых был крайне разнообразен. Некоторые из них, будучи противниками развития русской науки, активно тормозили развитие ее, другие не оставили никакого следа как в науке, так и в истории нашей культуры и, наконец, третьи, надолго связав себя с Россией, нашли здесь вторую родину и сделали много для развития науки и воспитания отечественных кадров. К таким ученым следует прежде всего отнести Леонарда Эйлера и Георга Крафта, авторов ряда крупнейших теоретических исследований и воспитателей целой группы русских физиков и математиков. Последний из них, Г. Крафт, много поработал и для создания Физического кабинета, являвшегося не только экспериментальной базой Академии, но и одним из отделов Кунсткамеры.

С первых же лет существования Академии Наук научная жизнь страны оживляется, чему способствовали публичные лекции, заседания и периодические издания, выпускаемые ею.

Вокруг Академии группируются все культурные силы страны. Связи с периферией налаживаются прежде всего путем планомерно производимых комплексных и индивидуальных экспедиций, ставивших своей целью изучение природных богатств, а также культуры и быта всех областей, входящих в состав Российской империи. Академические экспедиции послужили и основным источником пополнения Кунсткамеры.

Передача первого русского музея в ведение Академии Наук, как будет показано ниже, сыграла в его судьбе решающую роль. Сосредоточение в стенах его богатейших коллекций, введение научной обработки и систематизация их, а также надзор за экспозицией Музея лучших научных сил страны превратили Кунсткамеру в подлинно научное учреждение, равного которому, по постановке работы, не имелось во всей Европе.

Трансформация Музея из собрания «раритетов» в подлинно научное учреждение протекала медленно, осложняясь борьбой группировок внутри Академии. Одним из активнейших борцов за процветание русской науки был великий ученый-патриот М. В. Ломоносов. Он неустанно боролся с «неприятелями наук российских» внутри Академии и сделал очень много для обогащения и улучшения научной работы в Минералогическом кабинете Академического музея.

В Положении об основании Академии Наук Библиотеке и Кунсткамере уделялось почетное место среди других академических учреждений. Специально посвященный им параграф

Рис. 13. Часть ствола сосны, срубленной, по преданию, на месте закладки здания Кунсткамеры. (Музей антропологии и этнографии АН СССР, Ленинград).

указывал, что оба эти учреждения, «чтоб академики в потребных способах недостатку не имели», должны быть для публики всегда открыты, а библиотекарь, в ведении которого они находятся, обязан «все в порядке содержать, а в Библиотеке и Кунсткамере обретающимся разным вещам каталоги утверждать», а также «выписывать или здесь делать» книги и инструменты, «которые Академии надобны».¹

Иначе говоря, оба эти учреждения рассматривались постановлением не только исходя из их научно-просветительских функций, но и прежде всего как материальная база самой Академии Наук. Одновременно с этими учреждениями в ведение Академии Наук перешли и их здания: «старое помещение Кунсткамеры (Кишкины палаты), где находилась первоначально и казна вновь организуемой Академии, и новое, которое в 1718 г. было заложено на стрелке Васильевского, или, как тогда часто называли, Преображенского острова.

Выбор места для нового здания, по преданию, был сделан непосредственно Петром I при следующих обстоятельствах: в числе деревьев, росших на этом, еще диком берегу, внимание Петра привлекли две сосны с причудливо переплетенными вросшими в ствол сучьями. Сосны эти Петр приказал осторожно срубить, наиболее курьезные части их передать в Кунсткамеру (рис. 13), а на месте, где они росли, заложить фундамент для нового здания Музея.²

Размеры задуманной постройки по тому времени были необычайно велики: длина ее достигала без малого 100 м (97.2 м), а ширина равнялась 15 м.

¹ Материалы, т. I, стр. 19.

² О. П. Беляев. Кабинет Петра Великого, ч. III. СПб., 1800, стр. 59.

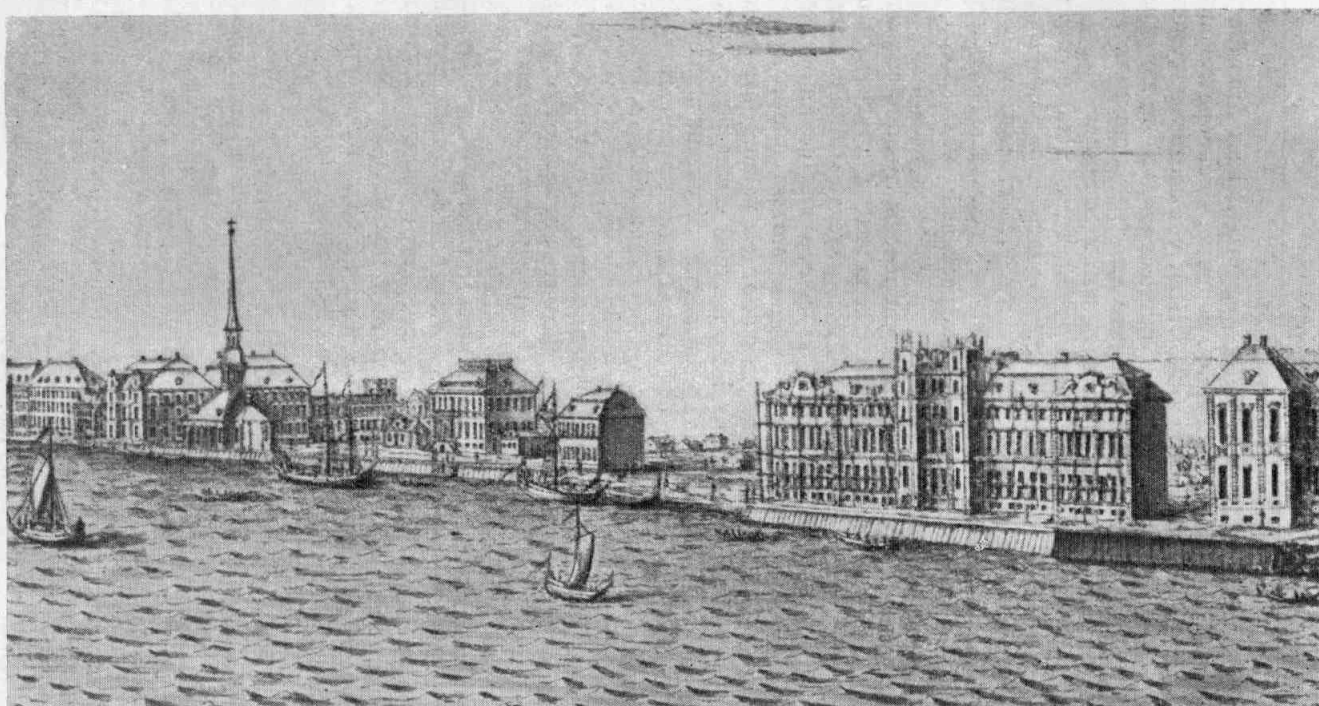

Рис. 14. Строящаяся Кунсткамера. Рисунок Марселиуса (1725 г.).

Первоначальный проект здания принадлежал архитектору Иоганну Маттарнови, который, однако, непосредственного участия в постройке не принимал. Как указывают документы, Кунсткамера строилась через комиссаров, и надзиравшие за постройкой архитекторы значительно видоизменили ее по сравнению с первоначальным проектным планом.¹

Петр I интересовался состоянием постройки и неоднократно торопил окончание ее. Однако при его жизни здание окончено не было. К началу 1725 г. были возведены лишь стены (рис. 14). Кладка башни, венчавшей здание, и внутренняя отделка его были осуществлены Академией уже после смерти Петра I.

К отделочным работам были привлечены лучшие силы того времени: скульпторы, резчики, лепщики и другие специалисты.² Среди них был крупный архитектор М. Г. Земцов,³ изготовивший ряд аллегорических фигур для фасада здания.

Параллельно с достройкой здания подготавливалась музейная и библиотечная мебель. Для книг по размеру простенков делались стандартные стеллажи, в нижней части которых находились небольшие шкафчики со створками, украшенные кессонами. Стеллажи увенчивались нависающими карнизами и были снабжены портьерами из зеленого сукна и стамета, предохраняющими книги от пыли.⁴

Шкафы для размещения коллекций Кунсткамеры были заказаны различные, «ибо надлежит анималией содержать другим манером нежели руды и руды другим нежели медали».

Из записки под названием «Мнение для дела шафов Кунсткамере» (1724 г.)⁵ видно, что было разработано 3 типа музейных шкафов, первый из которых предназначался для экспонирования минералов, раковин и «разных рук бабучек», второй — для монет и третий — для «анатомических и натуральных вещей, содержащихся в спиртусе».⁶

¹ Архив АН, ф. 2, № 3, 1827. Дело об академических зданиях.

² А. Л и п м а н. Петровская Кунсткамера. М.—Л., 1945, стр. 18.

³ Из 15 статуй, нарисованных им для украшения башен Кунсткамеры, были отобраны 12: Астрология, Горография, Ингениум, Мемория, Медицина, География, Юстиция, Сapiенция, Куриозилас, Адмирацио, Дилигенция, Сциенция.

⁴ Палаты, табл. XII; Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 3, л. 234.

⁵ «Шаф» от верхне-немецкого слова Schäfe, обозначающего шкаф (Докладная записка от 30 апреля 1724 г. Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 1, л. 86 об. и 89).

⁶ Материалы, т. I, стр. 198.

Об изготовлении этих «шафов» в Архиве Академии Наук СССР имеется значительное количество документов, сохранившихся для нас имена ольдерменов и мастеров столярного цеха — Матвея Мантурова, Михайла Нерышка, Федора Мартынова, Евдокима Сандалова¹ и других русских мастеров, выполнявших эти работы. Изготовленные для Кунсткамеры шкафы имели строгие формы. Единственное исключение составляли 6 шкафов для нижнего зала, в которых были выставлены «всякие рыбы, ящерицы и инсекты».² По своим размерам они значительно превосходили пространства между колонн, где были поставлены, и по вычурности отделки (изобилие фигурных картушей, медальонов, различных полочек и кронштейнов) нарушали довольно строгий стиль, господствующий среди музейной мебели. Все это говорило о том, что упомянутые шкафы делались без расчета на план Кунсткамеры, а были перенесены сюда уже в готовом виде. Вероятнее всего будет предположить, что они были изготовлены еще в Голландии и перевезены в Россию вместе с коллекцией «змей, рыб и инсектов» Альберта Себы (рис. 15).

Помимо шкафов, среди заказов Кунсткамеры встречаются тумбы различные, полки простые и «циркульные», «шкафчики» и другая музейная мебель.³

В декабре 1726 г. большая часть отделочных работ в первом этаже была закончена, и «надсмотритель» получил приказ о переводе коллекций Кунсткамеры из Кикиных палат в новое здание⁴ (рис. 16). Они перевозились на санях, а с наступлением весны — на баржах,⁵ и к августу 1727 г. большинство

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 3, лл. 217, 233, 238, 241, 249, 374 и др.; № 4, л. 104 и др.

² Палаты, табл. IX—XII.

³ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 4, лл. 26, 97 и др.

⁴ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 3, л. 388. — Дальнейшая судьба Кикиных палат такова. В 1727 г. они были переданы «цесарскому министру г-ну Рагутину, а по смерти оного — графу Вратиславу (Материалы, т. I, стр. 377, 385, 493), а несколько позже попали в военное ведомство. В 1743 г. в большом зале этого здания была оборудована церковь для близ расквартированного полка Конной гвардии. В первой четверти XIX в. здание было полностью перестроено архитектором Штаубертом, заменившим русты и пилястры, украшавшие фасад, фронтоном и аттикой. Переделке подверглись также оконные пролеты и внутренняя отделка помещений. В таком виде здание сохранилось до наших дней и в настоящее время реставрируется военным ведомством, которому продолжает принадлежать. (Справка А. Н. Петрова о Кикиных палатах. Архив Государственной Инспекции охраны памятников Ленинграда, Н-500).

⁵ Миллер, ук. соч., стр. 115.

«предорогих и курioзных вещей» уже находилось в новом здании. Вещи эти, упакованные в ящики, охранялись и перевозились нарядом караульных солдат, сдававших их друг другу, «с рук на руки». Ввиду того что перевозка хрупких экспонатов требовала известных навыков, комендант Петербурга, Г. А. Урусов, прикрепил к Академии этот наряд впредь до того

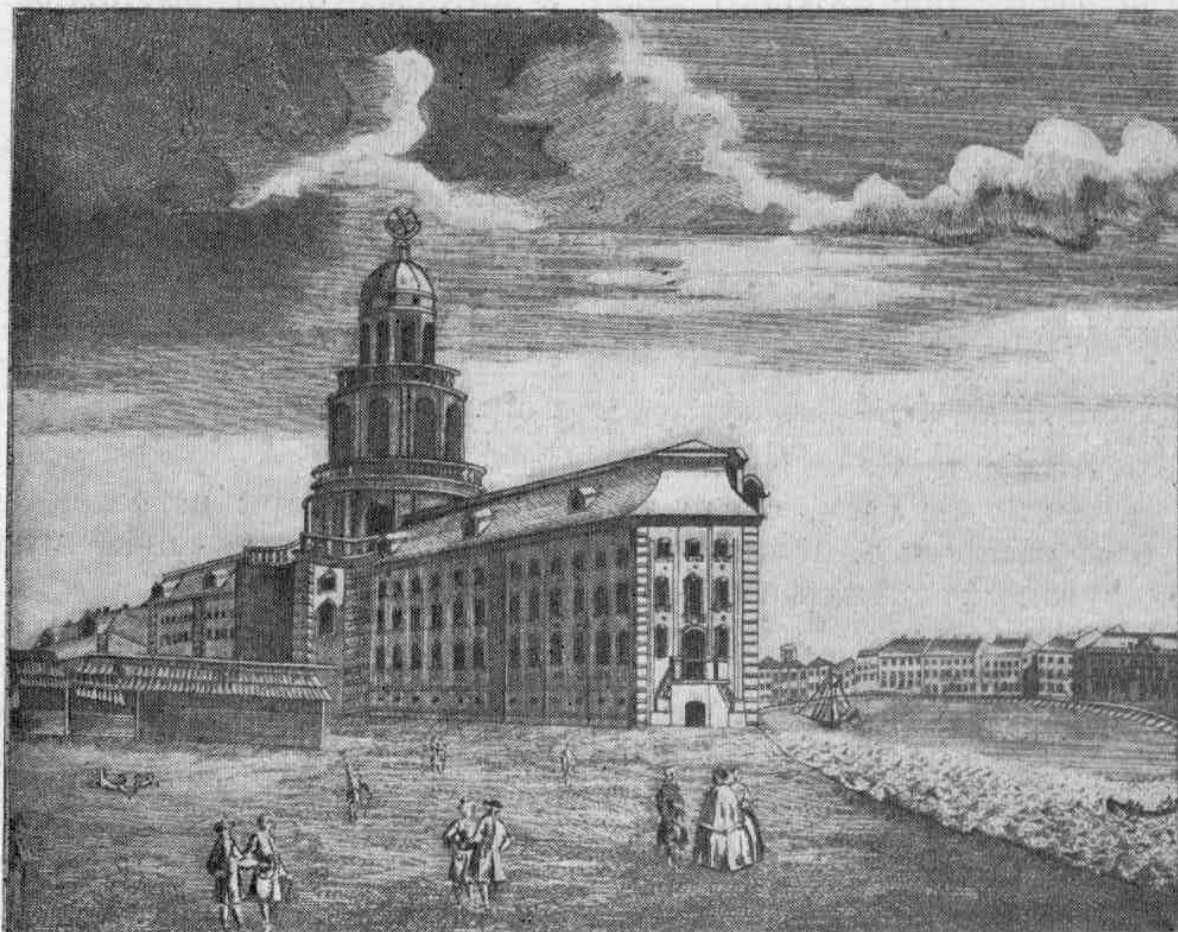

Рис. 16. Вид Кунсткамеры со стороны входа. Гравюра первой половины XVIII в.

времени, пока Кунсткамера «в порядок учреждена не будет».¹

Одновременно с перевозкой экспонатов производилась перевозка книг и оборудования Библиотеки. При переезде выяснилось, что предназначенные для Музея залы 1-го этажа не смогут вместить все коллекции Кунсткамеры, вследствие чего для их размещения было решено предоставить зал 2-го этажа и галерею западного крыла здания, хотя последние еще не были окончательно отделаны. Под Библиотеку отводилось помещение восточного крыла, за исключением «мелких покоев»,

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 3, л. 82.

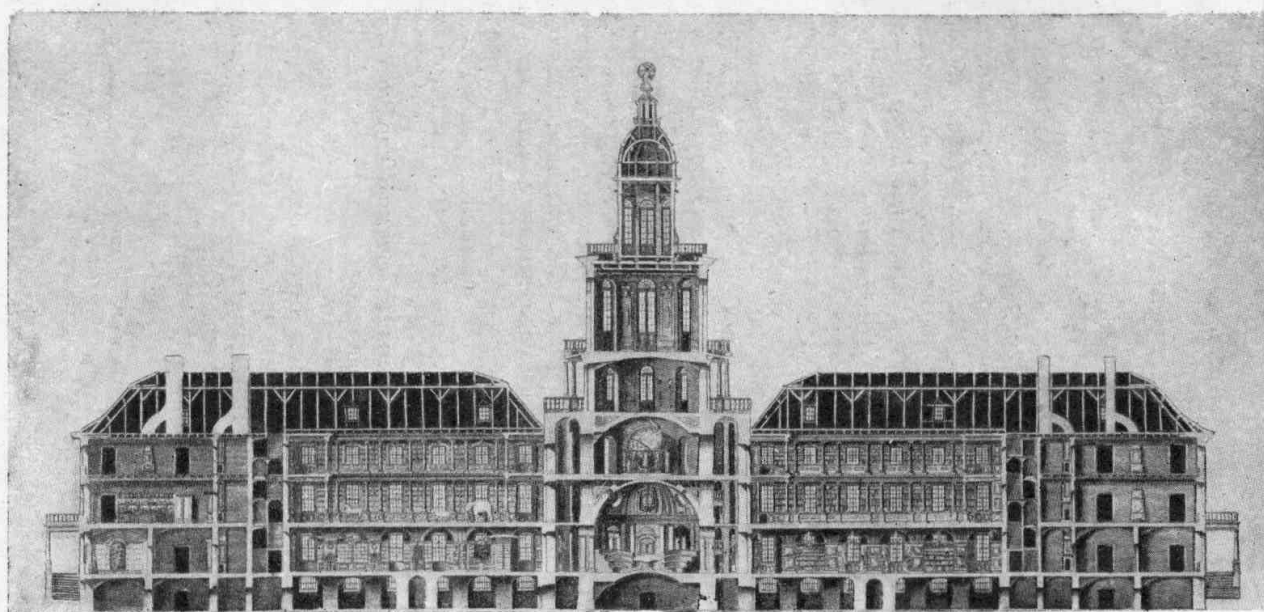

Рис. 17. Разрез здания Кунсткамеры. Гравюра 1741 г. Г. Качалова.

которые были заселены, впредь до достройки профессорского дома, академиками.¹

Круглый зал 1-го этажа предназначался для Анатомического театра, в зале же 3-го этажа был установлен «славный Готторпский глобус», переданный Академии Наук по сенатскому указу от 30 сентября 1725 г. (рис. 17).

Глобус этот, изготовленный в 1664 г. Андреем Бушем, «под смотрением Адама Олеария», имел громадный диаметр — 11 футов, или 336 сантиметров — и давал представление о земной поверхности и небесной сфере. Наружная поверхность его изображала Землю, а внутренняя — «богранное небо с созвездиями». Внутри глобуса зрители (не более 10—12 человек одновременно) проникали через маленькую дверцу и рассаживались на круглой скамье. В центре глобуса был установлен круглый стол, на котором иногда даже сервировалось угощение. Глобус был снабжен водяным двигателем, благодаря чему он вращался каждые 24 часа вокруг своей оси, демонстрируя вращение Земли и бег светил.² В 1713 г. он был подарен Петру I герцогом Голштинским, перевезен в Петербург и поставлен в деревянном павильоне на лугу перед Летним дворцом. Из переписки по этому вопросу известно, что для доставки Готторпского глобуса потребовалось «сто человек ради перевозки, двадцать пять человек плотников, для дела ящиков, мосту и протчия надлежащая машины, тысячу самых толстых досок, восемьдесят бревен, между которыми пятнадцать самых толстых, пятнадцать пуд железа, тройные и четвертные блоки с веревками, сто сажень веревок, толщиной в два и полтора дюйма, три судна плоских, на которых щиты возят, три шлюпки».³

После упаковки в специальный футляр глобус был помещен на баржу, перевезен по Неве до здания новой Кунсткамеры, поднят при помощи блоков до уровня крыши ее и поставлен в центре круглого зала 3-го этажа (под настил пола предварительно были подведены дополнительные балки). После этого своды были возведены и начата постройка 4-го и 5-го этажей башни, предназначенных для Обсерватории.⁴

¹ Так, например, здесь были поселены профессора Делиль, Крафт и механик Виньен, впредь до готовности «профессорских палат» (Миллер, ук. соч., стр. 116; Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 3, л. л. 202, 207, 209, 391 и др.).

² Бакмейстер, стр. 119—120.

³ Материалы, т. I, стр. 193.

⁴ Там же, стр. 198.

Рис. 18. Вид Кунсткамеры со стороны набережной р. Невы. Деталь гравюры 60-х годов XVIII в. М. Махаева.

25 ноября 1728 г. в торжественной обстановке была «отперта здесь паки императорская Библиотека с Кунст и Натурал каморою впервые потом как она в новые академические палаты переведена».¹ Присутствовавшие на открытии гости осмотрели Кунсткамеру и «все прочее, что в здешней Академии Наук примечания достойно есть», и выразили «особливое свое удовольствие», что все находится «в добром порядке».

Наличие среди гостей государственных деятелей и придворного общества того времени говорило о том, что открытие Кунсткамеры и Библиотеки расценивалось как крупное событие в жизни города и страны.

26 ноября 1728 г. в «Санктпетербургских Ведомостях» было помещено объявление, в котором говорилось, что «Библиотека равным же образом повсенедельно дважды, а именно во вторник и в пятницу пополудни от 2 до 4 часа отперта, и всякому вход в оную свободен, но кто кунст и натур камору осмотреть пожелает, тому надлежит о том за день библиотекарю объявить и о угодном времени у него известие получить».

Каков был основной состав посетителей Музея в первые десятилетия его существования, материалы умалчивают. Имеется лишь единственный документ, относящийся к 1744 г., в котором говорится, что в Кунсткамере «всегда великое людство», так как туда «ежедневно всякого чина люди приходят и просят».² Тон документа подсказывает, что под людьми «всякого чина» подразумевается не знать, а различные категории простолюдинов, которые, по всей вероятности, составляли основную массу посетителей и в предшествующие годы. К ним прежде всего следует отнести учеников Академической гимназии и Университета, обучавшихся на экспонатах Музея рисованию, естественным наукам и физике; учащихся профессиональных школ Петербурга и других городов страны, местную и приезжую интеллигенцию, верхушку ремесленников, а также передовых представителей купечества и армии. Кто демонстрировал им экспозиции и как объяснял — остается для нас неизвестным, ибо такого рода посетители не интересовали правящие круги дворянской монархии.

Между тем академические документы и пресса не скупятся, снабжая нас описаниями посещений Кунсткамеры и Императорского кабинета³ различными отечественными и иностранными «знатными персонами».

¹ Санктпетербургские Ведомости, 1728, № 85.

² Материалы, т. VII, СПб., 1895, стр. 17.

³ Под «Императорским кабинетом» здесь, по всей вероятности, подразумевается собрание натуралиев, которое после учреждения Кунст-

Имеются подробные информации об осмотре Кунсткамеры князем Куракиным, Португальским инфантом Емануэлем, «чрезвычайным послом и польской республики коронным регентом, графом фон Липелински» со свитой, который в течение 5 часов любовался «натуральными и художественными редкими вещами», принцем Брауншвейг-Бeverнским, который «наипаче самые редкие вещи рассматривать изволил в Императорских кабинетах», кабинете медалей, а затем «изволил во оное место пойти, где большой глобус стоит»,¹ посланником Польской республики Антонием Рудолиным со свитою, персидским послом, побывавшими в физической инструментальной камере, «где господин профессор Крафт им некоторые курioзные эксперименты . . . показывал», затем «натуральную камеру», «кабинеты», «камеру, в которой находится из воску сделанная персона Императора Петра Великого», «славный Готторпский глобус», «обсерваториум, где им господин профессор де Лиль все Астрономические инструменты, а особливо Невтонианскую трубу и разные ландкарты показывал», причем они «всем вещам очень удивлялись», «киргискойсахами и башкирцами», «калмыцким посольством» от Контайша, бухарским послом Визиром Беком, группой французских офицеров² и многими другими.

Таким образом, посещение Кунсткамеры, завоевавшей к тому времени славу одной из основных достопримечательностей России, являлось как бы непременно пунктом в программе осмотра, составленной для дипломатов и других почетных гостей, приехавших в столицу.

По случаю приезда почетных гостей академическим зданиям придавался особый «парадный убор», для которого употребляли главным образом ельник.

Для доставки в Академию Наук знатных гостей был организован специальный перевоз. Набережная Невы была укреплена сваями, на которых покоилась пристань. Академический ялбот или шлюпки обслуживал штат гребцов, состоявший первоначально из 4, а затем из 6 человек,³ которые были

камеры продолжало оставаться в личном владении Петра I и было передано в нее лишь после его смерти. Несколькими годами позже это название было перенесено на мемориальный отдел Музея, посвященный непосредственно Петру I.

¹ Санктпетербургские Ведомости, 1728, № 100; 1730, № 22; 1733, №№ 37, 45.

² Санктпетербургские Ведомости, 1734, №№ 27, 39, 81; 1737, № 79.

³ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 5, л. 419; № 15, л. 531; № 107, л. л. 192, 194; Материалы, т. IV, СПб., 1887, стр. 432.

облачены в казенные форменные мундиры. Сама шлюпка была обставлена весьма комфортабельно.¹ Для защиты от непогоды над ней был устроен из пропитанной воском ткани зонтик, а для сидения предназначены подушки, обитые красной крашениной (рис. 19).

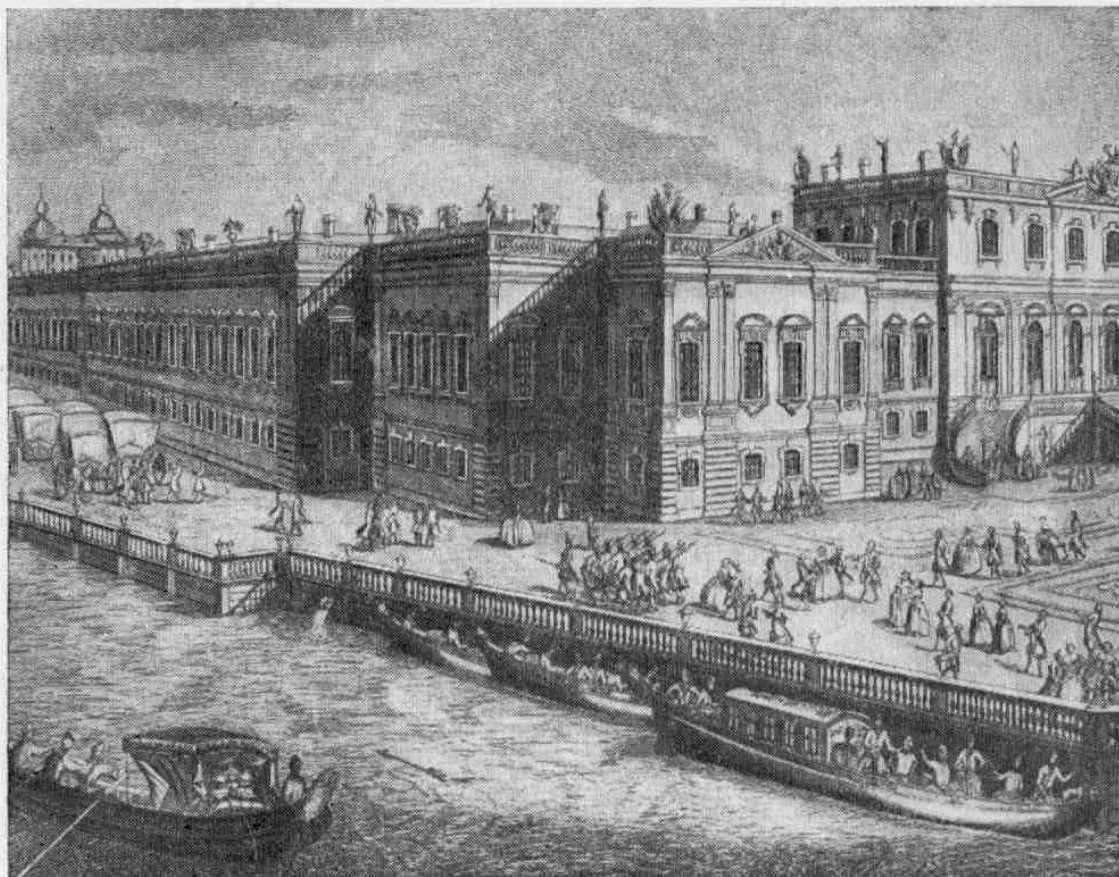

Рис. 19. Лодки XVIII в. Деталь гравюры 60-х годов XVIII в. М. Махаева.

О доставке рядовых посетителей никто не заботился. Между тем добираться до Академии Наук было крайне затруднительно и не всегда возможно. В связи с этим 30 мая 1740 г. архитектору Трезини было отдано следующее распоряжение: «Понеже . . . ко академии проезд весьма не свободен, а особливо в полую воду и в вешнее и осеннее время, что никому проехать и пройти невозможно, а в академию знатные персоны, как российские, так и чужестранные

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 107, л. л. 192, 193; Материалы, т. IV, стр. 432, 433, 703, 704.

для смотрения курioзных вещей приезжают, и без постройки моста весьма помешательство происходит — того ради по рассуждении академии, оный мост сделать надлежит».¹ Мосты через Неву существовали, правда, и ранее,² однако они устанавливались на плотах или барках и, следовательно, носили временный характер. Вследствие этого приходилось постоянно прибегать к помощи перевоза.

Ко дню открытия Кунсткамеры в новом здании (25 ноября 1728 г.) был, однако, приведен в порядок лишь зал 1-го этажа и «шесть особливых покоев, где императорский кабинет сохраняется».³ Остальные помещения не были еще даже отделаны. Так, в «Промемории» Академии Наук в Канцелярию от строений от 26 августа 1730 г. мы читаем: «Понеже ныне имеется в академии многое число книг в ящиках, такоже курioзных вещей и инструментов, а лежат не убраны: и для убирания оных надлежит убрать две большие салы, которые над кунсткаморою и библиотекою, как возможно в самой скорости, по рисунку архитектора Земцова, дабы за неубраaniem их, помянутые вещи от дождя и протчих причин не повредились напрасно».⁴ Промемория эта была повторена 20 марта 1731 г.,⁵ из чего можно сделать заключение, что отделочные работы во 2-м и 3-м этажах начались не ранее второй половины 1731 г.

7 марта 1735 г. вышло распоряжение о начале работ «во астрономической башне около большого Готторпского глобуса», предписывающее «поставить горизонт, также в который оный стоит убрать камору живописной работою, по показанию академии».⁶ Окончание отделочных работ в 3-м этаже относится к 1738—1739 гг. В эти годы производились работы «в верхней галдарее, где кладутся також разные гисторические книги».⁷ Канцелярия Академии Наук 31 августа 1738 г. заключила договор с «лакового дела подмастерьями Иваном Поляковым да Иваном Поповым», в соответствии с которым последние брали на себя обязательство «выкрасить шкафы, також панели, столбы и гзымзы⁸ по левкасу мрамором, а дорожники золотом

¹ Материалы, т. IV, стр. 406, 407.

² Первый мост через Неву был построен в 1727 г.

³ Санктпетербургские Ведомости, 1728, № 85.

⁴ Материалы, т. I, стр. 635.

⁵ Там же, т. II, стр. 39.

⁶ Там же, стр. 611.

⁷ Материалы, т. III, стр. 791.

⁸ «Гзымза», «зымза» — карниз, полка вокруг избы (В. Даль. Толковый словарь, т. I, СПб., 1889, стр. 721).

и покрыть сверху лаком, а которая имеется около столбов резьба — вызолотить же академическим золотом и покрыть сверху лаком же».¹

Начало отделочных работ в палате 2-го этажа, предназначенной для экспонирования «восковой персоны» Петра I, относится к 1733 г. Палата получила тщательную отделку и была украшена лепкой и резьбой (рис. 20).

Оформление этого помещения соответствовало стилю эпохи. Этот стиль ярче всего можно проследить в проекте одного из зал арсенала, который начал возводиться в Кремле в 1701 г.² Потолок этого арсенала украшен живописью; стены — нишами, арками, колоннами, резными карнизами и панелями, которые, в свою очередь, вплоть до самого потолка, густо заполнены различным оружием. Развеска его производилась так, что получались различные композиции и правильные геометрические фигуры: пирамиды, четырехугольники, многогранники, благодаря чему выигрывала декоративная сторона экспозиции, но совершенно терялась смысловая. Невероятная перегрузка декоративным и вещевым материалом соответствовала не только излюбленному стилю декоративного убранства того времени (барокко), но и музейным идеалам эпохи.

Исполнителем резных украшений для «Императорского кабинета» являлся резчик Егор Пирошков, сообщавший в одном из своих рапортов, что вырезал «для убору в палате к стоящей статуе Петра Первого, императора. . . резные четыре кронштейна, да на двери резную штуку, да двадцать цветков, да два шперкеля к зымзам».³ Приведенное имя пополняет список русских мастеров, работавших по строительству и художественному оформлению Кунсткамеры, и позволяет намшний раз подчеркнуть, что создание этого замечательного здания и декоративное убранство его являлось делом рук главным образом отечественных мастеров, а не иностранцев, как это любили утверждать дореволюционные исследователи.

Как упоминалось выше, первым зданием, попавшим в ведение Академии Наук, были Кикины палаты, где и разместился административный аппарат ее. Здание, однако, оказалось недостаточно вместительным, и 30 апреля 1725 г. в распоряже-

¹ Материалы, т. III, стр. 791.

² Гравирование этого проекта, автор которого не известен, в 1707 г. было поручено граверу Печатного двора — Петру Пикару, который и выполнил его в 1708 г. (см.: Д. А. Р о в и н с к и й. Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв. СПб., 1895, стр. 518—528).

³ Шперкель, по всей вероятности, искаженное немецкое слово *der Sperkeil* — натяжной клин, расклинка.

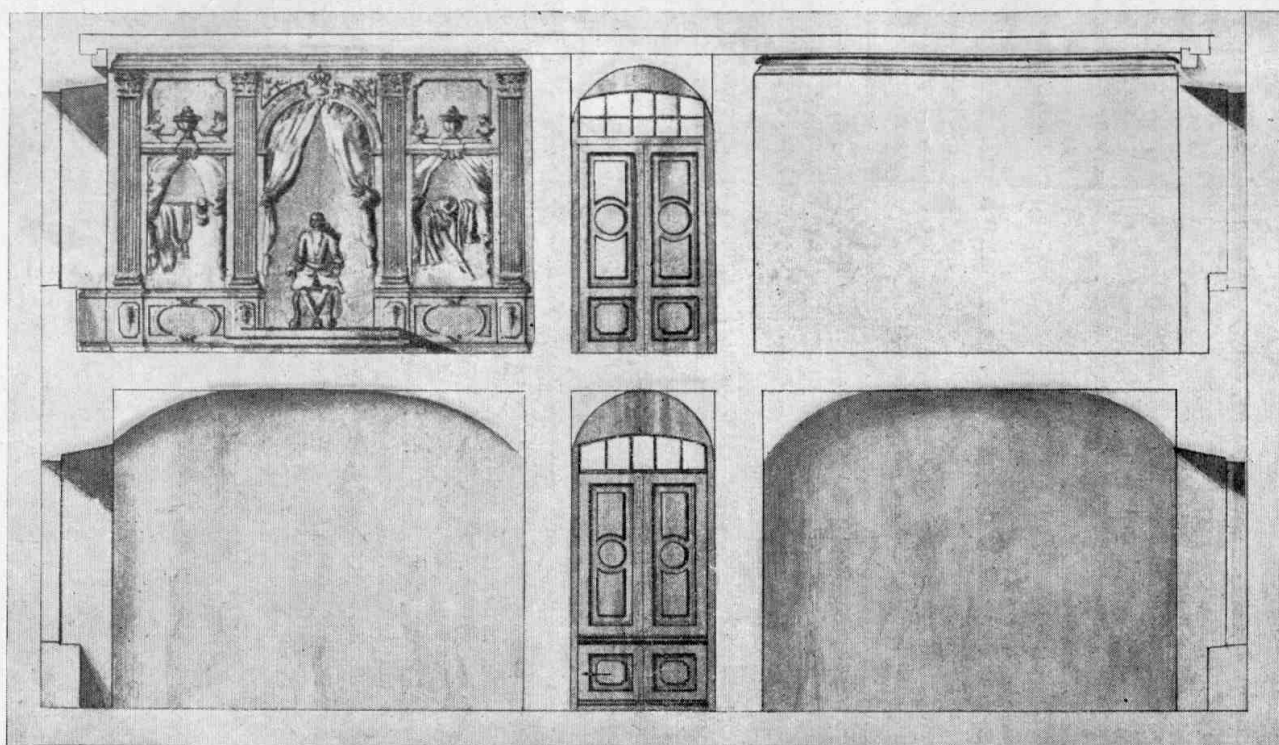

Рис. 20. Вид экспозиции «Императорского кабинета». Зарисовка середины XVIII в. (Гос. Музей истории г. Ленинграда).

ние Академии Наук был предоставлен находящийся на Петроградской стороне дом Шафирова, где в торжественной обстановке и произошло первое заседание Академии. Пребывание ее в этом доме, однако, носило временный характер, так как одновременно состоялось решение передать Академии еще не вполне законченный дворец царицы Прасковьи Федоровны, находящийся в непосредственном соседстве с Кунсткамерой. В это здание вскоре и переехала большая часть академических учреждений.¹

В числе академиков, приглашенных для работы в молодой русской Академии Наук, имелся ряд крупных ученых, как, например, математики Я. Герман и братья Н. и Д. Бернулли, философ и физик Бильфингер, а также начинающие ученые Ф. Майер, будущий историограф Академии Наук Г. Ф. Миллер и др. Непосредственное соседство Академии с Кунсткамерой укрепило связи между этими учреждениями и сыграло положительную роль в дальнейшей истории Кунсткамеры. Академики в первое время, как мы увидим, способствуют сбору и приобретению музейных коллекций, наблюдают за созданием экспозиции Музея, составляют каталоги и публикуют в изданиях Академии свои работы, часто написанные на основании хранящихся в Кунсткамере материалов. Еще большую роль в истории Музея сыграли академические экспедиции.

Первая группа планомерно проведенных русских академических экспедиций началась в 1733 г. Отличительными чертами, беспримерными в ту эпоху, являлись размах маршрутов, широта поставленных перед экспедициями задач, благодаря чему ряд мало изученных районов нашего обширного государства получил разностороннее освещение в трудах их участников. Труды эти получили высокую оценку. Как указывалось в «Предисловии» к I тому «Полного собрания ученых путешествий по России»: «Ни одно ученое предприятие не принесло столь много славы Академии и столь много пользы Отечеству, как путешествия Академиков по России».²

Первой экспедицией, в которой приняли участие академические профессора, была так называемая Вторая камчатская экспедиция, начавшаяся в 1733 и закончившаяся к 1743 г. Участники ее были разделены на три группы.

¹ Этот дворец до наших дней не сохранился. В 1826 г. на месте его архитектор Лукини воздвиг новое здание, в котором в настоящее время разместились Институт зоологии и зоологический Музей АН СССР.

² Полное собрание ученых путешествий по России, т. I, СПб., 1818—1825, стр. XII.

Первая из них должна была составить описание берегов Ледовитого океана от Архангельска и, если «возможно, до Камчатки». В эту группу входили Д. Я. и Х. П. Лаптевы, П. Лассиниус, В. Прончищев, Д. Л. Овцын, С. Г. Малыгин и другие. Вторая, во главе с капитаном В. Берингом и А. И. Чириковым, должна была совершить плавание от Камчатки к берегам Америки. Третья, укомплектованная исключительно сотрудниками Академии Наук, — акад. П. Делиль де-ла-Кройер (астроном), акад. И. Г. Гмелин (естественник), Г. Ф. Миллер (историк), адъюнкты Фишер и Стеллер и студенты С. Крашенинников, Ф. Попов, В. Третьяков, Л. Иванов, А. Горменов, рисовальщик В. Люрзениус и живописец И. Х. Беркган — должна была отправиться сухим путем на Камчатку, собирая по дороге научные материалы. Академия Наук руководила и инструктировала работу этой группы, которая должна была вести астрономические и географические наблюдения, а также собирать материал по «гражданской и естественной истории». Экспедиция была снабжена различным оборудованием (инструменты «к сочинению обсерваций», «книги», «бумаги разных рук, краски, кисти и протчия, что надлежит к рисованию и сохранению натуральных вещей») и подробной инструкцией, «что им в пути чинить и как с учениками поступать».¹ Ученые проделали большую работу по сбору материала в различных районах Сибири, но до Камчатки не добрались. Туда был отправлен «студент натуральной истории» Степан Петрович Крашенинников, который «пред всеми его товарищи добрыми поступками во всем оных профессоров путешествии и особливим трудолюбием несравненно себя отменил».² На Камчатке он собрал большой материал, на основании которого впоследствии им и был создан знаменитый труд «Описание земли Камчатки»,³ являющийся и по сей день незаменимым источником по этнографии, географии, лингвистике и филологии народов, населяющих этот полуостров. Помимо большого количества дневников, этот замечательный исследователь собрал и доставил в Кунсткамеру значительное количество коллекций по естествознанию и этнографии обследованных им районов.

Богатые коллекции по флоре Сибири были также собраны и переданы в Кунсткамеру проф. Гмелиным, который, как утверждал Линней, один открыл столько новых видов растений, сколько все другие ботаники вместе взятые. Только

¹ Материалы, т. II, СПб., 1886, стр. 326, 327.

² Материалы, т. IV, стр. 512; т. V, стр. 685—688.

³ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. СПб., 1756.

в одной работе «Флора Сибири»,¹ в которой были использованы далеко не все его материалы, было описано 1178 растений. Открытия его в области ботаники были исключительны, и только преждевременная кончина его, как указывает акад. Рупрехт,² привела к тому, что за создание ботанической системы «вся слава досталась Линнею, который притом обладал и растениями Гмелина». ³ С 1735 г. от академической группы Второй камчатской экспедиции в Кунсткамеру начинают поступать различные коллекции, характеризующие фауну, флору и этнографию населения различных областей Сибири.

Поступления эти автор написанного в 70-х годах XVIII в. путеводителя по Библиотеке и Кунсткамере, Бакмейстер, называет «сокровищами» и указывает, что они явились «обильными приращениями, составлявшими в таком количестве изысканных по разным азиатским странам и народам редкостям, что таковым множеством ни один в Европе кабинет славиться не мог». ⁴ Лишь одни этнографические коллекции, собранные этой экспедицией, оказались настолько обширными, что подобных не имелось ни в одном собрании мира. Среди них были коллекции одежды таких сибирских народностей, как самоеды различных групп: юрацкие, тавгийские и аванские (31 предмет, в том числе мужские и женские одежды, головные уборы, обувь и другие предметы); остяки (14 предметов); якуты (15 предметов); юкагиры (13 предметов); ламуты (21 предмет); коряки (24 предмета); тунгусы (13 предметов); татары качинские с реки Юз и другие (14 предметов), курильцы, мордва и т. д. Помимо одежды, было собрано значительное количество предметов культа («три деревянных тунгусских идола», коряцкий идол, «бубен с палочкой», «самоедский идол»), предметов, характеризующих хозяйство и быт сибирских народностей («два деревянных самоедских сосуда», «самоедская сумка из коры», «ложка», «самоедская лодка», «образец саней, которыми пользуются коряки», «молоток, усаженный острыми костями, которыми коряки пользуются на войне», «калмыцкий колчан со стрелами», «румяны коряцкие», «роговая ложка») и т. д. Все описи собранных предметов выгодно отличались от предыдущих. В них повсюду упоминалось на-

¹ G m e l i n. Flora Sibirica sive historia plantarum Sibirae. СПб., 1747.

² Выдержка из письма Линнея 1744 г. (Цит. по: Ф. Рупрехт. Материалы для истории Академии Наук по части ботаники. Записки имп. Академии Наук, т. VII, № 3, СПб., 1865, Приложение, стр. 4.

³ Ф. Рупрехт, ук. соч., стр. 45.

⁴ Бакмейстер, стр. 124.

именование народностей, у которых они были найдены, с указанием их местообитания: «коряки, которые живут в Охотске» или «в верховьях Лены», в Нерчинске, татары качинские, с реки Юз и т. д. Для некоторых предметов приводятся и местные названия — самоедский идол, «которого они сами называют фунелла», меховая одежда из шкур, называемая «курошоки», платок, называемый «нечку», и др.¹

Большой вклад в изучение истории культуры и быта народов, населяющих Россию, а также ее естественных богатств внес известный деятель первой половины XVIII в. В. Н. Татищев. В введении к написанной им в 1737 г. работе «Предложение о сочинении истории и географии Российской» он разъяснял, «колико история в мире пользы приносит», ратовал за повсеместный сбор материалов, необходимых для воссоздания естественной и политической истории всех областей России. Работа была снабжена подробной инструкцией из 198 пунктов, охватывающих громадный круг вопросов («о границах», «о свойстве и действе воздуха», «о водах», «о природном строении земли», «о подземностях», «о жителях», «о жилище» и др.), и имела три раздела, первый из которых рекомендовался «один до всех губерний», второй — «токмо до Архангелогородской, Казанской, Астраханской, Сибирской и частью Нижегородской губерний, где многие разные идолопоклоннические народы находятся», третий — «токмо для одних татар магометанского заказа».²

Эта программа, составленная с большой тщательностью и знанием дела, была представлена в Академию Наук и сыграла значительную роль для сбора материала, большая часть которого сосредоточивалась в Музее. Помощь Татищева Музею не ограничивалась разработкой программы и инструктированием. Из своей Дмитровской деревни (на р. Рохтоле) он прислал «камней фигурных немалое число, между которыми суть весьма удивления достойныя, а именно: раковина большая с ребрами, каковых здесь нигде не видел; корну аммонис, на котором со стороны лист дерева со всеми жилками изображен, круглых колесцами со скважнями разных великостей более 100; губы

¹ Выборка из дополнений к каталогу «*Musei Imperialis Petropolitani*», т. II, ч. 1, разделы: одежда, рукописное приложение к художественным изделиям и редкостям под названием: «Что было включено в в имп. Кунсткамеру уже после завершения каталога 1744 г. относящиеся к описанию северных племен» и «Перечень того, что передал студент Крашенинников в августе 1743 г.».

² Н. П о п о в. В. Н. Татищев и его время. М., 1861, Приложение, стр. 663—696.

березовые окаменелые»¹ и т. п.; с р. Самары им же был прислан «живописный образ», «птицы дивного вида. . . да штуку весьма дивного состояния окаменелого дерева»;² а из Сибири — «камень ясписовые трех колеров: красный, красный же с зеленым и печеночного с красным», «коробочка с старинными монетами и четыре корниола».³

Помимо указанных путей, Кунсткамера с первых же лет передачи ее в ведение Академии Наук продолжала пополняться различными ценными коллекциями также путем приобретения и наследования.

В 1728 г. в нее поступило несколько нумизматических коллекций, в которые входили: «собрание древних Российских и татарских монет, числом более тысячи», «276 бронзовых медалей, касающихся до происшествий в правление короля французского Людовика Четвертогонадесять (т. е. XIV, — Т. С.), изобретение парижской Академии надписей и словестных наук», «последование золотых и серебряных медалей королей шведских, тиснения славных мастеров Карлштейна и Гедлингера и толь высокой работы, что сии медали не уступают ни в чем совершеннишим из тех, которые нам древняя Греция и Рим оставили».⁴

В 1729 г. в Кунсткамеру было передано «множество математических, физических, астрономических и медицинских орудий, которые тем паче всякую превосходят цену, что употреблялись самим императором Петром Великим»;⁵ в 1732 г. — «восковая персона» Петра I (рис. 21) и ряд предметов его личного обихода. Эти поступления положили основание новому мемориальному отделу Кунсткамеры, который был назван, по наименованию личного собрания Петра I, «Императорским кабинетом».

В 1736 г. в Музей передали упомянутое уже нами собрание Я. Брюса, которое он пополнял на протяжении всей своей жизни и завещал в Академию Наук. Для составления описей этого собрания в Москву был отправлен академический нотариус Тидеман, которому было предписано описать «различные печатные книги, картины, рисунки, грыдорованные фигуры, инструменты, машины, сосуды старинной или нынешней работы, из какова оные материалы, также и возвышенной

¹ Материалы, т. II, стр. 133.

² Там же, т. III, стр. 789—790.

³ Там же, т. V, стр. 872; т. VII, СПб., 1895, стр. 414.

⁴ Б а к м е й с т е р, стр. 118.

⁵ Там же, стр. 119.

и резной работы на камне, старинные и новые редкие монеты и всякие руды».¹

В. Н. ТАТИЩЕВ.

Гравюра второй половины XIX в. Неймана.

В составленных им описях ² значилось: 115 номеров инструментов, 40 номеров карт, 67 номеров этнографических предметов, 367 номеров монет, 222 рисунка и чертежа и другое, при-

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 16, л. 263 об.

² Там же, л. л. 433—450, 536—544, 561 об. — 568 об. и др.

чем под одним номером часто числилось значительное количество предметов.

Коллекции были перевезены в столицу в ящиках и распределены между Кунсткамерой, Библиотекой, Физическим кабинетом и Обсерваторией. Из реестров ящиков мы узнаем, что первые 10 из них были заняты книгами и математическими инструментами; 11-й вмещал «картины и протчия личины»; 12-й — «2 глобуса, один стол астрономический, книги и манускрипты ратных татарских сандаков и протчее»; 13-й — «тубус невтоиианг», гипсовый бюст Брюса и книги; 14—20-й — различные математические и оптические инструменты; 22-й — «мамонтовые кости» и 23-й — «личины».¹

В том же 1736 году Кунсткамере было предложено перевезти из села Преображенского, под Москвой, «токарные махины и инструменты» Петра I. Для разбора и перевозки их были посланы «механического дела ученик» Михайла Семенов и солдат Андрей Коровин.² В реестре, составленном ими, числилось «махин дубовых с набором, железных, разных действ четыре», различных инструментов — пятьдесят девять, «очки государевы в футляре», «медалий стальной разных сортов одиннадцать», «алебастровые формы да инструментов господина асессора Нартова — долот, циркулей, топоров, пил и других более ста номеров».³ А. К. Нартов — известный механик и талантливый конструктор станков, ведавший ряд лет токарней Петра I, очевидно, также принимал участие если не в перевозке, то в расстановке в Музее привезенного оборудования.

Во всяком случае из документов 40-х годов XVIII в. известно, что ему было поручено «надзирание» за этим разделом экспозиции.

Одним из основных источников обогащения Кунсткамеры явились частные собрания, поступавшие не только добровольным путем, как упоминалось выше, но и насильственным, путем передачи из Канцелярии конфискаций.

Вследствие дворцового переворота 1741 г. многие лица, игравшие крупную роль в предшествующие царствования, попали в опалу.

Имущество большинства из них было конфисковано в казну, а предметы, имевшие музейное значение, переданы в Кунсткамеру.

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 16, л. л. 349, 350.

² Материалы, т. III, стр. 149—150.

³ Там же, стр. 313—314.

Рис. 21. «Восковая персона» Петра I. Скульптура
К. Растрелли. (Гос. Эрмитаж, Ленинград).

В 1741 г. в нее поступили две нумизматические коллекции, конфискованные вместе с остальным имуществом у Артемия Волинского и Платона Мусина-Пушкина. Они насчитывали свыше 500 номеров и включали в себя главным образом восточные и западноевропейские медали и монеты.¹ В октябре того же года из Канцелярии конфискаций поступили «лаковый китайский кабинет с российскими и другими деньгами и медалями из остермановых пожитков»,² а также, неизвестно из чьих собраний, большое количество инструментов: «две астролябии в футлярах», «готовальня серебряная, с инженерным инструментом», «отвес железный к ватерпасу», «штатив деревянный», «в деревянном ящике красного дерева компас с солнечными костяными часами», «ящик буковый, в нем три фортеции», «два магнита», «чемодан инструменту токарного» и многие другие предметы, характеризующие быт и искусство, в основном китайское (рис. 22); «53 штуки медных больших и малых разных китайских фигур», «две штуки китайских плетеных», «кукол больших китайских фарфоровых, по белой земле с разными цветами — 7», «5 кукол фарфоровых зеленых на лошадях», 8 таких же — красных, «ящичек сандаловый, в котором кувшинчик с крышкой, кальянов золотых — 2, серебряных — 3, да один с финифтью», «чашечка китайская медная резная и вызолочена, на ножках», «9 картинок туманных за стеклом», «платье китайское атласное»,³ а также большое количество медалей, картин и этнографических предметов.⁴

Естественно-исторические коллекции Кунсткамеры также разрастались.

Призыв Петра I к пополнению Музея нашел широкий отклик.

Со всех концов необъятной России продолжали поступать многочисленные минералогические, зоологические, анатомические и этнографические материалы.

В 30—40-е годы от частных лиц, от различных учреждений в Кунсткамеру поступило: «мертвое тело младенца о 6-ти пальцах», «младенец о двух головах», «ясписовые камни из Сибири», «серебряная руда с медвежьего острова», «жемчуг из Новгородского уезда», «тюлень», «куриное яйцо странной формы» из Соликама, «козленок — монстр», «уродливая курица», «кругловатая кривулина», которая по осмотру оказалась рогом ископаемого животного (из Костромского уезда),

¹ Материалы, т. IV, стр. 661—684, 696—697.

² Там же, стр. 747—750.

³ Там же, т. V, стр. 323, 365, 366.

⁴ Там же, т. VII, стр. 164—166.

кабарга из Иркутска, «лошак», «челюсть, которая найдена на реке Дону, а какого зверя неизвестно»,¹ и др.

В Музей также передавались звери, издохшие в зверинце. Зверинцы на Руси существовали издавна и находились в ведении придворной охоты. Одни из них предназначались собственно для охоты, другие, в которые входили редкие, преимущественно иноземные звери, — для показа. Так, например, в Московском зверинце в начале XVIII в. демонстрировались множество «дорогой и красивой птицы», львы, тигры, пантеры, белые медведи, черные лисицы, рыси, соболя, причем особой красотой отличались лев и львица, которые были присланы в 1718 г. из Персии посланником А. П. Волинским.² Петр I покровительствовал расширению зверинцев, находя, что они дают прекрасный материал для сравнительной анатомии.³ В Петербурге часть животных содержалась в дворцовых садах, а для слонов были устроены специальные «слоновые дворы». ⁴ В Архиве Академии Наук сохранились документы о передаче в Кунсткамеру «азиатского разноцветного ворона», слона и различных зверей, издохших в придворном зверинце. Они поступали в Анатомический театр, а затем передавались чучельщикам.

Сохранилось большое количество счетов и расписок на расходы, связанные с этими работами: ⁵ «за сделанье к слоновой коже хобота»; «за набитье барсовой кожи лошадиной шерстью»; «за набитье африканского лошака кожи» и т. д. Были также сделаны чучела кабарги, «индиенской коровы да две уороксавые кожи». Набивались, по всей вероятности, и чучела птиц, поскольку в 1738 г. был даже нанят специальный егерь, который должен был доставить в Кунсткамеру «полное собрание всех находящихся около Санктпетербурга птиц»,⁶ что и было им выполнено к 1741 г. Некоторые птицы и животные предварительно препарировались в Анатомическом театре. Это подсобное учреждение было тесно связано с Кунсткамерой и начало функционировать в новом здании одновременно с Музеем (1728 г.). Вскрытия производились в круглом зале 1-го этажа, в центре которого был установлен большой стол, а по бокам

¹ Там же, т. II, стр. 83, 119, 766, 767; т. III, стр. 13, 36, 42, 60, 71, 111; т. IV, стр. 1—3, 26, 31, 352, 384, 744.

² Вебер, ук. соч., стр. 1373 и 1420.

³ Фандербек, ук. соч., стр. 22—23.

⁴ Е. П. Карнович. Очерки русского придворного быта XVIII в. Ист. вестн., 1881, т. V, стр. 278.

⁵ Материалы, т. III, стр. 647, 655; т. IV, стр. 385, 417 и др.

⁶ Там же, т. III, стр. 824.

шкафы с расставленными в них готовыми препаратами, которые затем постепенно передавались для пополнения основных экспозиций Кунсткамеры. Препарирование животных и трупов, поступавших из полиции, производилось первоначально акад. Дювернуа, а затем физиологом акад. Вейтбрехтом. Так, например, акад. Дювернуа препарировал стерлядь необыкновенной величины, кости ее «поставил на проволоку» и набил чучело.¹ В 1734 г. им же был препарирован кит, предварительно зарисованный работавшим много лет при Кунсткамере живописцем Георгом Гзелем. Гзелем же был исполнен портрет «великана» Буржуа, вывезенного Петром из Франции, «ефиопский мальчик, который умер в Санкт-Петербурге», «русская женщина», «она же (русская женщина, — Т. С.) ногая» и многое другое. В обязанности Гзеля входило обучение рисованию учеников Академической гимназии и художественных мастерских. Из сохранившейся инструкции мы можем установить, что делал он это чрезвычайно вдумчиво.² В числе обучавшихся у него был и Андрей Греков, работавший затем совместно с ним по зарисовке в Анатомическом театре. В одном из своих рапортов в Канцелярию Академии Наук он сообщал, что уже с 1733 г. «всякие анатомические вещи при докторах рисовал, а паче при докторе Вейтбрехте в книгу, именуемую Синдесмологию».³ Повидимому, им же были зарисованы туши слона, льва и других подвергшихся анатомированию зверей.

¹ Материалы, т. III, стр. 675.

² В инструкции, написанной Гзелем для уезжающих в камчатскую экспедицию, он призывает своих учеников выполнять «с великой охотой и прилежанием» даваемые им поручения и рекомендует вести дневник путешествия. В ряде параграфов изложены практические советы, как делать зарисовки «местности», «четвероногих», «птиц», «рыб», «раковин», «трав», «драгоценных камней и насекомых». Чтобы легче было «представить все близко к натуре», следует рисовать не по памяти, а ставить непосредственно объект перед глазами. Если требуется зарисовать рыбу, нужно держать ее в воде, чтобы не заснула. Если травы — вырывать их с землей, чтобы не увяли. Животных и птиц необходимо зарисовывать таким образом, чтобы отчетливо были видны особенности их строения и вида. Помимо этого, художник должен зарисовать так, «чтобы об истинной величине предмета могло быть составлено наиболее точное и определенное представление». (Инструкция была написана по-немецки и затем переведена на латинский язык).

³ Материалы, т. IX, СПб., 1897, стр. 21. — Вейтбрехт работал главным образом над изучением мышц и связок. На основании бесчисленных вскрытий, сделанных им в Анатомическом театре Академии, он написал работу «*Syndesmologia sive Historia Legamentorum corporis Humani*» (СПб., 1742), которая ценится и в наши дни как исчерпывающий материал для изучения связок.

В 1741 г., при сдаче Анатомического театра перед отъездом из России, акад. Дювернуа передал в Канцелярию Академии несколько статей, написанных на основании произведенных им вскрытий, значительное количество зарисовок и таблиц, составленных на основании тех же материалов, а в Кунсткамеру — приготовленные им анатомические препараты, как то: образцы слоновой кожи, глаз, клыки, хобот, сердце и другие органы слона — всего 23 препарата, и 9 препаратов различных частей тела льва.¹ Им же был выполнен целый ряд препаратов органов человека, в частности различные части тела монстра Якова Васильева, жившего много лет и умершего при Кунсткамере.²

Представители царствующей династии XVIII в. покровительствовали сбору коллекций для Кунсткамеры, но одновременно с легкостью и расхищали их. Не обладая ни знаниями, ни широкими научными интересами Петра I, они рассматривали Кунсткамеру только как собрание занимательных раритетов, созданное специально для их развлечения, точно так же как, скажем, зверинец. Поэтому все редкие звери и другие «диловины» прежде всего стали поступать уже не в Академию Наук, а во дворцы. Так, например, когда были привезены американские олени, американские свиньи и сибирские кабаны, они были все «в излишнем количестве» переданы в Царскосельский зверинец, несмотря на то, что в Кунсткамере не имелось ни одного чучела этих животных.³

В конце 1746 г. присланные из Архангельской губернии «для образца разных сортов раков, рыб и протчих курьезных вещей» также поступили прямо во дворец. Ввиду того что в это время в парковой архитектуре была распространена мода на различные гроты, они были осмотрены именно с этой точки зрения, признаны «к гротическому украшению годными», и лишь «к тому убиранию неприличные» образцы поступили в Кунсткамеру.⁴ Не только вновь поступающие, но и уже зарегистрированные в Музее экспонаты рассматривались не как государственная, а как личная собственность царствующей династии. Представители ее редко посещали Кунсткамеру, но часто приказывали доставить во дворец те или иные книги или экспонаты. Для «ношения ко двору» были даже сшиты из алого тонкого сукна специальные мешки — «два мешка

¹ Материалы, т. IV, стр. 487—493.

² Там же, т. III, стр. 375.

³ Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 2.

⁴ Там же, оп. 1, № 106, л. л. 109—110.

больших, да один поменьше с подкладкою крашенинною белою и со шнурами шелковыми зелеными».¹ Свезенные во дворец экспонаты далеко не все возвращались назад.

Весьма показательным в этом отношении является урон, нанесенный коллекции Кунсткамеры знаменитой ледяной свадьбой, нелепым празднеством, устроенным 6 февраля 1740 г. по случаю «потешной свадьбы» придворного шута императрицы Анны Ивановны, князя М. А. Голицына, с шутихою ее А. Н. Бужениновой. В программу увеселений было включено шествие народов, населяющих Российскую империю, и народов, соседствующих с ней. Мысль о создании этого «природного маскарада», по всей вероятности, была порождена теми разнообразными этнографическими коллекциями, и в частности национальными костюмами, которые поступали в Кунсткамеру из Второй камчатской экспедиции. Коллекции эти, характеризующие культуру и быт доселе почти не известных народов, вызывали в то время большой интерес. В шествии должны были принять участие следующие народы: «мордва, чуваша, черемиса, вотяки, тунгусы, якуты, чапчадалы (камчадалы, — Т. С.), остяки, мунгалы, башкирцы, кингисы, юнаки, кантыши, каракалшаки, арапы белые и черные, и протчие, какие есть подданные российские»,² а также ряд зарубежных народов.

Во все концы России было разослано «высочайшее распоряжение» от 27 декабря 1739 г. с приказом срочно прислать в Петербург по типичной молодой паре представителей всех перечисленных выше народностей. Академии Наук было поручено составить подробное описание этих народностей: «их платья, в чем ходят, и гербов на печатях или на других на чем и на каких скотах ездят», а также их оружия, музыкальных инструментов и национальных кушаний.³ Кроме того, Академии предлагалось срочно представить описание и зарисовки следующих народов, персонажей и животных: «пастуха с его убором, из народов кроме России и Европы», «одного осла, одного оленя», «индейского, епонского, монгольского, китайского воинов с копьём, в их приборах», «музыкантов, со описанием их игры, от тех же народов», «водолаза одного», «Бахуса изобразить», «эпонцев, манзунов, мунгальцев, контошинцев, киргисцов, калмык, каракалшаков и жен их по одному написать», «лошака», «осинского народа, которые под владением

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 111, л. л. 164—168.

² Материалы, т. IV, стр. 276.

³ Там же.

Грузи, по одному мужской и женской персоны и музыкантов их», «малых детей манжуров, одетых в пестрых странных одеяниях», «купидку одну плачущую», «сатирку, во всем изображении» и т. д.¹

Все эти описания и зарисовки производились в Кунсткамере и по ее материалам. Из Музея было затребовано большое количество костюмов, музыкальных инструментов, оружия и различной утвари, главным образом сибирских народностей.² В эти костюмы, переделанные, без учета этнографических особенностей, придворными художниками, были наряжены приехавшие «инородцы», которые и должны были составить шуточный свадебный поезд. Для этого они были рассажены попарно в фантастические сани и колымаги, запряженные верблюдами, волами, оленями, собаками и даже свиньями, которые двигались под различную национальную музыку за женихом и невестой, восседающими в железной клетке на слоне.

Несколько месяцев спустя Кунсткамера получила лишь часть выданных ею коллекций в попорченном и измененном виде. Целый ряд экспонатов, в частности 8 чувашских и мордовских костюмов с вышивкой, 1 «птичья шуба», колпак лапландский, так же как и многие другие, были безвозвратно утеряны.³

К началу 40-х годов в Кунсткамере оказалось сосредоточенным громадное количество всевозможных экспонатов, наущно требовавших классификации. Еще в бытность в Кикиных палатах коллекции суммарно разделялись на 3 группы: «Кунст-кабинет», «Натур-кабинет» и «Мюнц-кабинет». С переездом в новое здание появились еще 2 отделения: «Императорский кабинет» и «Физический кабинет» с Обсерваторией. Последний по существу являлся хранилищем физической и астрономической аппаратуры, предназначенной для научных опытов, однако одновременно считался и отделом или, вернее, подотделом Музея, так как при описании его вошел в состав Кунсткамеры. При посещении Кунсткамеры почетными посетителями им обычно показывали Обсерваторию и Физический кабинет, где академические профессора демонстрировали различные «куриозные эксперименты».⁴

Первые упоминания о работе над каталогами музейных коллекций встречаются еще в 1723 г. Это был «каталогус на

¹ Там же, стр. 277—278.

² Там же, стр. 367—368.

³ Там же, т. III, стр. 367.

⁴ Санктпетербургские Ведомости, 1731, № 24 и др.

русском диалекте», основная работа над которым была закончена к 1727 г.

В описываемое нами время (20—40-е годы XVIII в.) Кунсткамеру и Библиотеку продолжал возглавлять Шумахер.

Этот ловкий пройдоха, сумевший оказаться полезным при подборе первых академиков и организации Академии Наук, забрал в свои руки делопроизводство и постепенно стал самовластным управителем.

Блестящая карьера, сделанная им, указывает Ломоносов, определялась отнюдь не его научными достоинствами, ибо «в науках» он был «скуден», а умением ловко маневрировать и интриговать. «Сегодня того лаская, кого угнетал вчера. Переменяя как понадобится. Президента же и других знатных особ улещая, то подарением разных книг в хороших переплетках, грыдированных листов, на что много тысяч рублей истрачены. . . Все сие дела для удержания и укрепления своего самовластия, о приращении наук и о чтении лекций не имея ни малого попечения».¹

Более того, он активно тормозил развитие русской науки, прекрасно понимая, что с созданием русских научных кадров подобные ему чиновники и коммерсанты от науки будут удалены. Стараясь, чтобы это случилось как можно позже, он прибегал к своему излюбленному методу — интригам. Его козни против всех дельных ученых, а в особенности против русских, общеизвестны. Общеизвестна и борьба его с великим русским ученым М. В. Ломоносовым, в лице которого он справедливо видел последовательного и непримиримого врага.

Крайне мало он заботился и о постановке музейного дела. Происходя из Западной Европы и преклоняясь перед ее культурой, Шумахер не находил ничего лучшего, как уподобить Библиотеку и Кунсткамеру аналогичным учреждениям Западной Европы. Между тем у музеев Западной Европы того времени мало чему можно было поучиться. Прекрасный знаток естественной истории Даламбер в статье, посвященной кабинетам натуралиев (1751 г.), отмечал, что благоустроенные музейные экспозиции встречались крайне редко. «Гораздо больше таких, которые отличаются лишь богатством своих собраний, но лишены всякого порядка». «Какая же польза

¹ Б и л я р с к и й. Материалы для биографии М. В. Ломоносова. СПб., 1865, стр. 049 и 443.

в собранном с большим трудом и большими затратами множестве произведений, если они выставляются в полном беспорядке, без всякого внимания к природе вещей и к принципам естественной истории?» — вопрошает он. Царящий там беспорядок приводит к тому, «что ценнейшие произведения природы брошены, как в колодезь», — добавляет он и картинно описывает: «Вы подбегаете к краю этого колодца, вы следуете за толпою, вы стремитесь пронизать мрак, окутавший столько редкостей, но он слишком густой. Вы устаете от напрасных усилий и вы уносите с собой лишь горькое чувство обиды, что вы лишены стольких богатств или из-за беспечности их владельцев или из-за небрежности и халатности тех, кому они поручены». Даламбер уподобляет неумелых хранителей и владельцев подобных кабинетов каменотесам, которые способны лишь обтесывать камни в глубине каменоломни, но не в состоянии возвести само здание, и рекомендует им: «Отправьте все ваши раковины в море; верните земле ее растения и почвы, очистите ваши комнаты от этой кучи трупов птиц, рыб, насекомых, если из всего этого вы не сумели создать ничего, кроме хаоса».¹

Примером такого богатейшего, но беспорядочного собрания мог служить Лейденский музей, в котором экспонаты были сгруппированы следующим образом: в одном помещении были выставлены головы 2 слонов и 4 ноги одного из них, 2 шкуры тигра, раковина устрицы, крокодил, деревянный дом, «как их делают в Норвегии», клюв неизвестной птицы из Бразилии, несколько индейских стрел, дудочка, клобук московского монаха, финские лыжи, модель лодки для ловли китов, хирургические инструменты, скелет орла, кресло для родов и др. В другом были сосредоточены скелеты, сгруппированные «занимательно», но без попытки введения какой-либо системы: скелет обезьяны и коровы, «скелет осла, который несет на себе женщину, убившую ребенка своей дочери», скелет кошки, «скелет девушки 17-ти лет, убившей своего ребенка», «скелет пирата», «скелет овцы», «скелет слуги некоего капитана, который был задушен» и т. д. Пошкафные описи этого собрания показывают, что внутри шкафов также отсутствовала какая-либо система. Так, например, в шкафу «А» соседствуют клюв птицы, беленое и небеленое египетское полотно, камень, найденный «в чреслах девушки», «каралловый кустик», «горшок, полный пива из Китая», «сабля из Индии», «рука сирены», «голова

¹ J. D a l a m b e r. Cabinet d'histoire naturelle. Encyclopedie ou Dictionnaire raisonne, т. II, 1751, стр. 490.

тигра». В шкафу «Д» — мумия, морской паук, «кровь крокодила», кусок хлеба, «сделанного из неизвестной муки», «молоток, которым дикари Голландии убивали иностранцев», «недодосок» и др.¹

Как уже указывалось выше, Шумахер, не будучи ученым, не вдумывался в принципы систематики и экспозиции, а рабски, механически копировал те из них, которые соответствовали его личным вкусам. Описывая различные системы расстановки книг в библиотеках, которые он осматривал во время своей командировки за границу в 1721—1722 гг., Шумахер в отчете, поданном Петру I, отдает предпочтение такому расположению, когда книги по «величине своей разставлены суть», и больше всего печется, «дабы красота, которая в публичной библиотеке требуется, не утратилась».²

Этой «системе» он, повидимому, продолжал следовать и в дальнейшем, так как современники указывают, что в экспозиции его интересовал исключительно «казовый конец». Естественно, что соблюдение во что бы то ни стало этой «казовости», или «красивости», часто приводило к научным несоответствиям, которые и имели место в первые десятилетия существования Кунсткамеры, в особенности в ее кикинский период.³

С переездом в новое здание, находившееся в непосредственном соседстве с другими учреждениями Академии Наук, безраздельная власть Шумахера в Кунсткамере и Библиотеке была ограничена. Многие профессора, пользовавшиеся книгами в Библиотеке и экспонатами Кунсткамеры в качестве материалов для своих исследований, начали высказывать недовольство системой расположения книг в Библиотеке и экспонатов в Кунсткамере.⁴ В числе таких лиц, систематически посещавших эти учреждения и корректировавших с научной точки зрения избранную Шумахером систему, историограф Академии Наук XVIII в. Г. Миллер называет самого себя, а также профессоров Гмелина и Вейтбрехта. Недовольство профессоров нашло свое отражение в специальном доношении, поданном ими в 1732 году в Сенат. Там сообщалось, «что академическое собрание от ведомства тех вещей весьма и во всем выключены», и ука-

¹ Catalogue de ce qu'un voit de plus Remarquable dans la chambre de l'Anatomie Publique de l'Université de la ville de Leide par François Schayl, mis en ordre les Nombres suivans. Leiden, 1741.

² Отчет библиотекаря Шумахера о его путешествии 1721—1722 гг. (П. П. Пекарский. Наука и литература, т. I, стр. 553).

³ Г. Миллер, ук. соч., стр. 167.

⁴ Там же.

Г. В. КРАФТ.
Гравюра XVIII в.

зывалось, что «всяк особливо с охотою старание имел бы, чтоб оные в лутчем порядке, как по искусству всякого пороэнь возможно, содержаны были».¹

Доношение возымело свое действие, Шумахер вынужден был уступить, и академики начинают принимать участие в классификации коллекций, составлении каталогов и разработке экспозиций.

С 1738 г. «понеже при библиотеке и кунст-камере книги и натуральные вещи от времени до времени наиболее размножаются», на должность «кунсткамерского помощника» на постоянную работу был «определен» проф. Амман, в обязанности которого входило «воспомоществовать... в истории натуральной сколь возможно».² Это был первый штатный «кунсткамерский помощник», на которого были возложены не хозяйственные и технические, а чисто научные обязанности.

Наличие штатного работника не исключало участия других академиков в жизни Кунсткамеры. В каталогизации ее коллекций приняли участие лучшие силы Академии. В феврале 1733 г. каталоги были уже готовы, но продолжали оставаться недоступными для использования, ибо единственные экземпляры их были забраны в Канцелярию и для работы не выдавались.³ Это была очередная выходка Шумахера против развития русской науки.

Конечно не без его же участия был забракован и русский каталог, выпуск которого был подготовлен, но так и не состоялся. Его заменил гораздо менее доступный каталог на латинском языке, называвшийся «*Musei Imperialis Petropolitani*» (рис. 23), что в переводе означает «Петербургские Императорские Музеи». Однако имеющееся на титульном листе официальное название распространения не получило. Не только в частной переписке и в воспоминаниях современников XVIII в., но даже в официальных документах и протоколах Конференции Академии Наук Музей неизменно называется Кунсткамерой.

Первоначально (1742 г.) был выпущен том второй каталога, который состоял из 3 частей: часть первая имела 212 страниц и содержала описание «искусно сделанных вещей», или собственно Кунсткамеры; часть вторая — 583 страницы, запол-

¹ Материалы, т. II, стр. 192.

² Там же, т. III, стр. 714—715.

³ Протоколы заседаний Конференции имп. Академии Наук 1725—1743 гг., (далее цитируется как Протоколы), т. I, СПб., 1897, стр. 86.

MVSEI IMPERIALIS
PETROPOLITANI

VOL. I.

PARS PRIMA

QVA

CONTINENTVR

RES NATVRALES

EX

REGNO ANIMALI.

ТИПИС АКАДЕМІАЕ СCІЕНТІАРVМ
РЕТРОПОЛІТАНAЕ.
СbccccxLII.

Рис. 23. Титульный лист каталога Кунсткамеры 1742 г.
(Архив АН СССР, Ленинград).

ненные описанием античных монет; часть третья — 477 страниц — описание монет более позднего времени.

Первая часть второго тома, т. е. каталог «искусно сделанных вещей», подразделяется на значительное количество отделов, которые, в свою очередь, делятся на более мелкие рубрики. Раздел первый первой части второго тома, посвященный описанию «физических инструментов», был составлен проф. Крафтом, который разобрал находившиеся после переезда в новое здание «в великом беспорядке и в конфузии» физические инструменты, классифицировал их и «привел... в полный порядок». «По сему порядку, — пишет он в своем отчете, — упомянутые инструменты физические все и каждый порознь по их шкафам и нумерации внесены мною в исправный каталог».¹

В основу классификации приборов им были положены принципы, заимствованные из учебника экспериментальной физики Гравезанда,² вышедшей в 1721 г.³ В соответствии с этим руководством было выделено 7 групп: инструменты, относящиеся к механическим опытам, инструменты для гидростатических опытов, для магнетических, акустических, электрических, а также для пневматических и оптических экспериментов. В последнюю рубрику входит также различная аппаратура «для производства всех опытов, относящихся к различным огням и цветам», в том числе и «оптическая камора», представлявшая собой комнату, размеров 46×10 шагов, обитую черным сукном и обставленную черной мебелью. Общее количество инструментов, входящих во все эти разделы, — свыше 400.⁴

Описание инструментов завершается списком имен мастеров и авторов, конструировавших и выполнявших упомянутые выше инструменты. Среди них мы находим имена Буша, Эльтона, Ханемана, Крафта, Лейтмана, Мушенброка, Олеария и других физиков и инструментальщиков Европы XVII—XVIII вв.

¹ Архив АН, ф. 21, оп. 5, № 158, л. 13; Пекарский, Наука и литература, т. I, стр. 459.

² А. А. Елисеев. Физический кабинет Академии Наук в I пол. XVIII в. и Ломоносов. Ломоносов, сборник статей и материалов, т. I, М.—Л., 1940, стр. 176.

³ W. Y. Gravesand. *Physices clementa mathematica, experimentis confirmata, sive Introductie ad philosophiam Newtoniam*, 1721.

⁴ Значительная часть этих инструментов, в частности инструменты, сконструированные Крафтом, была изготовлена под присмотром последнего в инструментальных мастерских Академии Наук.

Рис. 24. Концерт. Копия XVII в. с картины А. Паламедея (1601—1673).
(Гос. Эрмитаж, Ленинград).

Составитель списка, видимо, интересовался исключительно иноземными мастерами, ибо, кроме А. К. Нартова, ни одного русского имени в списке не указано. Между тем, в Петербурге имелись первоклассные мастера, и упоминания о них можно встретить как на предшествующих страницах каталога, так и в воспоминаниях современников. Так, например, в своей речи о «Петербургских достопримечательностях», произнесенной в 1731 г., акад. Бильфингер восхищался искуснейшими вещами, производимыми в русской столице, и отмечал, что «трудно отыскать искусство, в котором я не мог бы назвать двух или трех отличнейших мастеров в Петербурге».¹

Такое замалчивание русских мастеров является крайне характерным и лишний раз свидетельствует об иноземном засильи в русской Академии Наук. В результате этого на передний план выдвигалось все иноземное, в то время как все русское, как бы совершенно оно ни было, игнорировалось как недостойное особого внимания.

«Каталог художественных произведений и редких вещей», которые хранятся в академическом здании, составлял как бы второй раздел второго тома и содержал «портреты, статуи, разные изделия и другие произведения из воска, свинца, меди и гипса».

«Каталог картин, которые хранятся в Академических зданиях и Кунсткамере», разделяется на 2 больших отдела по принципу техники исполнения — «картины, написанные красками, разведенными маслом», и «картины, выполненные красками, разведенными водой». Первые из них, в свою очередь, подразделяются на «портреты царей наших и иноземных», «картины, на которых изображены отдельные лица или боги», «картины на сюжеты исторические, сказочные или из частной жизни, на которых изображены многочисленные фигуры, картины на сюжет символический и технический», а также «картины, на которых изображены виды земли или моря», «животные, здания и кулинарные предметы и некоторые смеси» (рис. 24, 25, 27, 28).

Из приведенных выше названий разделов видно, что понятие жанра в живописи еще не вполне сложилось. Разбивка производилась нечетко, в результате чего однородные картины попадали в различные по названию рубрики, которые по существу дублировали одну и ту же тематику, как, например, «портрет» и «изображение отдельных людей» или «мифологи-

¹ Записки имп. Академии Наук, т. III, СПб., 1855, стр. 708.

Рис. 25. Похищение сабинянок. Картина неизвестного художника XVII в. (Гос. Эрмитаж, Ленинград).

ческая» тематика и «сказочная». Сюда же привносилось понятие и о многофигурности композиций.

Картины, выполненные «красками, разведенными водой», подразделялись на несколько рубрик, в числе которых имеются миниатюры, архитектурные чертежи и зарисовки экспонатов Кунсткамеры.

«Каталог драгоценных вещей, сделанных из золота и серебра, и гемм» был сгруппирован главным образом по принципу материала и техники.

«Коллекции скифских, китайских, индийских вещей, а также те предметы, которые сохраняются, будучи достойны изучения, и состоят из одежд, оружия, шкур, столовой и всякой посуды и других предметов восточных и северных племен» (рис. 26) представляют собой описание этнографических экспонатов Кунсткамеры. Оно подразделяется на ряд рубрик, с выделением вещей, принадлежащих народам отечественным и иностранным.

Вторая и третья части второго тома каталога были посвящены описанию нумизматических коллекций Кунсткамеры. Для составления этого каталога, или, как говорилось в донесении в Сенат, «каталога о 4000 древних татарских монетах, которые из земли выкопаны и ныне в Кунст-камере хранятся», был приглашен «профессор ориентальных языков при иностранной коллегии»¹ Кэр.

Все монеты, за исключением русских, были им расположены в хронологическом порядке, размещены по алфавиту и снабжены описаниями. Помимо довольно подробного формального описания, приводятся сведения о размере и мате-

Рис. 26. Китайский халат. Рисунок 30-х годов XVIII в. (Архив АН СССР, Ленинград).

¹ Материалы, т. III, стр. 576. — Описывая монеты, Кэр делал оттиски с них на тонких пластинках клея (Миллер, ук. соч., стр. 386).

Рис. 27. Пейзаж. Картина неизвестного художника XVII в. (Гос. Эрмитаж, Ленинград).

риале каждого экземпляра. Еще во введении указывается, что монеты имеют 4 формата, на которые и делаются ссылки в каждом отдельном случае. Все надписи, встречающиеся на монетах, даны в латинском переводе. Исключение составляют русские надписи, которые печатаются без изменений. В русском разделе приводятся и датировки, совершенно отсутствующие при описании монет других народов. Столетием позже нумизматические коллекции были переданы в Эрмитаж и послужили основным фондом, на базе которого выросло его всемирно известное нумизматическое собрание.

В 1742—1745 гг. был отпечатан первый том каталога, который состоял также из 3 частей.

Первая часть этого тома (755 стр.) включает в себе описание «естественных предметов из животного царства», вторая (652 стр.) — «естественные предметы из растительного царства» и, наконец, третья (227 стр.) — предметы из царства минерального. Каталог начинался анатомическими коллекциями, описание которых было составлено Вейтбрехтом.

Зоологический каталог подразделялся на «каталог четвероногих животных» — 212 номеров, «птиц» — 1034 номера, «земноводных» — 887 номеров, «рыб» — 479 номеров, «безкровных чешуйчатых животных» — 170 номеров, раковин — более 600 номеров и более 500 номеров насекомых. При составлении каталога несомненно были использованы такие знаменитые в то время труды, как «*Sinopsis metodica animalium quadrupendum et serpentini generis*» Рея, «*The ornitology of Fransis Nillughby by John Rey*» Виллюгби и другие новейшие работы того времени, в соответствии с которыми были определены роды четвероногих. При описании рыб и птиц выделен специальный раздел — «Сибирские птицы» и «Сибирские и камчатские рыбы». В других рубриках каталога пометки о местном происхождении экспонатов встречаются редко, хотя несомненно и там имелся значительный процент отечественного материала.

Часть вторая первого тома каталога посвящается предметам из растительного мира, иначе говоря, гербарию, который разделяется на гербарий Рюйша и «Амманианский гербарий». Первый из них является одной из составных частей упоминавшейся выше коллекции Рюйша. Он включал в себя, главным образом, европейскую флору, разделенную на 21 класс. В основе классификации, по которой они были расположены, не лежал какой-нибудь один из группы постоянных признаков. В одном случае класс определялся по строению венчика, в другом — по строению пестика и плода, в третьем случае ведущим признаком служила расцветка.

Рис. 28. Натюрморт. Картина неизвестного художника XVII в.
(Гос. Эрмитаж, Ленинград).

«Амманианский гербарий», названный так по имени составившего его проф. Аммана, был построен по передовой для того времени системе Турнефора. Это была первая последо-

Рис. 29. «Янус», разновидность двойничных уродств. Рисунок 30-х годов XVIII в. (Архив АН СССР, Ленинград).

вательная система, основанная на едином принципе — строении венчика. В соответствии с ней растения разделялись на 22 класса: 2 первых включали в себя «однолистные правильные цветки»; 3-й и 4-й классы — «однолистные с неправильным цветком»; 5—9-й — «многолистные с правильным цветком»; 18—22-й — деревья и кустарники. Внутри каждого класса, на основании того же принципа, были выделены отряды и роды.¹

¹ Начальные основания естественной истории... Царство произрастений издано акад. Василием Севергиным по Турнефортовой и Линневою соединенной системе, ч. 1. СПб., 1794, стр. 68.

Часть третья каталога посвящается «царству минералов», разделенных составителями на 2 большие группы,¹ в первой из них объединены «безформенные ископаемые», т. е. «земли», руды, камни и соли, а во второй — кристаллы и окаменелости растительного и животного происхождения. Как уже упоминалось выше, составителями этого каталога являлись Михаил Васильевич Ломоносов и Иоганн Гмелин. Это была первая работа, порученная будущему великому ученому после годов, проведенных в обучении. На долю его досталось описание «смол», «янтарей», «материй обращенных в камни», «камней простых и больших», «мраморов», «горных хрусталей» и «каменей дорогих», т. е. наименее интересные разделы, представленные, с одной стороны, «дикивинными игрушками натуры» («камень подобен спеленотому младенцу», «камень подобен мертвой человеческой голове», «камень, видом похожий на некоторую часть лягушки или рака», «камень найденный в правой почке короля польского Иоганна III по его смерти», «камни из брюха поросенка» и т. д.), а с другой, — случайными приобретениями в виде искусственно ограненных камней и всевозможных готовых изделий из указанных материалов. К ноябрю 1741 г. все каталоги минералов, составленные Ломоносовым, были просмотрены и получили одобрение Академии.² Наиболее богатая и интересная в научном отношении часть минералогической коллекции к этому времени уже была обработана Гмелиным, начавшим ее изучение и описание с 1727 г. В нее вошли: рудные минералы, соли и «земли», причем среди минералов имелось более 100 образцов отечественного происхождения (из Сибири и с Урала). При редактировании перевода минералогического каталога на русский язык³ М. В. Ломоносов вносит существенные дополнения в сведения, приведенные Гмелиным. Так, например, к описанию «каменного масла сибирского» он добавляет «великом множестве при реке Енисее находится», при описании «земли купоросной» указывает, что она «из дымящейся горы при Аташове в Сибири» и т. д. Интересно, что, помимо географических названий, авторами кое-где приводятся и народные наименования минералов, как то: желтая глина — «золотуха», охра — «красногора» и др. (рис. 30).

¹ Каталог минералов. Оглавление. Перевод И. Голубцова. [Рукопись цитирую по: И. И. Шафрановский и К. И. Шафрановский. Ломоносовский каталог минералогических коллекций Академии Наук (Природа, 1947, № 4, стр. 67)].

² Д. П. Григорьев и И. И. Шафрановский. Выдающиеся русские минералоги. М., 1949, стр. 60.

³ Перевод И. Голубцова (Архив АН, ф. 20, оп. 3, № 62, л. 13).

Из анализа текста той же рукописи можно установить, что уже в начале своей ученой деятельности М. В. Ломоносов стремится создать краткую и четкую отечественную научную терминологию в области минералогии. Так, например, заголовок одной из рубрик каталога «О аврипиimente и рудах антимониевых, также и о самой антимонии» в редакции Ломоносова приобретает следующий лаконичный вид: «Мышьяк и сурма с ее рудами», а «золотая руда, через перебивание полученная», превращается в «золотой шлик» — термин, бытующий и в наше время.

Сопоставляя минералогический каталог Кунсткамеры с научными работами М. В. Ломоносова в области минералогии, в частности с «Первыми основаниями металлургии» и «О слоях земных», специалисты по истории минералогии считают несомненным, что материалы каталога были использованы ученым для этих произведений.¹

Музейная работа М. В. Ломоносова не ограничилась каталогизацией. Великий ученый также много сделал для пополнения Музея, изучения химического состава уже собранных образцов, украшения здания и экспозиции его. В 1757 г. «для украшения впредь Кунсткамеры» он подносит два ящика цветных стекол и смальт, изготовленных по собственной рецептуре,² а начиная с 1761 г.³ организует повсеместный сбор в Кунсткамеру образцов отечественных руд и иных полезных ископаемых. С присущей ему энергией М. В. Ломоносов рассылает многочисленные воззвания, составляет запросы и опросные листки и рассылает их в Берг-Конттору, губернские канцелярии и на отдельные предприятия.

Начатая им работа по сбору минералов преследовала не только чисто музейные цели, но предназначалась для сбора сведений по минералогической карте России, которая в соответствии с его замыслом и была полвека спустя составлена В. Н. Севергиным (см. главу V настоящей работы).

Возвращаясь к описываемому каталогу, следует отметить, что он был издан малым тиражом и имел чисто служебное назначение. После каждого раздела в него были вклеены чистые листы бумаги для занесения пополнений. В известных

¹ Д. П. Григорьев и И. И. Шафрановский, ук. соч., стр. 65.

² Архив АН, ф. 1, оп. 3, № 221, л. 281.

³ В. В. Данилевский. Ломоносов как исследователь русских руд. Ломоносов, сборник статей и материалов, т. III, М.—Л., 1951, стр. 206—225.

Мум. о серебряной руде 1

срнса лебаса ах
~~различается~~ различается по по-
верхности и тёмного песчана-
го камня, по которому идёт вхлн-
ся, убо ~~тёмного~~ Мавалнз.
Поволодная срнз
155. Прямое серебро в ~~различается~~
хрустальной обложке об кра-
сн
156. Поволодная срнз с хрустальной обложке
~~различается~~ различается по по-
верхности и тёмного песчана-
го камня, по которому идёт вхлн-
ся, убо ~~тёмного~~ Мавалнз.
Поволодная срнз
157. Прямое серебро в ~~различается~~
хрустальной обложке об кра-
сн
158. Поволодная срнз с хрустальной обложке
~~различается~~ различается по по-
верхности и тёмного песчана-
го камня, по которому идёт вхлн-
ся, убо ~~тёмного~~ Мавалнз.
Поволодная срнз
159. Прямое серебро в ~~различается~~
хрустальной обложке об кра-
сн
160. Поволодная срнз с хрустальной обложке
~~различается~~ различается по по-
верхности и тёмного песчана-
го камня, по которому идёт вхлн-
ся, убо ~~тёмного~~ Мавалнз.

нам экземплярах каталога, хранящихся ныне в Библиотеке и Архиве Академии Наук СССР, такие пополнения, сделанные от руки, и имеются в большей части разделов. Кроме того, в самом печатном тексте каталога встречаются многочисленные записи и пометки, характеризующие количественные изменения экспонатов и степень их сохранности.¹

Одновременно с этим подробно освещенным нами каталогом было предпринято парадное издание — иллюстрированный путеводитель по Кунсткамере.² Эта «преизрядная книга», как ее называют «Санктпетербургские Ведомости»,³ состояла из введения, в котором кратко излагалась история Петербургской Академии Наук, Библиотеки и Кунсткамеры, 12 гравированных таблиц и подробного пояснения к ним. Первоначально она вышла на немецком языке (1741 г.) и лишь 3 года спустя была издана в русском переводе,⁴ что бесспорно явилось отражением постоянной борьбы в Академии.

Русское издание книги являлось точным повторением предыдущего и отличалось от него лишь языком, на котором был написан текст, и размером гравюр.

К оформлению этого парадного издания были привлечены известные художники и граверы того времени. Титульная гравюра, выполненная придворным живописцем Бартоломео Тарсия, изображала увенчанную лаврами покровительницу наук и искусств Минерву на фоне здания Кунсткамеры (рис. 32).

Автором таблиц являлся академический архитектор, Яков Шумахер, а исполнителями — граверы Андрей Поляков, Христиан Вортман, Иван Соколов, Григорий Качалов и Филипп Маттарнови. Табл. I путеводителя представляет собой план Санкт-Петербурга 1737 г., на табл. II—VIII изображены фасады, разрезы и планы академических палат (рис. 34), благодаря которым совершенно точно можно установить назначение каждого помещения. Табл. XII изображает Библиотеку,

¹ Большая часть дополнений внесена рукой асессора юстиц-коллегии Ивана Ивановича Мелиссино, временно прикомандированного в 1742 г. к Кунсткамере.

² Gebäude der Kaiserl. Academie der Wissenschaften Bibliothec und Kunst-Kammer in St. Petersburg. СПб., 1741.

³ Краткое описание книги опубликовано в «Прибавлении к Санктпетербургским Ведомостям», 1741, ч. 1, стр. 91—95.

⁴ «Палаты Санктпетербургской Императорской Академии Наук, Библиотеки и Кунсткамеры с кратким показанием всех находящихся в ней художественных вещей, сочиненное для охотников, оные вещи смотреть желающих». СПб., 1744.

ПАЛАТЫ
САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ

БИБЛИОТЕКИ И КУНСТКАМЕРЫ,
КОТОРЫХЪ ПРЕДСТАВЛЕНЫ
ПЛАНЫ, ФАСАДЫ И ПРОФИЛИ.

Печатано при Императорской Академіи Наукъ
въ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1741 ГОДА.

Sebäude
der Kayserlichen
Academie der Wissenschaften
Nebst der
Bibliothec und Kunst-Sammer
in St. Petersburg
nach ihrem
Grundriß, Ausriß und Durchschnitt
vorgestellt.

Ausgefertiget bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften in St. Petersburg, 1741.

Рис. 31. Титульный лист путеводителя «Палаты Санктпетербургской императорской Академии Наук», 1741 г.

7 Кунсткамера АН

а IX—XI — музейные залы 1-го, 2-го и 3-го этажей. Последние дают возможность довольно полно представить план расположения и характер первого оформления экспозиции Кунсткамеры, осуществленной к 30—40-м годам XVIII в., и в сочетании с описанным каталогом и не вполне законченными зарисовками¹ экспозиции Кунсткамеры того же времени представляют для нас максимальный интерес. Упомянутые зарисовки были выполнены, по всей вероятности, с натуры и предназначались для тех же «Палат» или для подготавливаемого, уже после их выпуска, более подробного каталога, который, судя по сохранившимся документам, должен был быть богато иллюстрирован. Из рапорта от 10 апреля 1747 г. мы узнаем, что в «грыдировальную палату для вырезания из меди древних курьезных кунсткамерных достопамятных вещей» было передано 67 листов «рисованных водяными красками»,² с которых, как сообщает «грыдированного дела мастер Иван Соколов», уже «вырезано им на меди разных куриозных вещей на двадцати шести досках». Для производства пробных отпечатков с этих досок наборщику Ильину была выдана александрийская бумага.³

В этом же году была произведена зарисовка «имеющихся в Минц кабинете медалей и денег».⁴ Упомянутые выше доски и пробные оттиски с них, к сожалению, до сих пор нигде не обнаружены, что, однако, несколько восполняется наличием значительного числа акварельных зарисовок «кунсткамерных редкостей», которые, возможно, и послужили для них оригиналами. В фондах Архива Академии Наук СССР и Государственного Русского музея⁵ сохранилось свыше 860 рисунков, выполненных в 1732—1739 гг. Андреем Грековым, Михаилом Семеновым, Григорием Качаловым, Петром Ермолаевым, Иваном Соколовым, Андреем Поляковым, Михаилом Махаевым, Григорием Абумовым, Филиппом Маттарнови, Яковом Нечаевым, Иваном Шереметевым, Францом Берном, Иоганном Беркганом, Максимом Рыковым и другими.

Наряду со слабыми, в полном смысле этого слова ученическими рисунками, имеется значительный процент мастерски

¹ До нас дошло 6 таких зарисовок, исполненных акварелью, которые в настоящее время хранятся в Архиве Государственного Музея истории г. Ленинграда, № 25595/1—6.

² Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 107, л. 205.

³ Материалы, т. VIII, СПб., 1895, стр. 434.

⁴ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 108. Расписка от 22 мая 1747 г.

⁵ Архив АН, р. IX, оп. 4, №№ 1—107, №№ 108—173, №№ 174—244, №№ 245—327, №№ 328—427; Гос. Русский музей, отдел рисунка, №№ 39783—39855.

Рис. 32. Фронтиспис к «Палатам Санктпетербургской императорской Академии Наук». Гравюра 1741 г. Б. Тарсиа.

выполненных зарисовок, прекрасно передающих форму и материал изображаемых предметов. Здесь представлены этнографические экспонаты (одежда, украшения, утварь, орудия производства) различных народов мира (рис. 33), математические и физические инструменты, зоологические коллекции (птицы, пресмыкающиеся и млекопитающие), а также анатомические препараты животных и человека. Все они выполнены на отдельных листах «водяными красками» и лишь в редких случаях (№№ 485, 486, 553) снабжены ссылкой о размере или масштабом и названием изображаемого предмета. Чаще всего единствен-

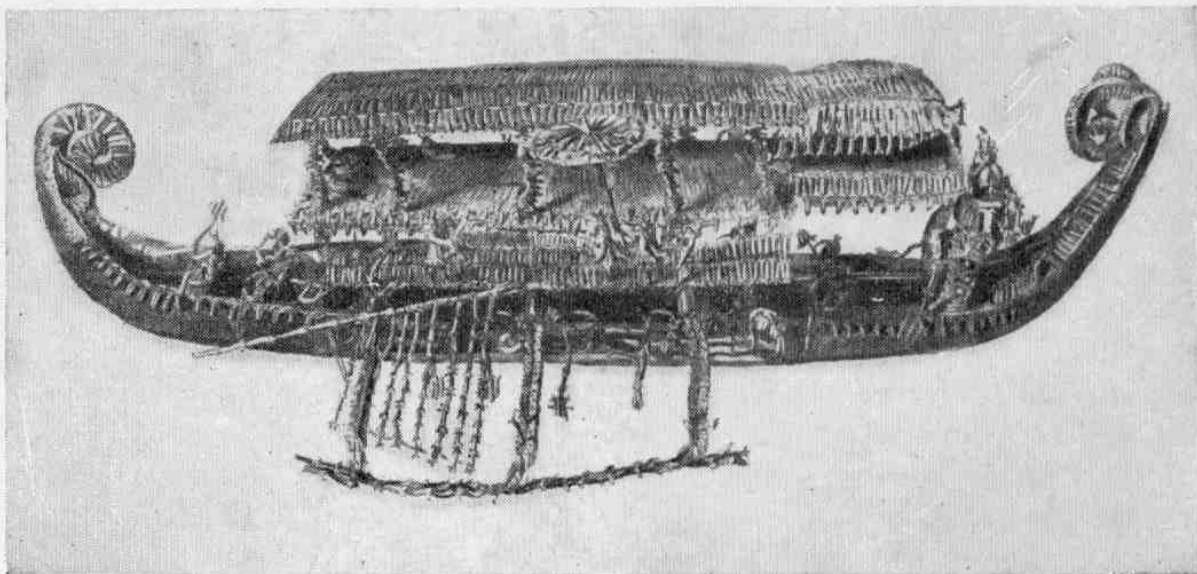

Рис. 33. Модель ладьи. Океания. Рисунок 30-х годов XVIII в. (Архив АН СССР).

ной пометкой на листе является нанесенный чернилами номер по каталогу «*Musei Imperialis Petropolitani*».

Благодаря этим рисункам, а также описанному выше каталогу и иллюстрированному путеводителю мы можем совершенно точно восстановить структуру Музея, состав его коллекций, а также размещение и оформление их на экспозиции начала 40-х годов XVIII в.

Структура Музея к этому времени была следующая: Кунсткамера с входившим в ее состав Физическим кабинетом, Натуркамера с Анатомическим театром, а также Мюнц и Императорский кабинеты. Крупнейшим из отделов как по количеству экспонатов, так и по экспозиционной площади была Натуркамера. Она занимала 2 больших зала и несколько мелких покоев. В зале 1-го этажа, обозначенном на плане Кунсткамеры

буквами «ОО» (рис. 35), были размещены анатомические коллекции, а также амфибии, рыбы и насекомые.

В зале имелось 43 шкафа, 19 из которых были размещены в простенках между окнами, перенумерованы и заполнены по порядку анатомическими коллекциями. Каждый из шкафов вмещал в себя лишь однородные препараты: шкаф III — «мышцы», шкаф IV и V — «мозги», шкаф VI — «органы чувств», шкаф VIII и IX — «желудок, кишечник и принадлежащие к нему части», шкаф XI — «почки и мочевой пузырь» и т. д.

Вторая линия шкафов была расположена ближе к центру зала, между колонн. Они были также перенумерованы (24 номера) и вмещали в себя препараты различных амфибий (лягушек, черепах, ящериц, змей), рыб и насекомых, размещенных по упомянутому выше принципу (рис. 36).

Из сохранившихся экспонатов и изображений известно, что насекомые экспонировались в закрытых стеклянных ящиках, сгруппированных обычно в виде различных композиций. В центре ящика, или планшета, помещался какой-либо крупный мотылек или жук, вокруг которого лучеобразно и, по возможности, симметрично располагались различные насекомые. Если композиция обладала несколькими группами, каждая из них составляла особую композицию.

Другая группа экспонатов, расставленных здесь же, хранилась в стеклянных сосудах, заполненных спиртом.¹ Они были расставлены красивыми группами на полочках с фигур-

¹ Из хозяйственных документов Кунсткамеры известно, что предназначенные для этого отдела банки «ямбургского стекла» поступали в Кунсткамеру по государственной цене со стекольных заводов. «Ради сидения (перегонки, — Т. С.) спиртуса» Кунсткамера ежегодно запрашивала значительное количество кулей угля, «короткие дрова», а также кадки, ведра, ушаты и другую посуду, а для «промазывания кубов» — ржаную муку (Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 5, л. л. 146, 159 и др., № 107, л. л. 186, 187 и др.). «Для убирания скляниц в кунсткамере» в 1728 г. было запрошено: «Ниток на завязки — 2 фунта, пузырей говяжих — 200, воронок — 3, ножниц — 3, ножей складных — 3, холста — 20 аршин, кистей разных рук — 10, скипидару — 2 фунта» (Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 4, л. 425). Помимо этого, Кунсткамера ежегодно выписывала большое количество «орешков чернильных» да «уксусу на дела чернил», «кистей разных рук», различных красок (белила, сурик, индиго и золота), «бумагу хлопчатую» для письма и печати, ткани (холст, тафта), «гвоздей разных рук (гонтовых, полугонтовых холщевых), камфару, перец, иглы и столярные инструменты, а также крылья для обметания шкафов» (Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 4, л. л. 175, 176, 425; № 5, л. л. 146, 159 и об., 252, 303, 397; № 107, л. 186). Просушка экспонатов, очистка их от ржавчины и исправление производились в «назначенной на то избе», при квартире кунсткамерного служителя (Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 1; Материалы, т. VIII, стр. 112).

ными кронштейнами, которые, судя по изображению, были выполнены из лефкаса и позолочены. Шкафы, стоявшие между колонн (рис. 15), помимо этого, были украшены профильными портретами, заключенными в круглые медальоны,¹ и скульптурной фигурой, сидящей на троне.

Из описаний приобретенных еще в начале XVIII в. коллекций Рюйша и Себы нам известно, что первая из них была снабжена портретами мудрецов древности, а вторая в числе экспонатов имела китайский лаковый кабинет, в котором помещалась сцена, изображающая «суд царя Соломона».² При пересмотре всех коллекций перед выставлением их в новом здании обе эти коллекции, повидимому, были приведены в надлежащий вид, систематизированы, а аналогичные препараты объединены в общую группу. Благодаря этому, вероятно, объединились и украшения: коллекция Себы пополнилась римскими мудрецами, а в центре ее продолжал восседать на троне царь Соломон. В руках его находился жезл, а из складок ткани балдахина выглядывали два черепа.

Наличие этой скульптуры объясняется, по всей вероятности, тем, что эта легендарная личность считалась как бы покровителем музейного дела. Историк музеев, писавший в XVIII в. под псевдонимом Ниескелио, в своей книге «Музеография» с полной серьезностью утверждает, что невольным создателем первой Кунсткамеры мира был прародитель Ной, собравший перед потоком в своем ковчеге «каждой твари по паре». Однако первым «подлинным» коллекционером, сознательно собиравшим различные редкости, продолжает он, был иудейский царь Соломон, построивший для своей сокровищницы специальное здание. Ниескелио подробно описывает это собрание (I).³ Таким образом наличие в экспозиции этой скульптуры имеет известное оправдание.

Появление ее несомненно являлось данью времени и было порождено стремлением сделать экспозицию максимально занимательной. Судя по имеющимся материалам, этот экспонат был в своем роде единственным, ибо все остальные шкафы, видимые на рисунке, были заполнены сосудами, расставленными в сугубо систематическом порядке. Единственными красочными пятнами, встречающимися здесь, были крышечки, надеваемые

¹ В 1740 г., по всей вероятности, эти же самые 8 портретов были повторены из свинца. Они были отлиты «свинцовой работы мастеровым человеком Петром Лукошкиным» и вставлены в рамы, выполненные резчиком Тимофеем Михайловым (Материалы, т. IV, стр. 417, 439 и 494).

² П. П. П е к а р с к и й. Наука и литература, т. II, Приложение.

³ Museographia, т. III, стр. 10.

поверх горла сосудов, обтянутых пузырем. По сохранившимся рисункам можно установить, что они окрашивались в разные цвета и иногда покрывались орнаментом.¹ Украшение крыше-

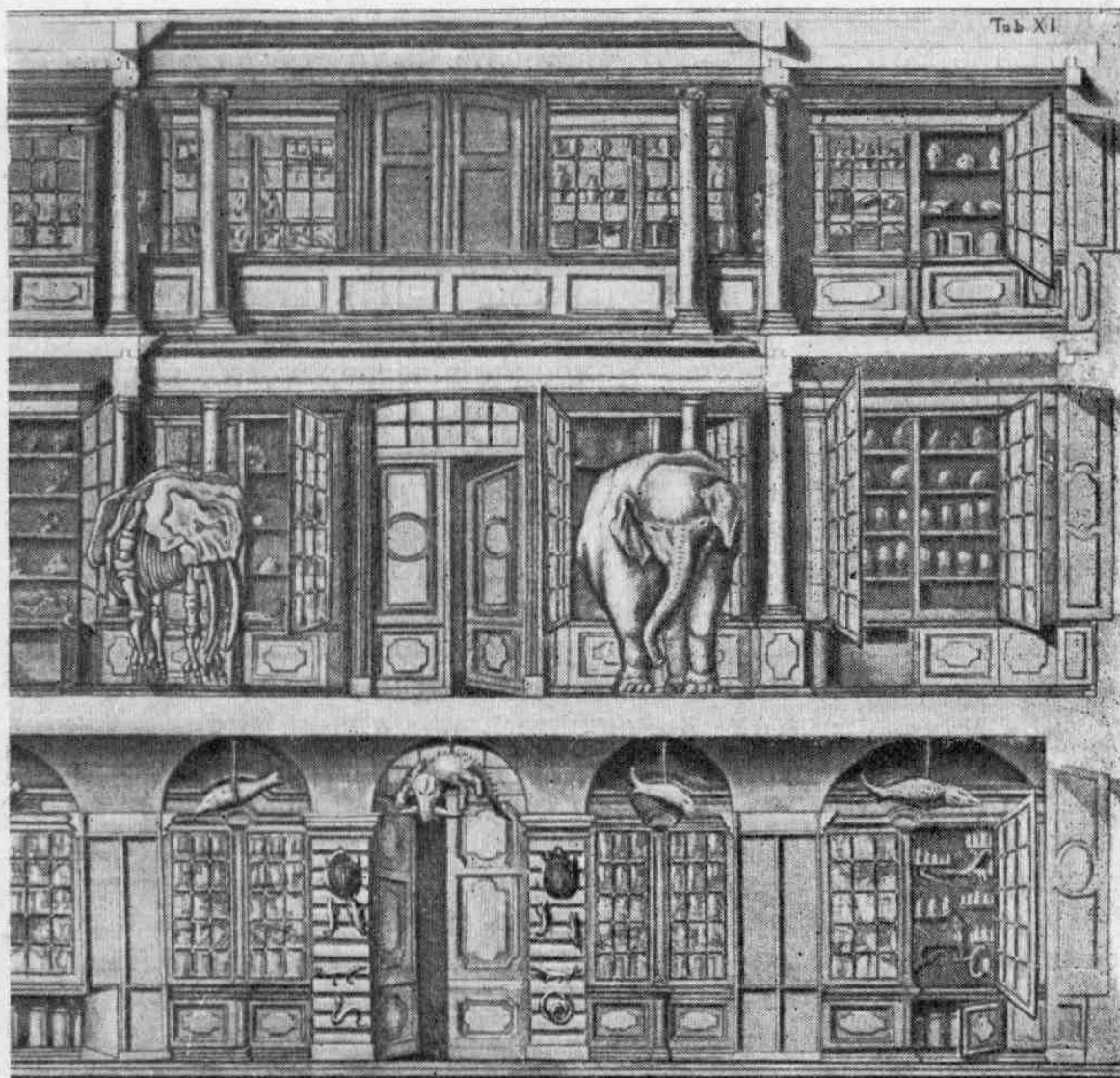

Рис. 36. Экспозиция 1-го, 2-го, 3-го этажей. Гравюра 1741 г. А. Полякова. («Палаты Санктпетербургской императорской Академии Наук», табл. XI).

чек кораллами, раковинами и другими красотами природы, столь характерное для коллекции Рюйша, в Кунсткамере имелось,² но на новой экспозиции представлено не было. Все описанные предметы помещались в шкафах. Открытая экспозиция почти не применялась. Исключение делалось лишь для очень крупных экземпляров рыб и животных, которые

¹ Архив АН, р. IX, оп. 4, №№ 713, 717, 718, 720 и др.

² Там же, №№ 590, 591, 715, 720 и др.

не помещались в шкафах (скелет кита, чучело слона, лошака, зебры и некоторые другие), и незначительного количества ящериц. Последние размещались на колоннах зала 1-го этажа и являлись, вероятно, дублетами, так как упоминания о них в каталоге не имеется.

В зале 2-го этажа — *LL* (рис. 37) были выставлены растения, птицы и млекопитающие, разместившиеся в 22 шкафах, расставленных по простенкам. Центр зала занимали чучело слона, скелет зубра и других крупных животных. Первые 9 шкафов были заняты растениями и их семенами, причем особое внимание было уделено «различным семенам и травам, употребляемым в медицине» (шкафы I—III). Шкафы IV—VIII были заняты различными видами птиц, выставленными «вместе с их яйцами и гнездами». Коллекция четвероногих животных имела незначительное количество экспонатов и была размещена в 5 шкафах (шкафы XV—XX).

Продолжением этого зала служила ротонда, через которую нужно было проходить, чтобы попасть в Анатомический театр. Здесь были выставлены рога и скелеты различных четвероногих и отдельные кости мамонта. В самом Анатомическом театре, в 12 шкафах, как уже упоминалось, были расставлены различные анатомические препараты, здесь же приготовленные.

Помимо всех этих помещений, на плане, приложенном к «Палатам», указывается, что в камере *EE*, находившейся в 3-м этаже, было расположено «собрание отечественных натуралеев», о которых, к сожалению, никаких дополнительных сведений не приводится.

Последним разделом Натур-камеры являлся Минералогический кабинет, разместившийся в 3 покоях 1-го этажа (камеры *PP*, *QQ*, *RR*), один из которых носил название грота. Здесь, в 17 шкафах, были выставлены различные почвы, руды, «пласты породы с золотом и серебром», драгоценные камни, камни, найденные во внутренностях людей и животных, раковины и т. д. 4 шкафа (шкафы XIII—XVI) были выделены специально для «разных руд и камней, найденных в России», а для наглядности в одном из них была выставлена модель горного рудника.¹

В соседней камере (*SS*) помещался Мюнц-кабинет, являвшийся вторым отделом Музея. Экспонаты его, рассортированные по времени и происхождению, были укреплены на планшетах и выставлены в 8 специально для них заказанных шкафах.

¹ Палаты, стр. 20; Г. Миллер, ук. соч., стр. 166.

Коллекции «искусством сделанных вещей», т. е. собственно Кунсткамеры, были размещены в камерах *UU*, *DD* и *CC*, о которых нам известно только то, что они вмещали «курьезы и другие драгоценности из золота, серебра и драгоценных камней», а также «собрание отечественных и иноземных предметов искусства и курьезитетов». Однако основная масса предметов этого отдела была сосредоточена на галерее, одна из стенок которой изображена на табл. X в «Палатах Санктпетербургской императорской Академии Наук».

Существенную помощь в раскрытии экспозиции галереи оказывает хранящийся в Музее архитектуры г. Ленинграда чертеж, изображающий крупным планом 2 шкафа этого отдела.¹

Общее число шкафов на «галдырейке» равнялось 22, причем 6 из них было отведено под выставку одежды: в 2 шкафах экспонировали одежду народностей, живущих в Сибири и других провинциях Российского государства, в 1 — одежду зарубежных народностей, а в 3 остальных хранились «колдовская одежда, ведемские шаманские барабаны и идолы языческих народностей России». В каждом шкафу имелись дополнительные градации и размещалось, в зависимости от размера, от 20 до 50 предметов.

Остальные витрины были заняты «различными портретами и фигурами из воска» (3 шкафа), «китайскими идолами» (3 шкафа), «различными сосудами, предметами роскоши и другими вещами азиатских народностей» (2 шкафа), «различными древностями» (3 шкафа) и «резными и выточенными на токарном станке предметами из дерева, камня и слоновой кости». Изобилие последних легко объяснить личной заинтересованностью Петра I, который, как известно, сам увлекался токарными работами. На сохранившемся чертеже легко можно рассмотреть различные бокалы, сосуды и шары, выточенные, по всей вероятности, из слоновой кости. Все они, так же как и экспонаты в других шкафах, были расставлены в строго симметричном порядке на фигурных лепных полочках и кронштейнах (рис. 38).

Экспозиция этого отдела, посвященная народностям, населяющим Россию, освещала культуру и быт русских, черемисов, мордвы, чувашей, татар, калмыков, бурят, монголов, тунгусов, лапландцев, самоедов, остяков, камчадалов, якутов, ламутов, коряков, юкагиров, нагайцев и других. Имеющиеся на выставке «различные и странные вещи» — характеризовали

¹ Архив Государственного Музея истории г. Ленинграда, № 25595/3.

культуру китайцев, японцев, бухарцев, персов, турок, а в ряде случаев одежду и художественные ремесла народов Южной Америки (Аргентина) и Западной Европы (Финляндия, Швеция, Дания и Франция).

Таким образом, к 40-м годам XVIII в. в Кунсткамере имелись экспонаты, собранные во всех частях света, за исключением Австралии. Такого обширного и разностороннего этнографического собрания не было в середине XVIII в. ни в одном из музеев Европы.¹

Последним разделом собственно Кунсткамеры являлся Физический кабинет, разместившийся в 6 комнатах (*E, F, G, HH, CC, YY*), круглом зале 3-го этажа Кунсткамеры и Обсерватории (комнаты *Y, Z* и *AA*). Помимо этого, к нему относились еще 6 помещений для демонстрации физических опытов. Три первых из них (камеры *U, U, U*) находились в 3-м этаже Кунсткамеры, были обиты черным сукном, снабжены черной мебелью, раздвижными ставнями и предназначались для оптических экспериментов. Значительное количество таких опытов в 30—40-х годах XVIII в. было здесь поставлено акад. Георгом Крафтом. К академическому изданию его «речи» о «цветовом клавинорте» (1742 г.) была приложена гравюра, которая, как указывает акад. С. И. Вавилов, «по большой конкретности изображаемой обстановки и комнаты, вероятно, изображает оптическую камеру Физического кабинета во времена Крафта».² 3 других помещения (камеры *T, Y* и *W*) находились в соседнем академическом здании (бывшем дворце царицы Прасковьи Федоровны) и также служили лабораториями и аудиториями для «обучения в Академии российского юношества». Здесь, судя по каталогу, были размещены токарные машины и машины для полировки стекла, а также различные физические инструменты, наиболее часто употребляемые при различных опытах. Остальные перечисленные помещения использовались одновременно как хранилище и музей. Наибольший интерес у публики вызывали экспонаты, сосредоточенные в круглом зале 3-го этажа Кунсткамеры. Здесь, в 11 шкафах, было размещено более 280 экспонатов: квадранты и другие инструменты для измерения высоты звезд, морские измерительные инструменты и таблицы измерений, астролябии, солнечные часы, различные линзы и большое количество глобусов и систем мироздания.

¹ Л. Штернберг. Музей антропологии и этнографии. Человек и природа, 1925, сентябрь, стр. 48.

² С. И. Вавилов. Физический кабинет — Физическая лаборатория — Физический институт Академии Наук за 220 лет. Усп. физич. науки, т. XXVIII, 1946, вып. 1, стр. 10.

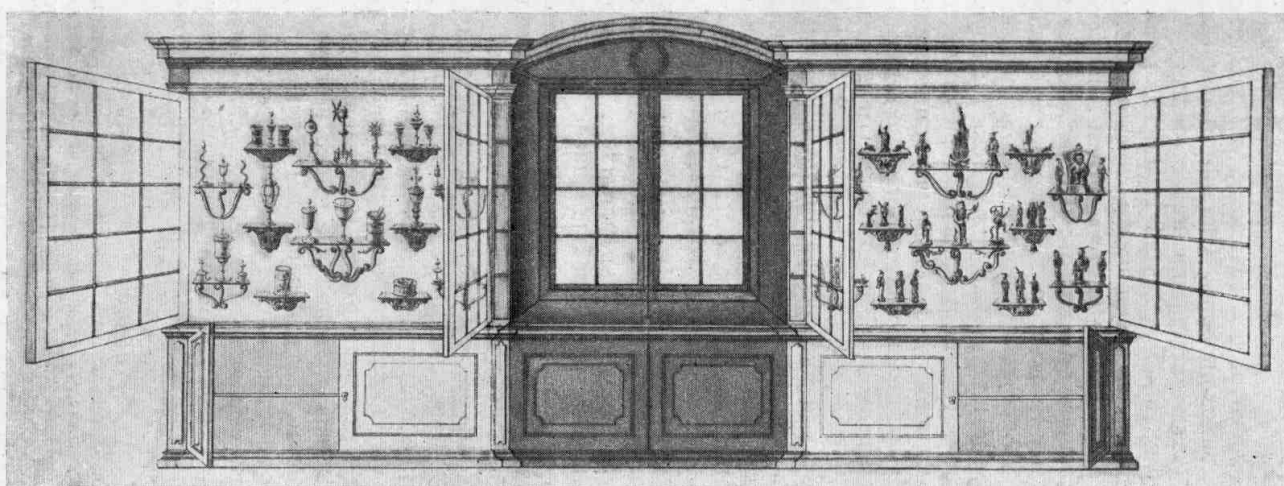

Рис. 38. Деталь этнографической экспозиции Кунсткамеры. Рисунок середины XVIII в. (Гос. Музей истории г. Ленинграда).

Последние, как явствует из каталога, в большинстве своем были русского происхождения. Однако имена выполнявших модели мастеров остаются для нас неизвестными. Авторы иностранных экспонатов, наоборот, как правило, указаны. Так, например, мы узнаем, что среди экспонатов имелась система Коперника работы лондонского мастера Роули, на которой была выгравирована следующая надпись: «Петру Алексеевичу, могущественнейшему из императоров, покровителю искусств английские купцы нижайше приподносят». В центре круглого зала находился описанный выше Готторпский глобус, опоясанный латунным экваториальным поясом. Он был помещен в особый деревянный станок и снабжен червячным винтом, при помощи которого вращался вокруг оси. В 4-м и 5-м этажах башни были размещены метеорологические и астрономические инструменты.

Последней группой экспонатов Физического кабинета являются «токарные инструменты и другие машины, найденные в лаборатории славной памяти Петра Великого» (рис. 39), они были размещены в камерах *НН*, *СС* и *УУ* составляли единое целое с 4-м, и последним, отделом Музея, так называемым «Императорским кабинетом». Этот отдел Кунсткамеры имел мемориальное назначение и служил для прославления личности Петра I. Такая целевая установка порождала иную форму экспозиции. Центральным экспонатом «Императорского кабинета» являлась «восковая персона», изображавшая Петра I в натуральную величину. Голова ее была выполнена из воска скульптором Растрелли по подлинной маске Петра I, а для «сделанья парика, бровей, да уса, из его парикмахеров волос» был приглашен придворный парикмахер, получивший за эту работу специальное вознаграждение.¹ Туловище статуи было выточено из дерева и снабжено шарнирами, позволяющими сажать фигуру и придавать рукам и ногам ее нужные позы.² Статуя была облачена в принадлежавшее Петру «градетуровое лазоревое цвета» платье, посажена в кресло, на котором Петр сживал в торжественных случаях, и водружена на возвышение в нише, напоминающей подобные же сооружения в тронных залах. Над ней возвышался балдахин, на отделку которого было приобретено «четыре зеленых косяка, комок изголий,

¹ Материалы, т. III, стр. 663.

² Существующая легенда, что «восковая персона» первоначально имела механизм, позволяющий ей вставать при входе посетителей, ничем не подтверждается, ибо на теле ее отсутствуют следы какого бы то ни было механизма. В настоящее время «восковая персона» выставлена в экспозиции «Галереи Петра Первого» (Государственный Эрмитаж).

каждый по 17 рублей»,¹ «18¹/₄ аршин красной лакированной кожи» и «21³/₄ аршин зеленой» на 89 рублей и 12¹/₂ копеек. Последняя была истрачена шорником не только на балдахин,

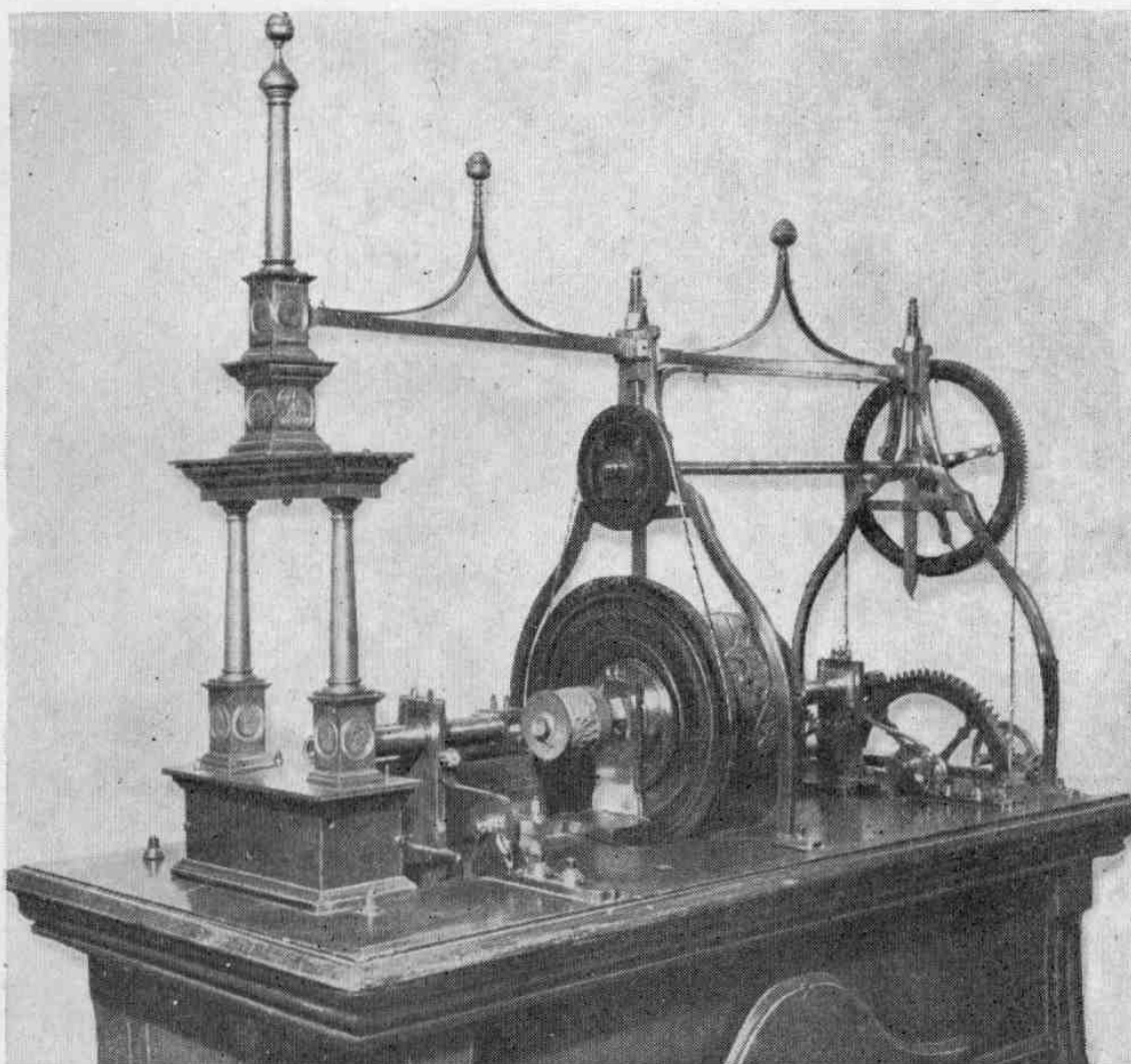

Рис. 39. Токарный станок конструкции А. К. Нартова из «Императорского кабинета» Кунсткамеры. (Гос. Эрмитаж, Ленинград).

но и на обивку 2 барьеров, находящихся подле скульптуры.² Кроме того, «для убора палаты» было использовано сукно и зеленый дамаст, из которого были сшиты портьеры. По бокам кресла имелись 2 полуниши, в которых были развешаны предметы вооружения и регалии Петра I. Эти ниши, так же как и вся палата, были богато украшены лепкой и резьбой. Экспо-

¹ Материалы, т. III, стр. 131.

² Там же, стр. 33.

зиция этого помещения, отличавшаяся большой пышностью, должна была, повидимому, воздействовать прежде всего

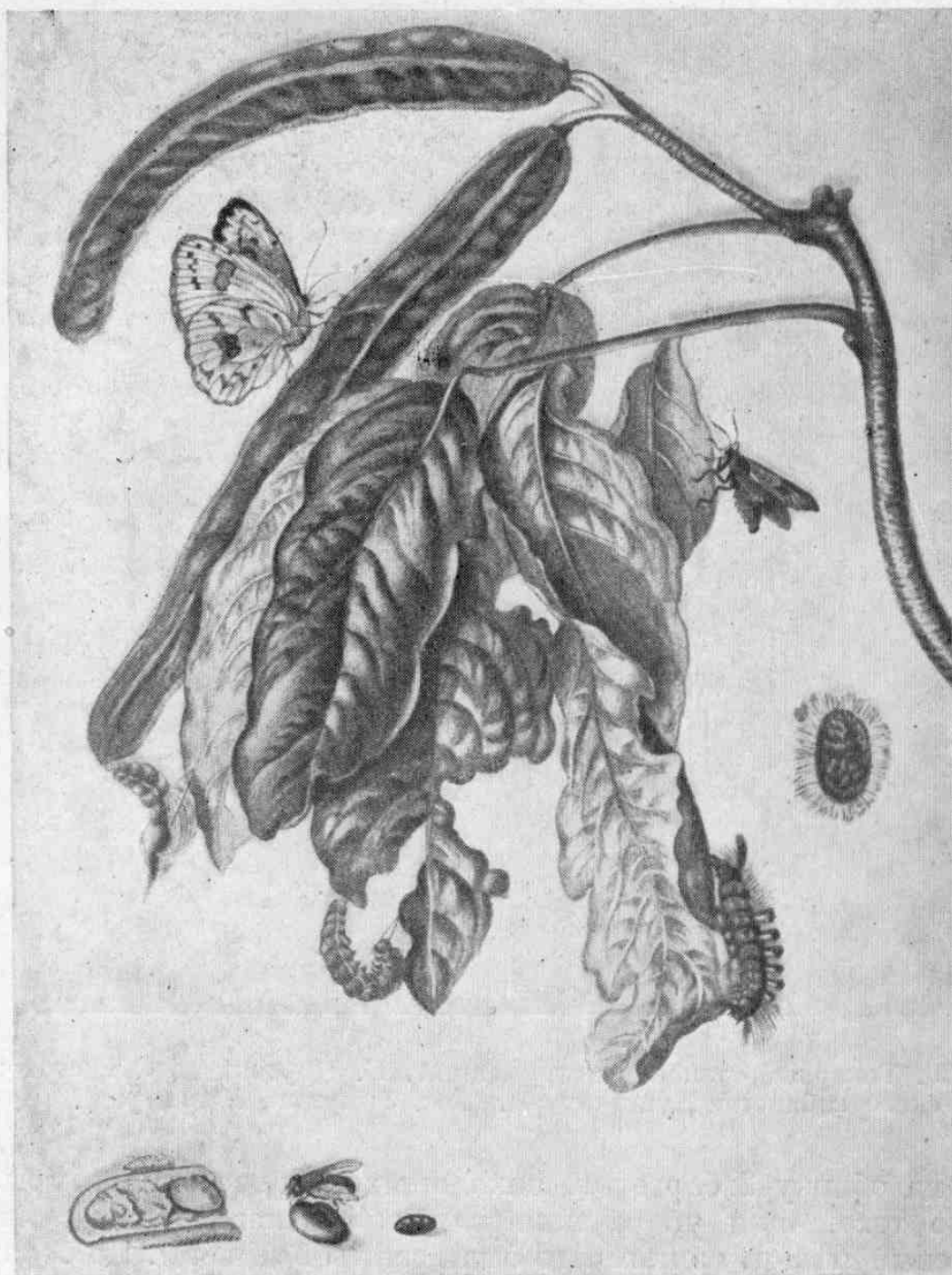

Рис. 40. Развитие бабочки. Рисунок начала XVIII в. М.-С. Мериан.
(Архив АН СССР, Ленинград).

на эмоции зрителя, внушая ему представление о величии и мощи покойного императора. Для усиления впечатления фигура

была посажена на возвышении под балдахином и окружена известным бытовым комплексом.

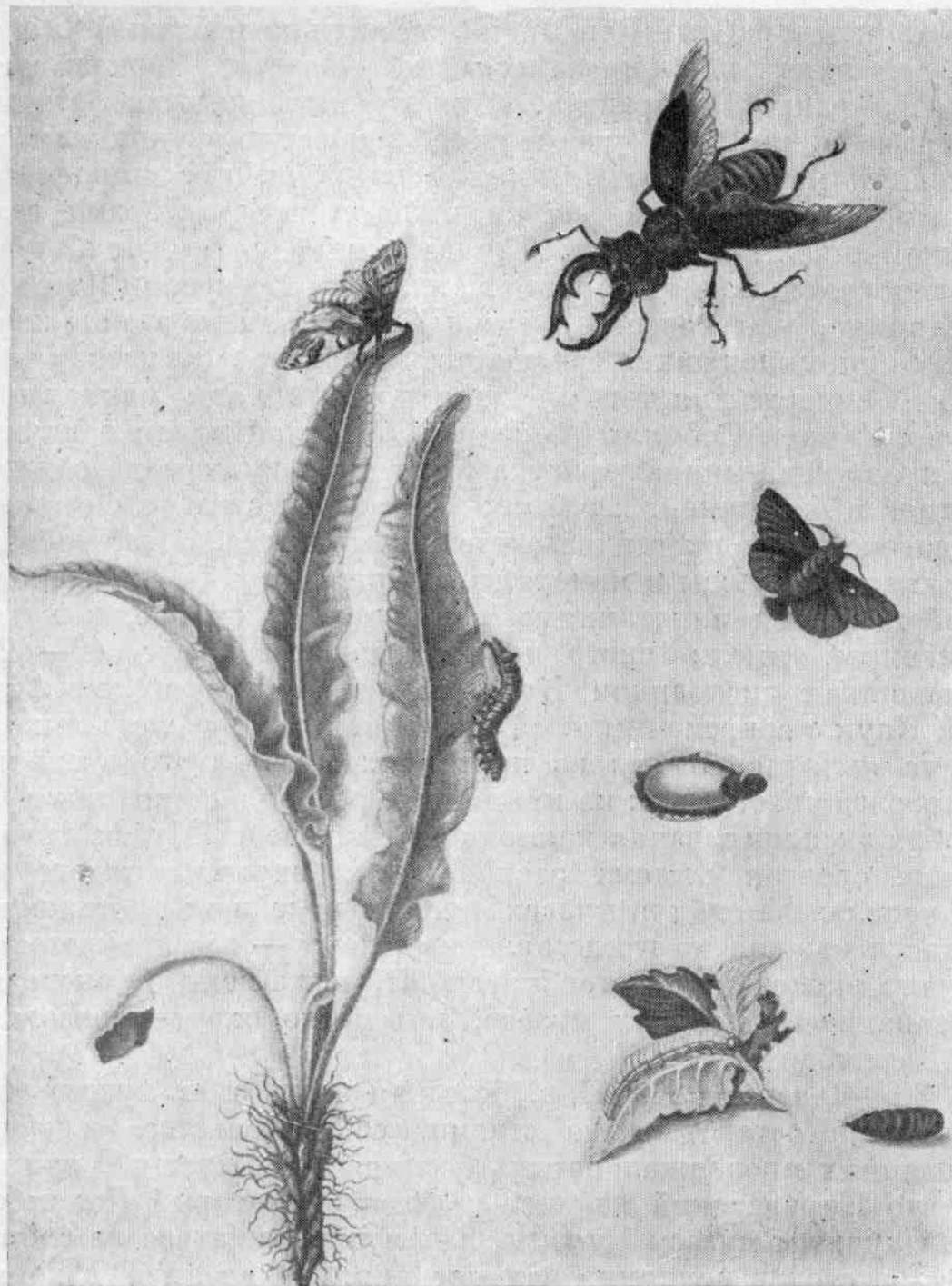

Рис. 41. Развитие двух бабочек. Рисунок начала XVIII в. М.-С. Мериан. (Архив АН СССР, Ленинград).

Последней группой экспонатов, известной нам по каталогу, являлись картины. Путеводитель о них не упоминает потому,

надо думать, что специального выставочного зала они не имели, а развешивались в разных помещениях. Среди них имелись работы первоклассных мастеров — «Портрет английского короля» работы Ван-Дейка, несколько пейзажей Рейсдаля, «Волхвы поклоняющиеся» и «Христос, показывающий свои раны» Рембрандта, «Буколическая картина» Пауля Поттера и ряд других, однако преобладающую группу картин составляли натюрморты и морские пейзажи, представленные главным образом далеко не первоклассными мастерами голландской школы живописи. Такого рода односторонний подбор диктовался, по всей вероятности, личными вкусами Петра I, отдававшего, как известно, предпочтение именно этой школе. Помимо упоминавшихся рисунков экспонатов Кунсткамеры, большой интерес для того времени представляли миниатюры «славной Марии Сибиллы Мериан». Эта талантливая голландская художница-миниатюристка была хорошо знакома с энтомологией и ботаникой. Ею были зарисованы с натуры различные насекомые и их стадийные превращения, а также различные травы, плоды и минералы, причем рисунки снабжались ее собственными аннотациями¹ и поэтому, наравне с художественным, имели чисто научный интерес² (рис. 40—42).

Сравнивая экспозиции Кунсткамеры Петербургской Академии Наук с современными ей музеями, можно сделать вывод, что она являлась одним из передовых музеев того времени. Это прослеживается как на принципах расположения, так и на способах экспонирования коллекций. Разделение Музея на ряд отделов, строгая система расположения внутри каждого из них, использование для классификации новейших достижений в области каждой из представленных наук — все это выгодно отличало экспозицию Петербургской Кунсткамеры от экспозиций западноевропейских музеев, так метко охарактеризованных Даламбером.

В 30—40-е годы XVIII в. большая часть этих музеев еще продолжала оставаться на стадии «собираательства» и в их экспозициях продолжал царить беспорядок. Известно, например, что Королевский кабинет в Париже, который Даламбер считал лучшим музеем Европы, начал превращаться из собрания раритетов в подлинно научное учреждение лишь в конце 40-х годов XVIII в. Эта перестройка была осуществлена круп-

¹ Th. A. W o h l f a h r t. (von) Maria Sibylla Merian. Kosmos, Heft 1, 1952, Januar, стр. 1—2.

² Значительная часть этих прекрасно выполненных акварелей в настоящее время хранится в Архиве Академии Наук СССР (Ленинград), р. IX, оп. 3, №№ 1—195.

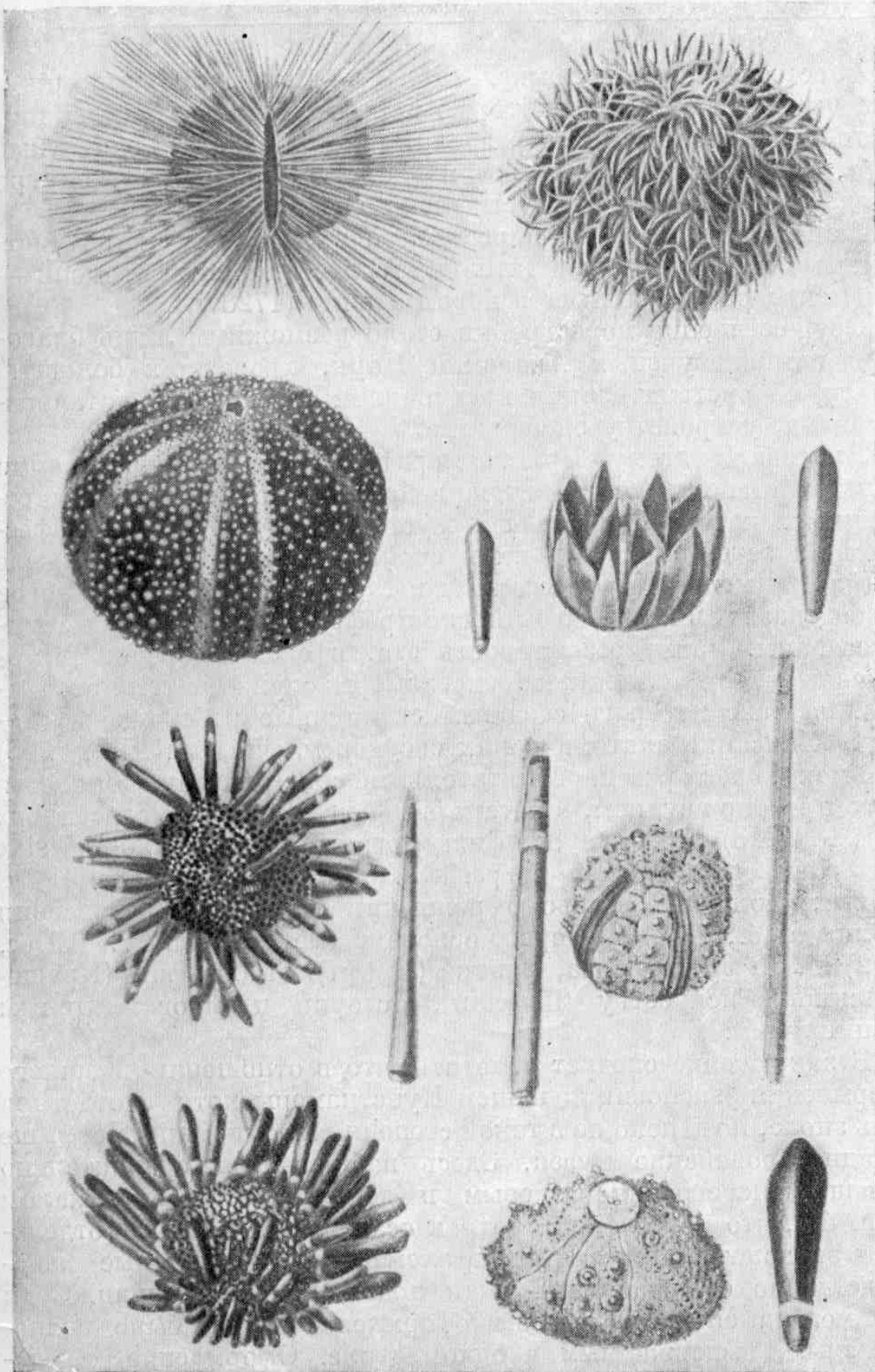

Рис. 42. Морские ежи. Рисунок начала XVIII в. М.-С. Мериан. (Архив АН СССР, Ленинград).

ными естествоиспытателями XVIII в. — Бюффеном и упомянутым выше Дебантоном, которые пересмотрели все коллекции, систематизировали их и разделили на 3 отдела: «животный мир», «растительное царство» и «царство минералов», внутри каждого из которых были выделены виды и роды.¹

Начало подобной же перестройки в Петербургской Кунсткамере относится к значительно более раннему времени — к моменту размещения ее в новом здании (1728 г.).

Осуществление перестройки стало возможным лишь благодаря помощи ученых Академии Наук, проводших большую работу по систематизации поступавших коллекций, каталогизации их, устройству экспозиции.

Благодаря этому Кунсткамера Петербургской Академии Наук постепенно становится действительно научным учреждением, которое сперва пользуется консультацией профессоров, а затем включает их в свой штат. Упомянутый выше конфликт между профессорами и Шумахером из-за каталогов музея указывал на то, что многие профессора были в них заинтересованы. Заинтересованность эта, в свою очередь, диктовалась тем, что коллекции Кунсткамеры служили тем материалом, на базе которого создавались научные работы по анатомии: «Описание анатомических сосудов млечных» (СПб., 1728) и «О меху, в котором первопитательный сок отовсюду скопляется и его протоке грудном, в катапарде фока и в слоне устроенном» (СПб., 1728) Дювернуа; физиологии: «*Syndesmologia sive Historia Legamontorum corporis Humani*» (СПб., 1742) Вейтбрехта; геологии: «Слово о рождении металлов от трясения земли» (СПб., 1737) и «Первое основание металлургии...» (СПб., 1742) М. В. Ломоносова, физике (Крафт), этнографии (Крашенинников), искусству (Штелин), истории и многим другим дисциплинам.

В заключение следует отметить, что в отношении внешнего оформления экспозиция нашей Кунсткамеры хотя и отдавала дань эпохе, но далеко не в такой степени, как упомянутые выше западноевропейские музеи. Здесь наблюдалась сравнительно меньшая перегрузка вещевым и декоративным материалом (рис. 43), что облегчало осмотр и осмысление каждого отдельного экспоната. Декоративные элементы, не связанные непосредственно с экспозицией, как правило отсутствовали. Судя по имеющимся изображениям оформление Музея было единообразным, выдержанным в одном стиле. Оформление «Императорского кабинета», несколько отличавшееся от других

¹ Д а л а м б е р, ук. соч., стр. 490—491.

Рис. 43, Вид западноевропейского музейного зала. Французская гравюра 1749 г.

разделов, было порождено иной, мемориальной формой экспозиции, ставившей перед собой цель создать иллюзию бытового интерьера.

Основываясь на приведенных выше данных, мы можем утверждать, что Кунсткамера Петербургской Академии Наук за неполные 30 лет своего существования завоевала, как по составу своих коллекций, так и по классификации и экспозиции их, исключительное место среди музеев Европы. Богатство ее определилось, с одной стороны, покровительственной политикой правительства, а с другой, горячей поддержкой передовых слоев русского общества, немало способствовавших ее пополнению путем пожертвований. Высокий научный уровень Музея объяснялся принадлежностью его Академии Наук, многие из профессоров которой использовали, в свою очередь, коллекции Музея для своих научных изысканий. Обширная и разнообразная экспозиция Кунсткамеры вызвала интерес среди широких слоев населения русского общества и способствовала повышению культурного уровня его.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КУНСТКАМЕРА АКАДЕМИИ НАУК в 50 — 70-х годах XVIII в.

Пожар 1747 г. и последствия его. Восстановление утраченных коллекций. Восстановление здания. «Деятельность» Тауберта. Работники Кунсткамеры. Новые поступления и приобретения. «Физические экспедиции». Усиление научного руководства. Научная обработка и классификация коллекций. Экспозиция. Популярность Музея

50—70-е годы XVIII в. являются периодом интенсивного развития производительных сил России и вместе с тем расцвета научной деятельности Петербургской Академии Наук. В стенах ее в это время работает корифей русской науки М. В. Ломоносов, С. П. Крашенинников, П. С. Паллас, И. Г. Гмелин, И. И. Лепехин, С. К. Котельников и ряд других, менее видных деятелей, внесших большой вклад в мировую науку и, в частности, в дело изучения и описания природных богатств и культуры народов, населяющих Россию. Их перу мы обязаны классическими, широко известными у нас и за рубежом трудами по исследованию флоры, фауны и недр земли. Именно в эти годы были написаны «Первое основание металлургии или рудных дел», «О слоях земных» и «Краткое описание разных путешествий по северным морям» Ломоносова, «Описание земли Камчатки» Крашенинникова, «Путешествие по различным областям Российского государства» и многочисленные труды по зоологии Палласа, «Сибирская флора» Гмелина и ряд других сочинений, многие из которых не утратили своего значения вплоть до наших дней. Все вещественные материалы, собираемые при этих исследованиях, — образцы минералов, гербарий, чучела, предметы культуры и быта — неизменно шли на пополнение Академического музея. Однако несмотря на то что коллекции с каждым годом возрастали, а систематизация, каталогизация и экспозиция производились крупнейшими учеными, сдвиги, происшедшие в русской науке, полу-

чили отражение в экспозиции Музея не ранее конца 60-х — начала 70-х годов XVIII в. Виной тому был пожар, уничтоживший часть коллекций и затормозивший дальнейшее развитие этого Музея более чем на два десятилетия.

5 декабря 1747 г., в 5-м часу утра, дежурный часовой при Кунсткамере Евсей Ленин заметил огненные языки под кровлей здания.

Занялась и быстро запылала башня и западное крыло, где были сосредоточены музейные коллекции. Вызванные на подмогу солдаты из гарнизонного и лейб-гвардейского пехотного полков, академические служащие и василеостровские жители всю ночь работали по спасению книг и экспонатов. Они выносили их через окна и двери, с верхних этажей спускали на веревках, а небьющиеся предметы и книги просто кидали в снег перед зданием. Таким путем была спасена большая часть Библиотеки и музейных экспонатов, хранившихся в нижних этажах, на которые пожар не распространился. Из коллекций верхнего этажа сохранился лишь «Императорский кабинет». В отчетном рапорте о степени сохранности экспонатов этого отдела А. К. Нартов, надзиравший за ним, сообщал: «вощенный портрет» Петра I вынесен, «машины, укрепленные к полам», после обрубки их фундамента «со всяким наблюдением . . . по веревкам спущены . . . и прочие вещи сохранены».¹

Присутствовавший при пожаре М. В. Ломоносов в своей записке «История академической канцелярии»² несколькими годами позже писал: «Разные были о сем пожаре рассуждения, говорено и о Геростате,³ но следствия не произведено никакого». Причиной пожара, добавляет он, по всей вероятности, была неисправность печей и дымоходов в давно не топившихся покоях при Кунсткамере, в которые незадолго до этого были поселены мастеровые люди. «Сказывают, что близ трубы лежало бревно, кое от топления загорелось».⁴

Учитывая недовольство двора и «молву в людях о сем пожаре»,⁵ академическая администрация всячески стремилась преуменьшить размеры бедствия. Так, сообщает Ломоносов, «о большом глобусе объявлено, что он только повредился, не взирая на то, что оно в целости ничего не осталось кроме старой его двери, коя лежала внизу в погребе».⁶ Из этих же

¹ Материалы, т. VIII, стр. 620—621, 630, 635 и др.

² Б и л я р с к и й, указ. соч., стр. 62.

³ Геростат — в данном случае синоним поджигателя.

⁴ П. Б и л я р с к и й, ук. соч., стр. 62.

⁵ Там же, стр. 63.

⁶ Там же, стр. 62.

соображений, добавляет он, Шумахер поместил в «Санктпетербургских Ведомостях» статью, описывающую посещение Музея странствующим мальтийским кавалером Сограмозою. В этой статье описывалось новое помещение, предоставленное Кунсткамере, и перечислялись коллекции, которые якобы совершенно не пострадали от пожара. Аналогичные утверждения можно встретить и в переписке Шумахера. Так, на вопрос В. Н. Татищева о размерах потерь он уверенно заявляет, что имущество Библиотеки и Кунсткамеры ничуть не пострадало.¹ Подобного рода дипломатические ходы и приемы были характерны для такого опытного и хитрого интригана, как И. Д. Шумахер. Усилия его всячески преуменьшить размеры бедствия диктовались, помимо высказанных соображений, еще и тем, что незадолго до этого времени, в 1742 г., его карьера чуть было не рухнула из-за возведенного на него обвинения «в похищении многой казны», предназначенной для Музея. Страдавшие от самовластия Шумахера сотрудники Академии донесли в Сенат о беззакониях и злоупотреблениях, творимых им. В одном из обличительных документов указывалось, что Шумахер «содержал у себя под именем Кунсткамерных служителей 4-х лакеев», оплачивая их за казенный счет, «определенные деньги на потчивание гостей в Кунсткамере приходящих, по 400 рублей в год держал на себя, и присовокупил к своему жалованию», а «французскую» водку, приобретаемую для Музея, «употребил на свои личные потребности». Пользуясь своими излюбленными методами — лестью и подкупом, — Шумахер через своих родственников и приверженцев сумел оправдать себя в глазах мало интересовавшейся наукой императрицы. Однако скандал, вызванный пожаром Кунсткамеры и Библиотеки, мог опять навлечь на него немилость двора, и поэтому Шумахер всячески стремился преуменьшить размеры бедствия. Обстоятельства ему благоприятствовали. Во главе комиссии, созданной для определения убытков, понесенных Академией Наук вследствие пожара, был поставлен, конечно не без усилий того же Шумахера, его зять, «имения и дел и чуть не Академии наследник», И. К. Тауберт.³

Донесения, поданные непосредственно после пожара лицами, ответственными за каждый отдел Музея, показывают, однако,

¹ А. И. Андреев. Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг. Ист. архив, т. VI, М.—Л., 1951, стр. 277.

² Билярский, ук. соч., стр. 059.

³ Выражение М. В. Ломоносова (Билярский, ук. соч., стр. 443).

что урон, нанесенный огнем, был очень значителен. От огня погибла галерея и находившиеся в ней этнографические коллекции: «разные китайские вещи, платье сибирских разных народов, их идола, и сим подобные вещи»; Обсерватория «со всеми находившимися в оной махинами, часами, моделями, небесными картами, зрительными трубами, компасами и прочими . . . инструментами»,¹ «Готторпский большой глобус», «оптическая камера со всеми инструментами», а также значительное число книг и «вещей анатомических».² Кроме того, большое количество предметов «от скорого бросания» на снег было повреждено, подмокло и требовало значительного ремонта. Спасенные экспонаты и книги сложили в уцелевших частях здания Кунсткамеры, вокруг нее и в соседнем академическом помещении, а также в 2 комнатах и на чердаке арендуемых Академией строгановых палат, расположенных на берегу Малой Невы, на стрелке Васильевского острова. Для охраны спасенного имущества было установлено 15 сторожевых постов, 12 из которых находились в Кунсткамере и вокруг нее, а 3 в строгановском дворе³ (рис. 44).

По просьбе президента Академии Наук К. Г. Разумовского для разбора «о всех подробно вещах, которые сохранены, которые пропали и которые от повреждения исправить в непродолжительном времени должно»,⁴ под Библиотеку и Кунсткамеру был временно предоставлен стоявший рядом с уже упомянутыми строгановскими палатами дом дворян Демидовых, «впредь до . . . указу по коих мест академические палаты построены будут».⁵ К 23 декабря 1747 г. было предписано дом этот от жильцов освободить, очистить от мусора и побелить. «Для разставления академических кунсткамерных вещей и книг» в верхнем и нижнем этажах этого здания «вольному столяру» было заказано срочно изготовить новые шкафы с полками. Здесь должны были разместиться главным образом книги. Для музейной экспозиции был отведен целиком средний, 2-й этаж, комнаты которого были несколько просторнее и лучше. Оборудование этих помещений было поручено академическому столяру, который должен был «сколь возможно перечиня», установить старые шкафы, спасенные из 1-го этажа Кунсткамеры и Библиотеки.⁶

¹ Материалы, т. VIII, стр. 619—624 и др.

² Билярский, ук. соч., стр. 62.

³ Материалы, т. VIII, стр. 616, 641.

⁴ Там же, стр. 635.

⁵ Санктпетербургские Ведомости, 1748, № 1.

⁶ Материалы, т. VIII, стр. 663.

В Архиве Академии Наук сохранился план дома Демидовых,¹ согласно которому 2-й этаж здания, где были размещены кол-

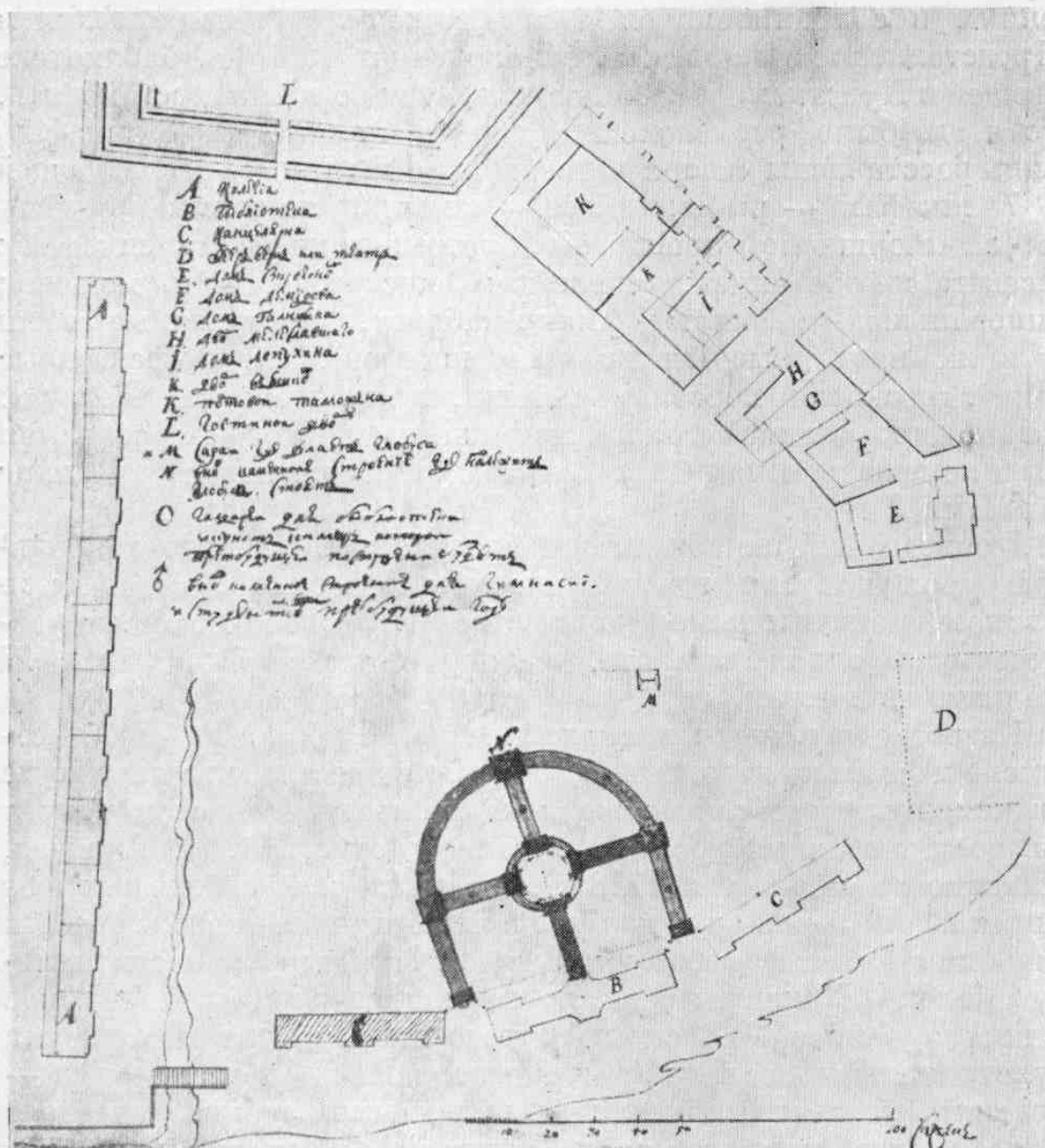

Рис. 44. План застройки стрелки Васильевского острова, 1752 г. (Архив АН СССР, Ленинград).

Е — дом Строганова; F — дом Демидова; В — Кунсткамера.

лекции Кунсткамеры, состоял из 16 комнат, зала и вестибюля. Большая часть этих комнат имела сравнительно небольшую площадь, не превышающую 18 квадратных метров. Един-

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 118, л. 588.

ственным исключением являлся зал в левом крыле здания, площадь которого достигала 57 квадратных метров. Благодаря нанесенным на плане буквенным и цифровым обозначениям и сохранившемуся в Архиве документу под названием «Представление о порядке расположения книг в библиотеке и вещей в Кунсткамере»,¹ можно совершенно точно восстановить, что и где было размещено. В первой комнате (в 8 шкафах) были расставлены «звери четвероногие и птицы», в следующей (в 7 шкафах) — рыбы; далее — «змеи и ящерицы» (6 шкафов); «Рюйшевы препараты анатомические» (29 шкафов); инсекты и ботаника»; «скелеты»; «инструменты и модели»; Минеральный кабинет»; «минц-кабинет, драгоценные вещи и иллюминированные книги» (13 шкафов); «Художественные вещи», «восковая персона» и вещи, принадлежащие Петру I. Только громоздкие «токарные машины» из этого же собрания были помещены в комнатах 1-го этажа, обозначенных на плане литерами Z и M.

Приведенный список лишний раз показывает, что наибольший урон понесли этнографические коллекции, оставшиеся в таком незначительном количестве, что свободно были размещены в одной комнате, размер которой был равен 17 квадратным метрам.

Известие о пожаре в академической Библиотеке и Кунсткамере настолько взволновало русское общество, что передовые представители его сейчас же начали предлагать свои услуги для восстановления урона, нанесенного огнем. В. Н. Татищев, в письме от 14 января 1748 г., выражал свое соболезнование и предлагал Шумахеру, для восполнения утерянного, передать Академии свою оренбургскую библиотеку, насчитывавшую более 1000 книг, и копии с имевшихся у него подлинников редких рукописей.² В сентябре того же года для пополнения Кунсткамеры он послал несколько найденных «подземностей» — «челюсть нижняя слоновая с коренными зубами молодого слона», «две улитки» (*congi ammonis*), «хотя малы, но все части видны», «камень подобен соту», «нечто подобное гороху окаменелому», «неколько *lap lyncu*», «маркозитовую крупу» — и сообщил, что вскоре вышлет другие образцы.³ К этому же времени относится поступление в Кунсткамеру от «Охотского порта» сержанта Емельяна Засова 2 камчатских морских рыб «с крыльями», образцов самородной меди, мелкого песку,

¹ Материалы, т. IX, стр. 19—20.

² А. И. Андреев. Переписка В. Н. Татищева, стр. 271.

³ Там же, стр. 282.

20 камней разных цветов, морского ореха, морской утки; от «Архангелогородской губернии Куростровской волости крестьянина Осипа — Дудина» мамонтовой кости; из Иркутской канцелярии «змеиных рожек» бобра «самого большого роду» и «треугольной моржевой кости»; из Тюмени «белой лисицы»,¹ и т. д.

Несмотря на эти поступления, администрация Академии Наук настаивала на том, чтобы коллекции были восстановлены прежде всего в их прежнем составе, столь полно представлявшем флору, фауну и культуру различных районов России. С этой целью были составлены списки утерянных предметов. Эти списки, по местам поступления предметов, были разделены по губерниям и в начале 1761 г. разосланы по губернским канцеляриям. Сопровождавший эти списки указ требовал «прилежное старание прилагать в собирании по приложенному реестру».²

В ответ на этот указ из Сибирской губернской канцелярии в 1762 г. поступило «остецкое и самоедское платье»,³ а несколько позже из Иркутской канцелярии — «различных сибирских народов платье и другие сибирские вещи», в том числе «из Верхолениска тунгусская мужская парка оленья с нагрудником, шапка с рукавами, штаны с унтами; женская парка оленья, шапка с рукавицами, штаны с унтами». С Алеутских островов(?) «парка из кож птичьих, кои там живут на камне, выкрашена и с нашивными по их манеру кистями и ремешками», «шапка деревянная, выкрашена и наставлена зверей морских усами», костяная статуя, «венеч с прикрасою», «сумка травяная», ложка костяная с резьбой и другие «вещи из Охотска взятые морского флота шхипером Юрловым в Камчатке от промышленных кои ходят на купецких судах для промысла всякого рода зверей в восточном море»⁴ и др.

Поступали коллекции и из различных районов европейской части России. В числе последних были предметы, связанные с археологией. В 1764 г. генерал-поручик Мельгунов прислал в Кунсткамеру «многие золотые и серебряные древности, вынутые из одной в Новороссийской губернии могилы» — из так называемого «Литого кургана» в верховьях р. Ингула.⁵ Среди них имелась «глиняная без головы статуя» и большое количество золотых и серебряных драгоценностей. Описанию

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 816, лл. 132, 155, 157, 167, 168 и др.; ф. 3, оп. 8.

² Там же, оп. 8, № 1, рапорт № 469.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Бакмейстер, ук. соч., стр. 129.

этих предметов была ~~даже~~ посвящена специальная статья Г. Ф. Миллера в «Ежемесячных сочинениях».¹

Для восполнения коллекций, приобретенных в свое время за границей и погибших во время пожара, также принимались реальные меры. Отправлявшемуся в августе 1748 г. в Германию унтер-библиотекарю Тауберту была дана инструкция, предписывавшая «осмотреть знатнейшие библиотеки и кунсткамеры», химические лаборатории, анатомические театры, ботанические сады, обсерватории и другие «публичные места», вести запись, как располагаются книги в библиотеках и экспонаты в собраниях, «сравнивая их с нашими и отмечая чего у нас нет», «стараться сыскать картины разных славных мастеров» и прицениться к лучшим собраниям.² Кроме того, ему вменялось в обязанность «прилагать всякое старание о поспешествовании чести и пользы академической не упуская ничего, что до того касаться может, хотяб о том в сей инструкции упомянуто не было».

Из рапорта, поданного Таубертом по возвращении в Петербург, видно, что он «из чужих краев прислал, а отчасти сам привез разных книг, куперштихов (гравюр, — Т. С.), инструментов и картин ценою на пятьсот сорок восемь рублей на 42½ копейки, да сверх того на немалую сумму всяких трав, семян, книг и других курьезностей в подарок». Эти семена он получил от Оксфордского профессора ботаники Сипторпа с тем, чтобы прислать в обмен семена и «земленные травы», произрастающие в России. Подобный научный обмен был налажен Таубертом с французским географом Данвиле и рядом других ученых Западной Европы.³

Для восполнения китайских коллекций, погибших во время пожара, в 1753 г. было решено отправить специального представителя в Пекин. Это поручение было возложено на академического лекаря Франца Луку Елачича, который в прошении с предложением своих услуг сообщал, что, бывая уже и ранее в Китае, имеет там знакомства, которые и помогут ему «в искании тамошних курьезных вещей для Кунсткамеры».⁴ Весь путь туда и обратно Елачич должен был проделать совместно с русским торговым караваном, направляющимся «до самого столичного города Пекина». Перед отъездом ему были вручены деньги и подробная, состоящая из 16 пунктов инструк-

¹ Известия о ученых делах. Ежемесячные сочинения, 1764, стр. 483—515.

² Материалы, т. IX, стр. 363—366.

³ Материалы, т. X, стр. 187, 190, 191.

⁴ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 808, л.л. 5, 13 и об.

ция, предписывающая «все в Сибири и Китае достопамятное собрать и оное с собой привести». Особое внимание предлагалось обратить «на женское целое платье сибирских народов, со всеми к ним уборами, также имеющихся у них идолов, ружье, домовую сбрую и прочие сем подобное».¹ Часть выданных денег должна была быть истрачена в Москве на приобретение обменного фонда: ножей всяких сортов, ножниц, игл, булавок, сафьяна, мыла, полотенец, книг и других вещей, кои в Китае «курьезными почитаются». Эти вещи, по приезде на место, предписывалось продать и на собранные средства приобрести для Петербургской Кунсткамеры экспонаты по врученному ему иллюстрированному каталогу на ста сорока четырех листах. Каталог был составлен из упоминавшихся выше рисунков для подготавливавшегося иллюстрированного путеводителя.

В отчете, поданном 26 июля 1756 г. по возвращении из Китая, Елачич сообщал, что «сибирских народов платье, идолов, ружья и прочее. . . в Сибири достать было невозможно, за тем, что с дороги по которой караван шел, должно для покупки ехать в стороны по тысяче верст, а что касается до китайского платья оного привезено с излишеством».² «Реестр китайским и манчжурским книгам и вещам», составленный им, насчитывал 274 номера, 50 из которых составляли книги, а под остальными числились коллекционные предметы. Среди последних имелась обувь мужская и женская, головные уборы, одежда, седла, сбруя, трубки, ножи, «четки каменные чиновных людей которые носят в праздник в лаковом ящике», зеркала, чернильницы, «восемь штук фигур библейских животных механических», различные идолы из кости, фарфора и камня, рисунки и лаковая посуда.³

Помимо поступления от Елачича, китайские коллекции Кунсткамеры в 1754 г. пополнились экспонатами из собрания лично побывавшего в 1721—1722 гг. в Китае известного коллекционера, иркутского «товарища губернатора», Ланга.⁴ Таким образом, к 1756 г. одна из лакун в этнографических коллекциях Музея — китайские коллекции — была заполнена.

Особое внимание к китайским коллекциям, помимо целей восполнения утерянного, объяснялось живым интересом русского общества к Китаю. Интерес этот имел глубокие корни.

¹ Там же, № 808, л. 14 (Инструкция от 5 апреля 1753 г.), №№ 76—81, 86 и др.

² Там же, л. 110 об.

³ Там же, л.л. 92, 140 об., 171.

⁴ Б а к м е й с т е р, ук. соч., стр. 128.

Русские давно были знакомы с китайскими товарами и охотно покупали их первоначально через купцов Средней Азии, а затем непосредственно. Начиная с XVII в., в связи с установлением официальных сношений с этой страной, приток китайских товаров особенно усилился.¹ Декоративное оформление китайских тканей, фарфора и других художественно-промышленных изделий резко отличало их от отечественных и европейских и пробуждало в русских людях интерес и желание ближе познакомиться со страной, столь резко отличной от них по своей культуре и быту.

Остатки демонстрировавшегося до пожара по соседству с этнографическими коллекциями «Готторпского глобуса» были сложены в деревянный сарай, а затем перенесены в находившийся близ стрелки Васильевского острова дом Лопухина, 12 покоев которого были отведены специально «для отправления инструментальных работ».² Так как, кроме двери и разрозненных частей механизма, от него ничего не сохранилось, «Академия, — пишет историк Кунсткамеры Бакмейстер, — вскоре после сего, не приминула соорудить другой одинаковой величины с первым, шар», который был обит медными листами, «оплочен» деревом и покрыт клеенкой.³ Этот вновь сделанный глобус, известный ныне под наименованием Большого академического, был, по указаниям современников, «наилучше прежнего искусством».⁴ Он опоясывался горизонтом и меридианом из «зеленой меди» и был расписан руками искусных мастеров. Подобно Готторпскому, на внешнюю поверхность его была нанесена карта мира, составленная, однако, по новейшим научным данным, т. е. с учетом всех «случившихся на земле перемен и обогативших землеописание открытий». Внутренность глобуса имитировала «лазоревою небесную твердь с изображением чрез позолоченные гвозди звездами».⁵ Поднявшись внутрь глобуса по маленькой лестнице, зритель садился на круглую скамью подле стола, в центре которого был укреплен земной глобус небольшого размера. Приведенный в движение при помощи архимедова винта, корпус большого глобуса медленно

¹ Б. Г. Курц. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Днепропетровск, 1929, стр. 11.

² Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 112, л. 242; Материалы, т. IX, стр. 149 и 537.

³ Бакмейстер, ук. соч., стр. 136.

⁴ А. А. Титов. Дополнение к историческому, географическому и топографическому описанию Санктпетербурга с 1751 по 1762 год, сочиненное А. Богдановым. СПб., 1903, стр. 105.

⁵ Бакмейстер, ук. соч., стр. 136.

вращался вокруг зрителей, демонстрируя им движение светил.

В Архиве Академии Наук имеется большое количество хозяйственных документов, освещающих историю создания этого замечательного сооружения. Изучая их, можно сделать вывод, что в конструировании глобуса принимал участие талантливый русский механик Андрей Константинович Нартов, что столярные работы были выполнены мастерами Александром Усиниковым, Федором Летвиновым и Адамом Ласовым, а отливка недостающих частей механизма была поручена мастеру Скотту.¹ Для производства восстановительных работ на Академическом лугу, против здания двенадцати коллегий, был выстроен теплый сарай. Ввиду того что было решено не водружать глобус на старое место в здании Кунсткамеры, для демонстрации его рядом с сараем был отстроен «каменный о двух этажах покой», постройка которого была закончена под наблюдением архитектора Я. Шумахера в 1752 г.² Изображение глобусного покоя, или «палатки», как его часто называют документы, сохранилось на ряде планов и гравюр конца XVIII—начала XIX в. (рис. 45). Впредь до завершения академического глобуса в этой нарядной, украшенной лепными карнизами и нишами постройке было решено временно поставить глобус из Сухаревой башни,³ подаренный некогда царю Алексею Михайловичу Нидерландскими Генеральными Штатами.⁴ Для перевозки его из Москвы потребовались специальные подводы, 8 лошадей и 4 человека для «безопаснейшего хранения в пути». «Корпус сего глобуса, говорит опись 1750 г., из красной меди, живопись на нем — старинная, высокой работы». Высота его «с подножием 4 аршина. . . в центре 6 английских футов, около его медный пояс, или меридиан в полтретья пальца. Вокруг сего глобуса витые балясы точеные орехового дерева с резными из пальмового дерева фигурами».⁵ В верхнем «яблоке» глобусной башни, по предложению проф. Рихмана, предполагалось поставить «публичную электрическую машину для всенародного любопытства». Эта машина была изготовлена, однако, ввиду трагической смерти ученого

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 112, л. 232; № 118, л. 202 и др.

² Там же, № 118, л.л. 718—720, 726, 736, 791 и др. — Эта постройка просуществовала вплоть до 1828 г., когда глобус был перенесен во вновь выстроенное в Таможенном переулке здание. На том же месте, где помещалась глобусная палатка, выстроено здание Института акушерства и гинекологии Академии медицинских наук СССР.

³ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 764, л. 19.

⁴ Бакмейстер, ук. соч., стр. 133.

⁵ Материалы, т. X, стр. 623—624.

(проф. Рихман был убит 26 июля 1753 г. молнией, во время производимых им опытов с атмосферным электричеством), «отменилась в действо производиться».¹

К 1754 г. сооружение Большого академического глобуса в целом было закончено, хотя доделки по линии живописных работ производились еще и несколько лет спустя. По первоначальному проекту глобусная палатка должна была соединяться с зданием Кунсткамеры и Библиотеки при помощи крытой галереи. На плане конца 40-х—начала 50-х годов XVIII в.² нанесено изображение задуманной галереи, имеющей подковообразный контур (рис. 44). Она должна была служить крытыми переходами ко всем входам, два из которых намечались со стороны Невы, один со стороны Коллежского луга и один непосредственно от Кунсткамеры. Проект этот не был осуществлен. Однако, ввиду того что Коллежский луг был расположен в низине и в дождливое время года настолько заливался водой, что проходить по нему было почти невозможно, от здания Кунсткамеры к павильону, для удобства публики, были проложены на сваях деревянные мостики.³

Одновременно производились работы по восстановлению здания Библиотеки и Кунсткамеры, которые затянулись на долгие годы. Созванная в январе 1748 г. архитектурно-экспертная комиссия постановила, что «под помянутой кунст-каморой фундамент оную тягость нести может и оные апартаменты. . . починить можно», башню же, в которой находилась Обсерватория, — следует разобрать. Однако для Кунсткамеры, «где имеют быть храниться разные дорогие вещи и протчье», необходимо построить другое помещение, «в коем печам быть не должно».⁴ Для сохранности погоревшее здание было временно перекрыто тесом, а окна и двери его заложены кирпичом.⁵

Бюрократический аппарат Канцелярии Академии Наук раскачивался крайне медленно. Первоначально велись споры о целесообразности восстановления здания на старом месте и было даже создано несколько проектов нового академического городка. Интереснейший из них как по широте замысла, так и по художественным достоинствам принадлежал «историческому и перспективному художнику», Джузеппе Валериани (рис. 46), прожившему большую часть

¹ А. А. Титов, ук. соч., стр. 13.

² Упомянутый план мог быть сделан не ранее декабря 1748 г., когда закончилась постройка «деревянного сарая» для глобуса.

³ А. А. Титов, ук. соч., стр. 13.

⁴ Материалы, т. IX, стр. 19.

⁵ Там же, стр. 77.

Рис. 45. Вид каменного глобусного «покоя». Рисунок начала XIX в. А. Тозелли.

своей жизни и умершему в России.¹ В соответствии с этим проектом центр академического городка перемещался к сохранившимся академическим палатам — бывшему дворцу Прасковьи Федоровны. По сторонам палат было запроектировано 5 зданий: Библиотека, Кунсткамера, Академия художеств, Анатомический театр с Обсерваторией, Гимназия с Университетом. Все здания этого грандиозного архитектурного ансамбля должны были быть богато украшены скульптурой и соединены друг с другом крытыми галереями. В центре двора, образуемого ими, был запланирован памятник царствующей императрице.² Проект этот утверждения не получил, и здание Кунсткамеры было решено восстановить в прежнем виде. В начале 1751 г. Сенат ассигновал 23 089 руб.,³ и восстановительные работы начались. Первоначально они производились по проекту штатного архитектора Академии Я. Шумахера и двигались крайне медленно. Строительная комиссия, в которую входил Ломоносов, добилась его увольнения «за нерадение» и передала руководство известному русскому архитектору Савве Чевакинскому, создавшему новый интересный вариант здания Кунсткамеры. Деятельно принявшись за работу, Чевакинский закончил капитальные работы по восстановлению его к осени 1758 г. Одновременно производилась отделка фасада и внутренних помещений Библиотеки и Кунсткамеры. Фасад должен был быть украшен 2 фронтонами и рядом скульптур, выполнявшихся «решиками» Васильем Григорьевым и Карпом Васильевым с товарищи, столяром Никитой Родионовым «с товарищи» и «токарем Алексеем Баженовым с товарищи».⁴ К декабрю 1757 г. ими был закончен ряд «орнаментов» для фронтона: «свертки на подобие бумаги», «разные долота, связки кистей живописных», «разогнутые и неразогнутые книги», травы «разных манеров», глобусы столярной и токарной работы, трубки зрительные, медали токарной работы (103 штуки) и ряд скульптур для башни: «вазов больших осемь», «буштов» (бюстов, — Т. С.) поясных — 3, грудных — 4, «4 мальчика» (амура, — Т. С.) и 22 крылышка для них.⁵ Вазы, бюсты и амурсы должны были разместиться по фасаду и вокруг башни.

¹ М. С. Коноплева. Театральный живописец Д. Валериани. М., 1948.

² Архив АН, р. II, оп. 2, № 7, л. 1.

³ Там же, ф. 3, оп. 1, № 763, л. 32.

⁴ Там же, № 761, л. 178 и об.

⁵ Там же, л. 178 об., 179, 180. — Из сохранившихся рапортов и инструкций известно, что скульптуры выполнялись из дерева. Для этих целей применялись липовые «кряжи», которые, в случае надобности,

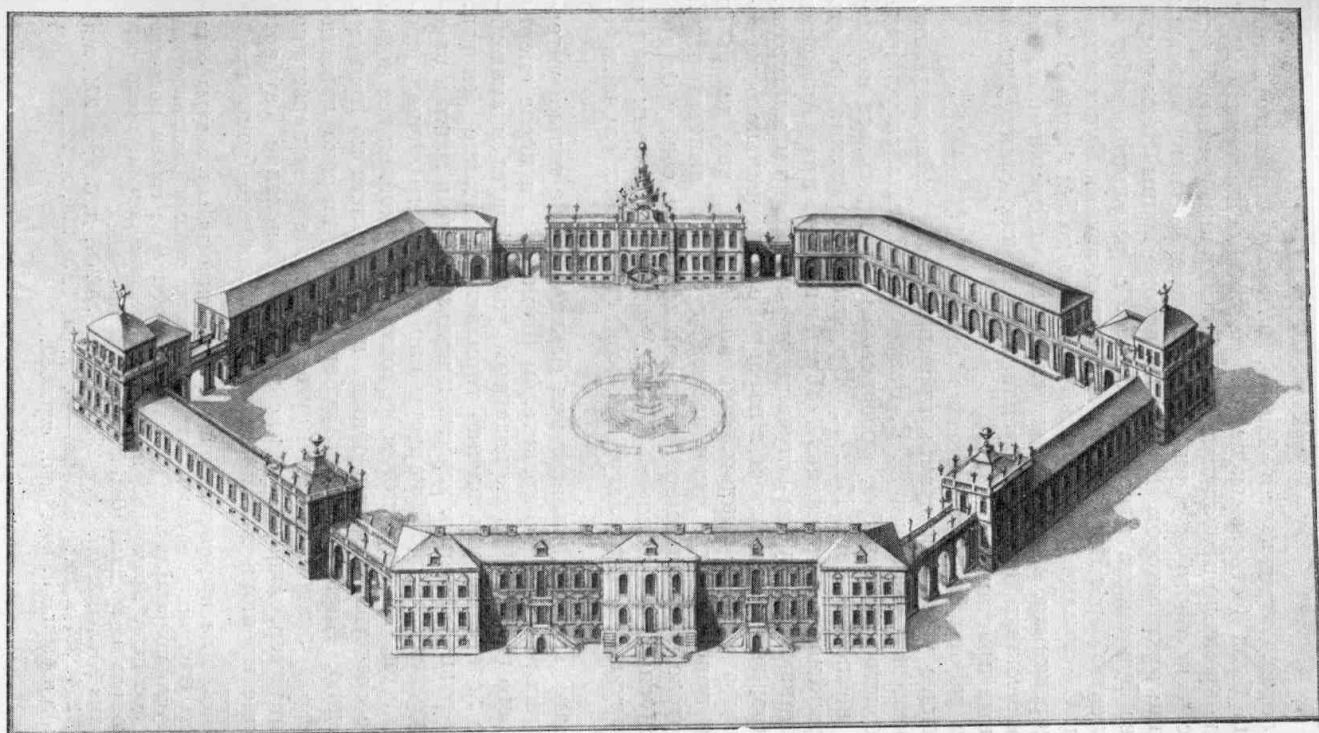

Рис. 46. Реконструкция академического городка по проекту Валериани. (Архив АН СССР, Ленинград).

Галерея, окружавшая башню, в новом варианте здания должна была быть заменена 4 фонарями-кабинетами.

Одновременно производились работы по укреплению берега, близость которого к зданию Кунсткамеры давно вызывала опасение архитекторов. В бурную погоду волны Невы достигали ее фундамента и подмывали его. В результате работ по укреплению берег Невы был отодвинут от здания Кунсткамеры на 5 м. От стрелки Васильевского острова до 7-й линии появилась деревянная, из половинчатых бревен, набережная, а перед академическими домами выросли на высоких сваях 2 новые нарядные пристани.

Эти работы были закончены к августу 1767 г.¹ Между тем внутреннее убранство здания производилось крайне медленно.

Президент Академии К. Г. Разумовский пытался ускорить производство этих работ, предписывая закончить все необходимое не позже лета 1762 г. Проекты оформления, по его распоряжению, поручались «обретающимся при Академии художникам» и другим «лучшим и искуснейшим мастерам». Все украшения, говорилось в параграфе 5 специального распоряжения о ремонте здания, «яко шкафы и прочее, делать со всякою пристойностью, как надлежит быть в императорской Библиотеке и Кунсткамере, чего для требовать совету от других искусных художников, кроме Академии, которым смотря по их трудам чинить плату, как то везде в таких случаях бывает».²

Однако Тауберт, являвшийся фактически не только унтер-библиотекарем, но и соправителем Шумахера, а после смерти последнего (1761 г.) полномочным распорядителем академического хозяйства, умышленно тормозил окончание ремонта. Будучи равнодушным к наукам и пользуясь ими лишь в качестве ступенек для своей карьеры или для своего личного обогащения, он, под предлогом ремонта, запрашивал все новые и новые средства, которые отнюдь не всегда шли по прямому назначению. Корыстолюбие Тауберта было широко известно не только в академических кругах, но даже и императрице. Так, например, игнорируя письменное объяснение Тауберта о причине пропажи хранившихся в Библиотеке бумаг графа

склеивались. Для предотвращения порчи от сырости скульптуры обрабатывались следующим образом: их обмазывали теплым расплавленным мылом, густо покрывали олифой и, пока она еще не совсем подсохла, «толсто» посыпали мраморной пылью или мелким песком, после чего несколько раз покрывали белой масляной краской.

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 252, л. 213; № 269, л. 319; № 271, л. л. 220—230, 254, 257 и др.; рисунок — ф. 3, оп. 1, № 271, л. 222.

² Билярский, ук. соч., стр. 529.

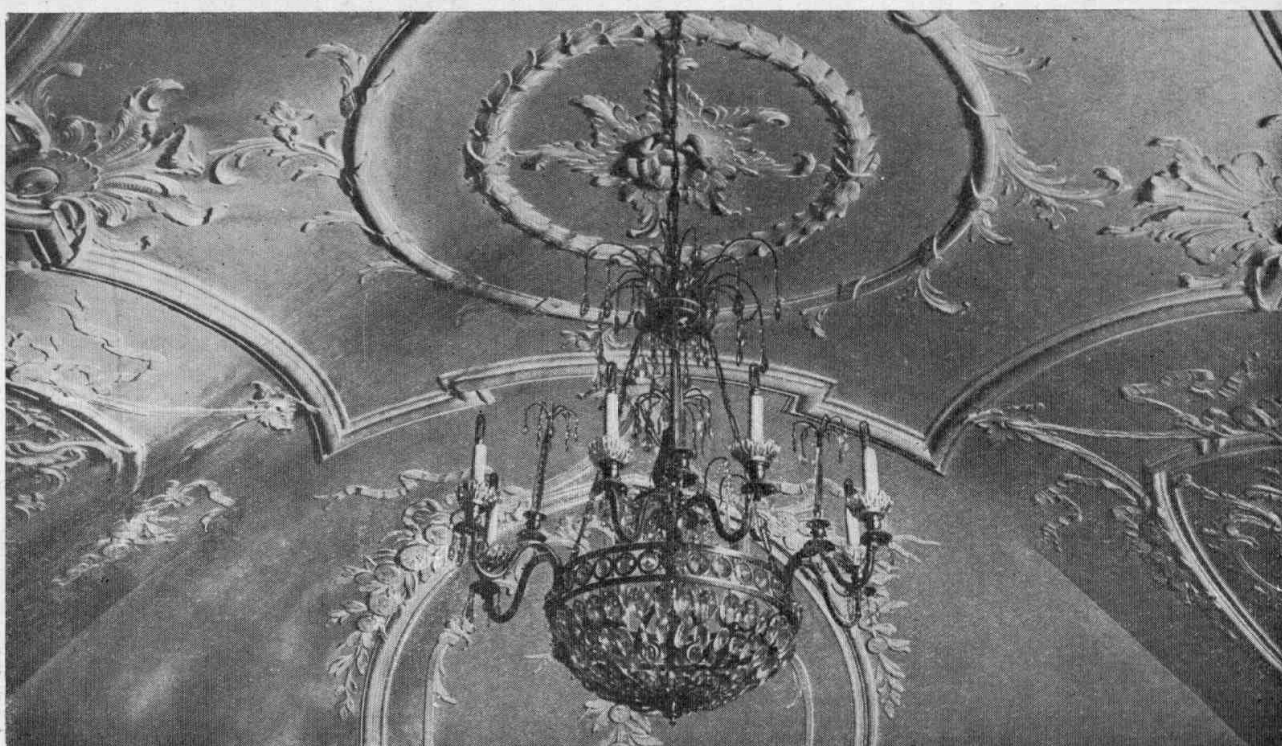

Рис. -47. Мюнц-кабинет. Деталь отделки потолка 1764 г. (Фот. 1952 г.).

Брюса, Екатерина написала: «То ж выкрал»,¹ а на документе, посвященном проекту Петра о канале между Петербургом и Москвой, пометила: «Если сии планы в Академии, то и спрашивать их не для чего, понеже верно украдены».²

Беззастенчивое воровство Тауберта и научная непригодность послужили причиной крушения его карьеры. В 1766 г. деятельность его была взята под контроль и сильно сократилась.

Итак, как уже указывалось, отдельные работы затянулись на долгие годы. В 1760—1761 гг. в 3 комнатах нижнего этажа Кунсткамеры лепщик Г. Ф. Партьер выполнял лепные украшения на сводах по рисункам возвращенного в Академию архитектора Я. Шумахера;³ в 1764 г. тем же Партьером, по его собственному рисунку, была закончена прекрасная отделка, сохранившаяся до наших дней, в 3 комнатах Мюнц-кабинета.⁴

Мотивы отделки данного помещения были полностью связаны с теми коллекциями, которые здесь должны были быть выставлены. В прихотливые извивы растительных побегов были вплетены монеты и медали, для экспозиции которых и предназначалось данное помещение (рис. 47 и 48). Отливка гипсовых медалей, по всей вероятности, производилась по деревянным формам токарной работы, упоминавшимся выше. Параллельно велись работы по росписи потолков и стен здания. Большая часть этих росписей была исполнена художником Николаем Любецким, работавшим в течение ряда лет при Кунсткамере.⁵ В 1777 г. здание украсилось некой росписью его работы, о виде и сюжете которой, к сожалению, нет точных известий. Им же производилась реставрация старой монументальной росписи здания, о которой мы знаем лишь то, что она исполнялась «на извести» и требовала очень большого количества мела (41 пуд), клею и красок («сибирки зеленой

¹ П. П. П е к а р с к и й. История Императорской Академии Наук, т. I, СПб., 1870, стр. 665.

² Там же.

³ А. Л и п м а н, ук. соч., стр. 26.

⁴ В этих комнатах в настоящее время размещены кабинеты Музея М. В. Ломоносова и Отдела Сибири Института этнографии АН СССР.

⁵ Любецкий был воспитанником Рисовальной палаты Академии Наук, обучался под руководством уже известного нам Андрея Грекова на материалах Музея и проявил особые способности к «малеванию трав». В 1744—1745 гг. в числе других учеников он занимался зарисовкой гербария для издания «Сибирской флоры» Гмелина и к 1750 г. числился в ведомостях уже как «первосортный рисовальщик». В последующие годы Любецкий был назначен руководителем учеников и, судя по имеющимся документам, специализировался главным образом в области монументальной живописи. Росписи, исполненные им, не сохранились.

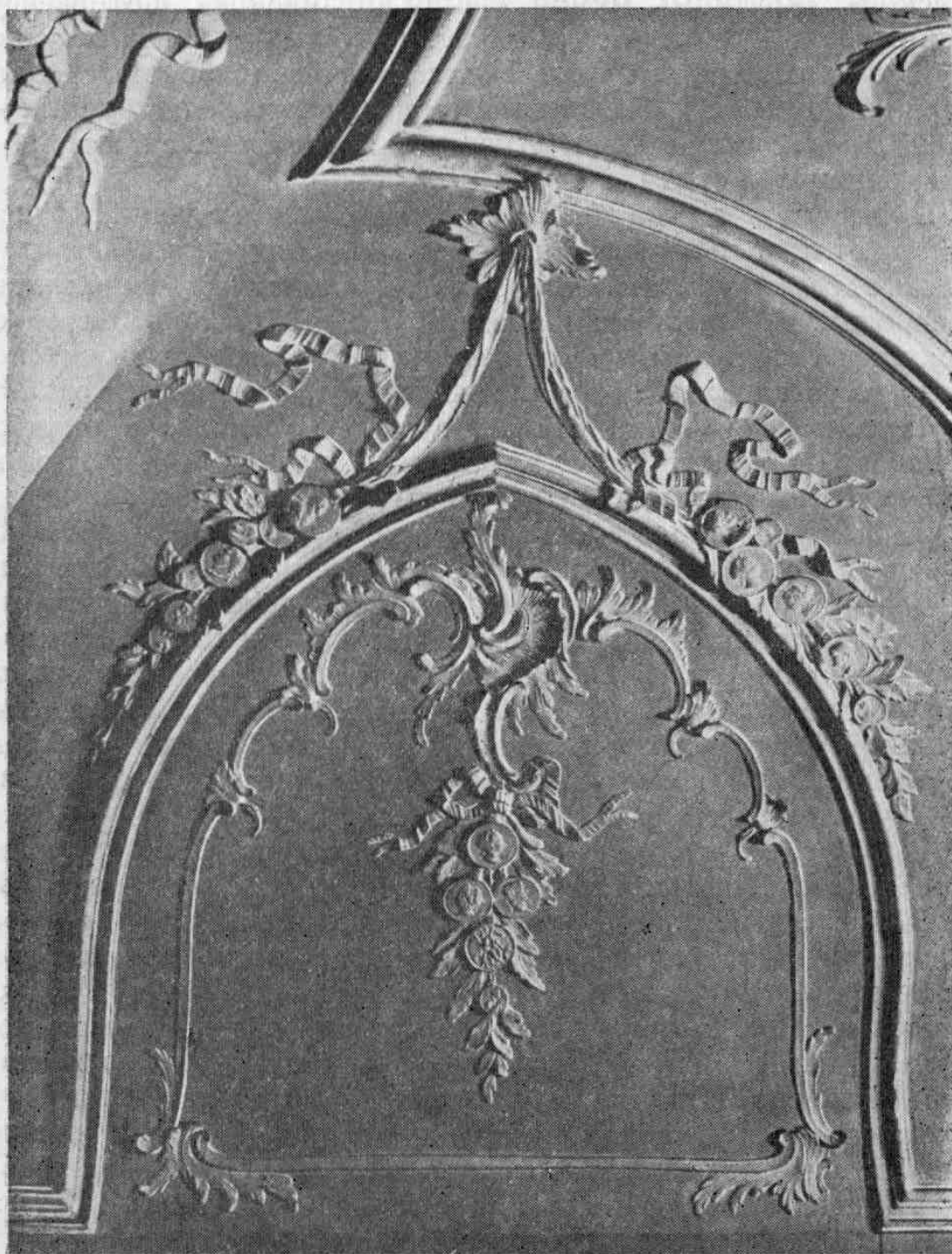

Рис. 48. Мюнц-кабинет. Деталь отделки свода 1764 г.
(Фот. 1952 г.).

5 пудов», «празелени 3 пуда 20 фунтов», «яри веницийской», сурику, «умры», «шижгелю», киновари, бакану, «лазори берлинской», «крутины», мумии, «земли английской», шефервейсу, белил, «вохры светлой», гумигуту, голубцу и других красок).

В работах этих, имевших, судя по требованию на материалы, широкий размах, Любецкому помогали два подручных — Алексей Головин и Ефим Яковлев, которые терли краски и «раскрашивали стены и потолки».¹

Примерно в эти же годы в различных местах здания Кунсткамеры, главным образом над дверьми, были вставлены портретные барельефы, из которых сохранился до наших дней лишь один, изображающий акад. Л. Эйлера (рис. 49). Барельеф выполнен с большим искусством, но авторство его до сих пор точно не установлено. Одни исследователи считают его работой Рашетта, другие — талантливого русского скульптора Михаила Павлова.² В большом зале Библиотеки, над дверью, соединяющей галерею с площадкой лестницы третьего этажа, в это же время был установлен аллегорический барельеф «Празднующая Европа». Он был доставлен уже в готовом виде из Академии художеств и при монтажке дополнен некоторыми «приличествующими» месту аксессуарами. Эти дополнения были выполнены скульптором Ф. Розе, который по всей вероятности был также автором 4 небольших барельефов, вплетенных в лепной бордюр плафона. На барельефах изображены колбы, перегонный куб, палитры, флейты и другие предметы, символизирующие науки и искусства (рис. 50).

В 1778 г. вторая дверь библиотечной галереи была украшена барельефом, символизирующим триумф России (рис. 51). В 1779 г. скульптурное оформление получили двери галереи над залом Кунсткамеры. Сама галерея к этому времени уже была приведена в порядок и расписана мастером Федором Власовым. Колонны ее покрыты росписью, наподобие мрамора, а капители, карнизы и базы — позолочены, для чего из Москвы было выписано 300 книжек сусального золота.³ Остальные выставочные помещения также получили богатые украшения в виде росписи и лепки. Производство этих работ не препятствовало функционированию Библиотеки и Кунсткамеры.

8 июля 1761 г., после неоднократных просьб Демидовых об освобождении от коллекций Кунсткамеры принадлежавшего

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 322, л. 16; оп. 8, № 42, л. л. 8—10 и об.

² Е. Н. Суслова. Первый скульптор АН — Павлов. Искусство, № 6, 1951.

³ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 766, л. л. 77 и об., 85 и др.

Рис. 49. Л. Эйлер. Гипсовый барельеф, 70-е годы XVIII в.
(Фот. 1952 г.).

им дома, Сенат распорядился: «шкафы и прочие украшения сделать немедленно и как Кунст Камору, так и Библиотеку из дому дворян Демидовых перенести на прежнее место».¹ Академическому архитектору Шумахеру был послан ордер с предписанием «шкафам сделать немедленно смету, в что

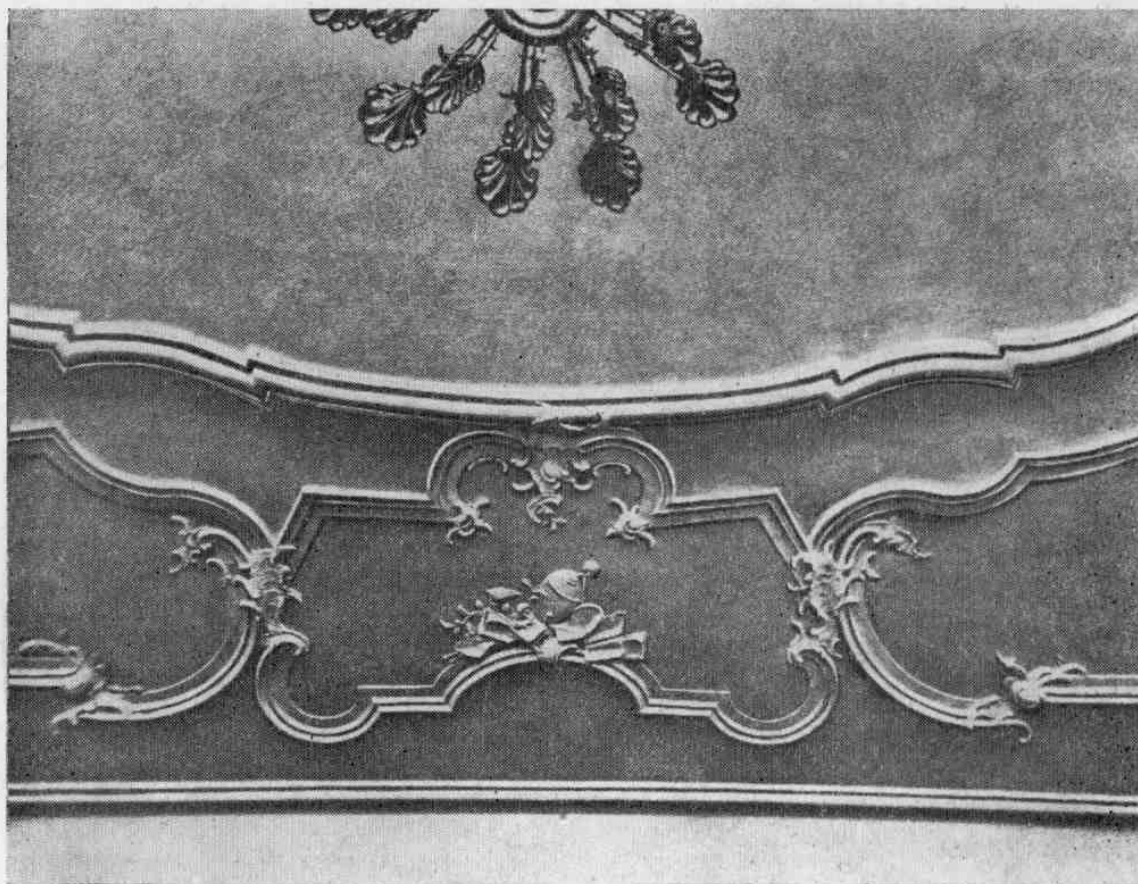

Рис. 50. Деталь отделки потолка Библиотеки. 70-е годы XVIII в. (Фот. 1952 г.).

онные коштовать имеют», причем оговаривалось, что «быть оным в тех же местах, где были до пожара. . . так как в выгры- дырованных чертежах палат показано». Все залы Кунсткамеры и Библиотеки получили новую дубовую мебель «самой чистой работы». «В отвращение всякой пыли и сырости» музейные шкафы были снабжены двойными остекленными дверцами, библиотечные — затянуты частой медной проволокой. В нижнем аппартаменте Кунсткамеры простенки и столбы были обиты дубовыми панелями. Для расстановки экспонатов внутри

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 766, л. 13 и об.; оп. 8, № 40.

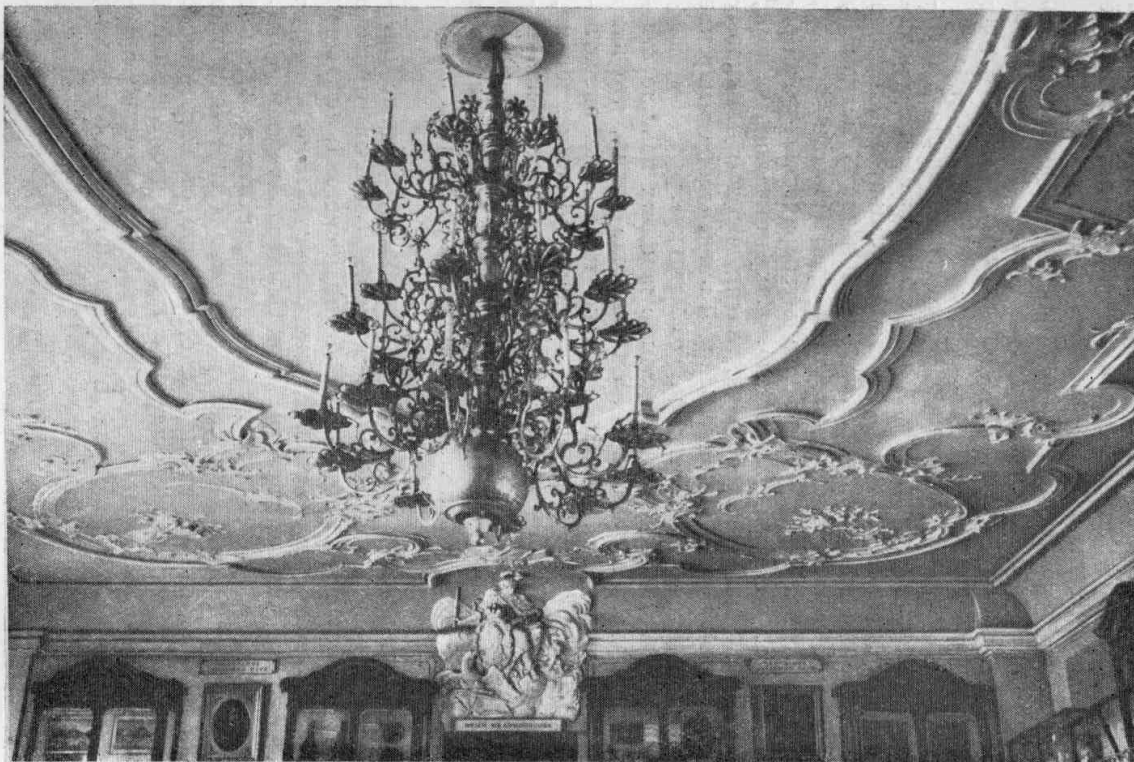

Рис. 51. Деталь отделки потолка Библиотеки. Барельеф «Триумф России», 70-е годы XVIII в. (Фот. 1952 г.).

шкафов были сделаны фигурные кронштейны, расписанные подмастерьем Максимом Рыковым в различные цвета «водяными красками». Внутренняя поверхность самих шкафов также была окрашена краской белого и розового цвета.¹

Таким образом, экспозицию попрежнему предполагалось развернуть в шкафах, причем для фона использовались различные светлые оттенки, которые преобладают в музейном деле и в наши дни.

Все работы по оборудованию Музея производились большей частью по рисункам и под непосредственным руководством упомянутого выше резчика и скульптора Михаила Павлова. Когда началась переноска экспонатов Кунсткамеры в восстановленное здание, сказать трудно. Известно только, что к 1766 г., т. е. через 5 лет после категорического распоряжения Сената, она была закончена. Сохранившийся рапорт, датированный декабрем этого года, гласил, что дом Демидовых полностью освобожден, а находившиеся в нем «кунсткамерские вещи и библиотека вынесена вся без остатку».²

Музейные коллекции, размещенные в новых изящно отделанных шкафах, расставленных по тому же плану, что и до пожара, производили, однако, далеко не то же впечатление. Помимо того, что к этому времени не все коллекции, уничтоженные огнем, были восстановлены, сказалось и небрежное хранение последних лет. Теснота, в которой они были расставлены, а также холод и сырость, царившие в демидовом доме, мешали ученым использовать музейный материал в научных целях.

Ученые перестали посещать Кунсткамеру, меньше интересовались экспозицией ее, что, в свою очередь, привело к тому, что стройная научно обоснованная система, лежавшая в основе музейной экспозиции Кунсткамеры до пожара, нарушилась и в ней воцарился беспорядок. Осматривавший в 1767 г. Кунсткамеру проф. Гмелин в своем рапорте писал: «Весьма сожалею, что такой кабинет, который может быть больше стал нежели все знатные вещи на свете, поныне от неразумного смотрения в такое худое состояние пришел, что едва оный исправить возможно будет», и добавлял, что собрание минералов растеряно, а гербарий приведен в такое состояние, что его «едва ли узнать можно».³

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 766, л.л. 15, 27, 30 и об., 86, 99 и об., 123, 124, 146 и др.

² Там же, ф. 3, оп. 1, № 300, л.л. 68 и об., 75.

³ Там же, № 309, л. 244 и об.

П. С. ПАЛЛАС.
Литография XIX в.

9 августа 1767 г. учрежденная при Академии Наук, взамен существовавшей до этого времени Конференции, Комиссия постановила: «Из кунсткамерских вещей все, что до животного царства принадлежит, включая анатомические, препоручить г-ну профессору Палласу, так чтобы расположение оных каким образом в лучшей порядок привести и сохранить прямо и единственно от него зависело; те же люди, которые при тех вещах находятся должны непосредственно от него зависеть поелику принадлежат к тому делу, притом должен он принять вещи по каталогу находящемуся в библиотеке слича оный с тем, который у себя будет хранить и другой, который ему придется из комиссии. . . На том же основании анатомические вещи препоручить г-ну Вольфу, а травы г-ну Гмелину».¹ Таким образом к 1767 г. научное руководство Музея было вновь восстановлено.

«При вещах Кунсткамеры» по ведомости того же рода числилось 3 человека: комиссар Семен Бухвостов, «помощник» при Кунсткамере Павел Шумский и помощник библиотекаря Осип Петров.² Первый из них — «старый заслуженный комиссар Бухвостов» — нам уже известен. Он работал при Музее с 1735 г. и, как свидетельствует его характеристика, «оказывал себя рачительным, добропорядочным и полезным для Кунсткамеры человеком», достойным всяческого награждения.³ В его обязанности входило хранение экспонатов. В частности, из его рапортов известно, что он «прилагал старание. . . о хранении спиртуозных и сухих кунсткамерских старых и вновь вступивших вещей»,⁴ сменял в них спирт, просушивал и обрабатывал консервирующими средствами. Кунсткамерский помощник — Павел Шумский — был «из студентов». Он «имел случай в ботанике научиться и прочим частям натуральной истории» и превосходно делал чучела.⁵ Искусству этому он выучился по собственной инициативе, или, как он выражается, «на свои деньги», и в описываемое время обучал чучельному делу ученика Филиппа Федорова.

В конце 1767 г. было решено отдать Шумскому на выучку еще несколько учеников, которые должны были обслуживать предполагаемые естественно-исторические экспедиции.⁶ В работе своей он был «крайне прилежен», не только «в рассу-

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 307, л. 90 и об.

² Там же, № 309, л. 6.

³ Там же, № 321, л. л. 17 и 18.

⁴ Там же, № 321, л. 17 и об.

⁵ Там же, № 309, л. л. 70 и 71.

⁶ Там же, л. л. 69, 70, 80.

ждении сохранения», но и в «умножении находящихся в кабинете вещей».¹ Так, например, в 1766 г., отправившись в отпуск на свою родину в Тамбов, он «с крайним рачением собирал всякие натуральные вещи» для Кунсткамеры и доставил в нее «птиц разных родов числом до шестидесяти, в том числе три зверка, птичьих яиц до сорока родов, числом до ста двадцати, четыре гнезда ремезиные» и разных «растений семян семьдесят два капсуля»,² за что и получил награду. В 1769 г. «при отлучке его от Кунсткамеры» он был заменен учеником ландкартной палаты, Степаном Ефимовичем Внуковым.³ Осип Петров числился помощником библиотекаря, но в его обязанности, помимо хранения русских книг, входило «порядочное содержание разного звания моделей, математических и прочих инструментов, китайского, камчадальского и прочих разных народов платья и других достопамятных и курьезных вещей»,⁴ т. е. собственно Кунсткамеры. В этой должности он проработал очень недолгий срок, так как, по требованию Тауберта, в марте 1767 г. был заменен студентом Александром Сумароковым,⁵ который, повидимому, нес те же обязанности.

Помимо этих основных работников, при Кунсткамере и Библиотеке имелся штат истопников, сторожей и 12 караульных солдат.⁶

Научные руководители отделов Музея были выбраны очень удачно, ибо каждый из них показал себя как крупный специалист в своей области. К. Ф. Вольф, возглавивший анатомический отдел Музея, был талантливый эмбриолог. Он изучал анатомию уродов (рис. 52), собранных в столь значительном количестве в Кунсткамере, и проявил особый интерес к исследованию мышц сердца.

Результаты его исследований изложены в работе «О расположении мышечных волокон сердца», которая была опубликована в периодических изданиях Академии Наук: «Актах» и «Новых актах» за 1780—1794 гг.

Его же перу принадлежало значительное число трудов по механизму наследственности и постоянству видов, в которых он излагал оригинальные теории явившиеся, как указывает Энгельс, «гениальным предвосхищением», которое было

¹ Там же, л. 71.

² Там же, № 295, л. л. 91, 94, 105, 106.

³ Там же, № 317, л. 57.

⁴ Там же, № 302, л. 280.

⁵ Там же, л. 282.

⁶ Там же, № 303, л. 175.

победоносно проведено в науку «ровно сто лет спустя, в 1859 г., Дарвином».¹

Труды акад. Палласа внесли еще больший вклад в отече-

Рис. 52. Плод с эмбриональным
волосатым покровом (гипертрихоз).
Рисунок 30-х годов XVIII в. (Архив
АН СССР, Ленинград).

ственную науку. Он приехал в Россию из Голландии в возрасте 26 лет, обрел здесь вторую родину, изучению природы и культуры которой и посвятил большую часть своей жизни. Результаты его кипучей экспедиционной и исследовательской деятельности были изложены в многочисленных научных трудах,² давших очень много нового мировой науке. «Наряду с Линнеем и Бюффоном, — пишет проф. Райков, — он является одним из крупнейших представителей биологической науки XVIII в. Как ученый он отличался смелостью и широтой взглядов».³ Приступив к работе в Натуральном кабинете, проф. Паллас приложил «особливое старание» к приведению его в порядок и пополнению его новыми экспонатами. Прежде всего он настаивал на размножении «полного собрания всех здешних зверей», на приобретение которых и просил отпускать ежегодно определенную сумму.⁴

¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы, 1952, стр. 11.

² Список сочинений П. С. Палласа. Журн. Мин. народн. просвещ., 1895, апрель, стр. 400—437.

³ Б. Е. Райков. Эволюционная идея в трудах русских академиков XVIII в. и первой пол. XIX в. Вестн. Акад. Наук СССР, 1946, № 3, стр. 37.

⁴ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 309, л. 189.

Как уже говорилось выше, в первые десятилетия своего существования Кунсткамера четкого бюджета не имела, а получала средства эпизодически из общеакадемического бюджета, равнявшегося 24 920 руб. в год. По Сенатскому указу 30 июля 1747 г. бюджет Академии Наук увеличивался до 53 298 руб., причем специально оговаривалось, что эта дополнительная сумма (28 386 руб.) должна расходоваться исключительно на «содержание академических художников и на распространение. . . Библиотеки и Кунсткамеры».¹ Чему равнялись расходы на ежегодное содержание двух последних учреждений, по имеющимся материалам сказать трудно. Известно только, что в 1758 г. были, наконец, выделены особые суммы «на приумножение Библиотеки и Кунсткамеры». Распоряжение Академической канцелярии по этому поводу предписывало выдавать ежегодно: «от комиссарства по 500, из кунсткамерских доходов по 2000 (рублей, — Т. С.) на год».²

Средства эти тратились на приобретение русских и иностранных собраний. Однако громадный процент отечественных коллекций поступал из губернских канцелярий и от частных лиц и различных экспедиций совершенно безвозмездно.

Во второй половине XVIII в. было организовано большое число индивидуальных и групповых экспедиций, которые наряду с другими задачами ставили своей целью сбор коллекций по естественно-историческим дисциплинам. Таким путем должны были быть пополнены геологические, ботанические и зоологические коллекции Кунсткамеры. Многие из этих экспедиций привели к блестящим научным результатам. В конце 50-х—начале 60-х годов адъютант Академии И. Г. Кельрейтер был послан «для собирания всяких трав и учинения разных обсерваций до истории натуральной касающихся» в Петербургскую губернию и на Белое море. Собранные в этих поездках материалы помогли ученому впервые доказать и обосновать существование пола у растений.³

Естествоиспытатель-любитель К. Г. Лаксман приехал в Россию в 1762 г. в качестве преподавателя естественной истории

¹ Материалы, т. VIII, стр. 522.

² Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 303, л. 74.

³ Кельрейтер, впоследствии академик, несколькими годами позже уехал из России, но до конца своей жизни сохранил связь и научный обмен с Петербургской Академией Наук, в изданиях которой он продолжал публиковать и свои работы. Только в «Актах» Санктпетербургской Академии было помещено более 30 работ этого ученого (Е. В. Вульф. Иозеф Кельрейтер, его жизнь и научные труды. В кн.: И. Кельрейтер. Учение о поле и гибридизации растений. М., 1940, стр. 15).

и физики. Первоначально он изучал флору окрестностей Петербурга, а в 1764 г. был отправлен на Алтай, где, по заданию Академии Наук, в течение ряда лет обследовал флору и фауну края. Он находился в научной переписке с Академией, снабжал Кунсткамеру минералогическими, ботаническими и зоологическими коллекциями. Это путешествие явилось как бы началом обширной исследовательской деятельности ученого в Восточной Сибири, где он провел большую часть своей жизни и скончался в 1796 г.¹

Мировая наука с громадным интересом следила за ходом изучения природных богатств России, ибо, конечно, ни один подлинный ученый-естествоиспытатель не мог обойтись без учета научных материалов страны, занимавшей одну шестую земной поверхности и располагавшей самыми разнообразными природными условиями — от знойных пустынь до вечных льдов включительно.

К. Линней, создавший в эти годы свою ботаническую классификацию, также чрезвычайно интересовался достижениями русской науки. Он всячески стремился познакомиться с растениями, произрастающими в различных областях России, или хотя бы их описанием, для чего устанавливал многочисленные научные связи с учеными, работающими по изучению флоры нашей страны.

Существенную помощь в этом отношении Линнею оказал некий С. К. Бьелке, посетивший Россию в 1744 г. Он доставил для него материалы произведенного в 1732 г. научного обследования ряда районов Восточной Сибири и послал большое количество растений. «Никогда никто не мог мне сделать более приятного подарка, — писал Линней в благодарственном письме к Бьелке, — чем Вы сибирскими растениями».²

¹ Им было издано «*Novae insectorum species*» — первый труд по насекомым России — и открыто большое количество новых видов растений. Более 15 видам растений, насекомых и минералов было присвоено его имя.

² Классификация растений Линнея, основанная на числе тычинок цветка растения, была первой стройной системой, построенной на едином принципе. Дальнейшее развитие науки показало, что этот принцип является искусственным, однако для своего времени это было крупным шагом вперед. Зоологическая система Линнея не сыграла в науке крупной роли. Всех животных он делил на шесть классов (четвероногие, птицы, гады, рыбы, насекомые и черви). Некоторые из них в настоящее время распались на отдельные типы и классы. (В. А. Фаусек. К. Линней. СПб., 1891, стр. 59—64; В. И. Липский. Императорский С.-Петербургский Ботанический сад за 200 лет. СПб., 1913, стр. 108—111).

В работе Линнея были использованы также материалы, собранные участниками Второй камчатской экспедиции, Гмелиным и Стеллером. Гербарий, собранный последним, был прислан Линнеем его учеником Григорием Демидовым. Из переписки Линнея с К. Г. Лаксманом известно, что между ними также существовал научный контакт. Линней получал от Лаксмана образцы русских растений и семян и всячески приветствовал его поездку на Алтай, куда до того времени «еще никто не проникал с открытыми глазами».

С 1765 г. Академия Наук начинает работу по организации сбора материала, «который мог бы служить впредь к физическому описанию Российской империи».¹ Видное место в этом важнейшем для дальнейшего развития производственных сил страны предприятии отводилось Кунсткамере. Она должна была принимать, систематизировать и производить научную обработку поступавших в нее коллекций. По ходатайству Академии был издан правительственный указ, предписывающий всем губернским канцеляриям собирать и доставлять в Музей птиц, зверей, «гадов», насекомых, семена «всяким лесным, степным и водным плантам и растениям» и другие «куриозные натуральные вещи».² Этот указ был снабжен печатным наставлением, в котором подробно описывалось, как именно следует производить сбор, хранение и пересылку коллекций, для отыскания которых рекомендовалось отряжать за особое вознаграждение «способных людей». Благодаря этому указу с 1766 г. приток естественно-исторических коллекций в Кунсткамеру значительно возрос. Они поступали со всех концов страны. Из Охотска — «птицы разных родов», «минералы», «растения разных видов в четырех планшетах», «коренья и семена», «гады морские» и др.; «с далеких Алеутских островов, называемых Умнака и Уналашка» — кораллы, семена, орудия производства и одежда алеутов. Из Соляной конторы — образцы соли, извлеченные из различных озер Сибири, и др. Некоторые документы сохранили нам имена сборщиков. Так, «различные неизвестные птицы», «шкура дикой лошади», «семена и травник» из Иркутска были собраны «якутским казаком Аргуновым», а 7 ящиков «разных морских и земных продуктов и зверей, птиц и трав и прочее» — из Камчатской Большерецкой канцелярии — «сибирским дворянином и японским толмачем», Антиповым.³

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 1.

² Там же.

³ Там же, ф. 3, № 846, л. 116; оп. 8, №№ 1 и 2.

Работники Кунсткамеры регистрировали вновь поступавшие коллекции, а некоторые из них принимали непосредственное участие в сборе их.

Крупнейшим предприятием второй половины XVIII в. явилось физико-топографическое описание России, которое, помимо своей непосредственной задачи, как бы подытоживало собирательскую деятельность Кунсткамеры, намеченную указом 1765 г. Созданные с этой целью экспедиции работали с 1768 по 1774 год и, как указывает акад. Ф. И. Рупрехт, «навсегда остались блестящими памятниками деятельности Академии».¹ Они получили наименование «физических» и обследовали громадные пространства от западных границ Российской империи (Белоруссия, Молдавия, Бессарабия) до крайнего северо-востока Сибири (Байкал) и от Северного Ледовитого океана до южного побережья Каспийского моря, частично захватив Персию, Кавказ и мало обследованные степные просторы юга России. «Грандиозный план исследований, широта размаха и удачный подбор руководителей, — указывает акад. Л. С. Берг, — до сих пор вызывают у нас изумление».² Эти экспедиции по существу открыли Россию ученому миру и способствовали распространению правильных данных о ней за рубежом. Они собрали и увековечили в своих трудах для потомства множество фактов по этнографии, археологии, ботанике, зоологии и географии — фактов, используемых учеными самых разных специальностей вплоть до наших дней.

Подводя итоги научным результатам этих экспедиций, будущий академик и директор Кунсткамеры, а тогда еще начинающий ученый Н. Я. Озерецковский в своей речи, произнесенной на заседании Конференции Академии Наук (1779 г.), говорил, что в результате их стали «нам известны отдаленнейшие Российской империи страны, какова, например, Камчатка; что теперь мы знаем, как живет башкирец, остяк, самоед, лопарь; что имеем истинное описание их нравов, их вер, их обряды». «Производившие эти обследования академики — продолжает он, — описали не только внутренние российские промыслы, но еще все внешние торговли с азиатскими народами производимыми. Ими во всех трех натур царствах многие очень важные сделаны откровения».³

¹ Ф. И. Рупрехт, ук. соч., стр. 9.

² Л. С. Берг. Роль Академии Наук в истории географических открытий. Природа, 1925, № 7—9, стр. 148.

³ Архив АН, ф. 5, оп. 1, № 3, л. 25 об. — Н. Я. Озерецковский участвовал в одном из отрядов экспедиции в качестве практиканта.

В разработке планов и маршрутов отрядов «физических экспедиций» активное участие принимал акад. П. С. Паллас, назначенный начальником одного из отрядов, в связи с чем был временно освобожден от руководства Натуральным кабинетом Кунсткамеры. Ответственность за работу в Кабинете на время его отъезда была возложена на акад. Вольфа.¹ Паллас возглавил Первую оренбургскую физическую экспедицию, план и маршрут которой были опубликованы в «Прибавлении» к «Московским Ведомостям» от 24 июля 1769 г. под названием «Начертание пути на нынешнее лето первой Оренбургской экспедиции, расположенного господином Академиком Палласом, то же, другой Оренбургской экспедиции под предводительством г. адъюнкта и доктора Лепехина; то же, Астраханских экспедиций под предводительством г. академика Гмелина и адъюнкта и доктора Гильденштедта».² В состав своего отряда акад. Паллас включил Николая Дмитриева — художника, работавшего при Кунсткамере по зарисовке «трав и других натуральных вещей»,³ а в качестве чучельщика — известного уже нам «кунсткамерского помощника» Павла Шумского.⁴ Для снабжения Шумского объектами для чучеловки штат отряда предусматривал специального егеря. В состав Второй оренбургской и Астраханской экспедиций попали обучавшиеся у Шумского при Кунсткамере чучельщики Филипп Федоров и Михаил Котов.⁵ В качестве практикантов ко всем отрядам экспедиции были прикреплены учащиеся Академической гимназии. Они были снабжены подробными наставлениями, разъяснявшими пользу наук и полевых исследований. Там же подчеркивалось значение практических работ, а тем гимназистам, «которые окажут истинные успехи в науке, а потом тем, которые покажут прилежание в собирании, и наконец за множество собранных каждым достопамятных натуральных вещей», было обещано вознаграждение.

С 1769 г. в Кунсткамеру из экспедиций начинают прибывать различные экспонаты. Количество их было настолько велико, что уже к осени того же года в Канцелярию Академии Наук из Натурального кабинета поступило требование, в котором говорилось, что «для соблюдения присылаемых из физи-

¹ Там же, ф. 3, оп. 8, №№ 4, 34.

² Там же, ф. 21, оп. 5, № 82.

³ Там же, ф. 3, оп. 1, № 309, л. 201.

⁴ Там же, № 317, л. 57.

⁵ Там же, № 536, л. л. 147 и 148.

ческих экспедиций натуральных вещей потребны новые стеклянные шкафы». ¹ Такие шкафы, в количестве «больших девять, да малых трех», были изготовлены в сентябре 1769 г. под призором Михаила Павлова и выкрашены в белый цвет. ² Эта временная мера, однако, положения не спасла. К началу 70-х годов теснота настолько увеличилась, что акад. С. К. Котельников, возглавлявший Кунсткамеру после смерти Тауберта (с 13 мая 1771 г.), ³ предложил произвести некоторую перепланировку здания. В соответствии с его замыслом галерея, окружавшая зал 1-го этажа и служившая для прохода на Обсерваторию, была изолирована и отведена для размещения вновь поступавших из экспедиций коллекций. На Обсерваторию же был устроен новый вход со двора, «через глухое окно», для чего «каменной работы крестьянину Ивану Коростылеву с товарищи» было предписано продолжить внутреннюю лестницу «от второго аппартаменты до самого фундамента». ⁴

Из сохранившихся в Архиве Академии Наук документов легко можно определить состав коллекций, поступавших из «физических экспедиций». Основное место среди них занимали зоологические, ботанические и минералогические экспонаты. От акад. Гмелина поступили шкуры обнаруженных им в Воронежской губернии диких лошадей, от акад. И. И. Лепехина — «собрание разных произведений естества» (рис. 53), от адъюнкта В. Ф. Зуева — «собрание в спирте хранимых животных», ⁵ от акад. Палласа и адъюнкта Георги ⁶ — «разные набитые птицы, два травника, разные семена и собрание дощечек всяких деревьев», а также образцы минералов и др. ⁷ Один из этих минералов — гигантская глыба железа весом 38 пудов 18 фунтов (свыше 515 кг) — была обнаружена Палласом на высокой горе, в районе Красноярска, близ которого, далеко в окружности, не имелось ни одного железообрабатывающего завода. Сопоставляя эти

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 41, л. 30.

² Там же, л. л. 30 и об., 33, 68 и др.

³ Там же, № 34, л. 3.

⁴ Там же, № 41, л. л. 36, 65 и об., 69. — Размещенный до пожара в круглом зале 1-го этажа Анатомический театр обратно водворен в него не был. В 1765 г. под него было отведено помещение на 2-й линии Васильевского острова, на территории Ботанического сада, где ведавший им «экстроординарный доктор при анатомии» проф. А. Протасов и возобновил публичные вскрытия (Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 252, л. л. 20—26).

⁵ Там же, ф. 3, оп. 8, № 2.

⁶ Иван Иванович Георги, адъюнкт, а с 1783 г. профессор химии. Прожил всю жизнь и скончался в 1802 г. в Петербурге.

⁷ Архив АН, ф. 3, оп. 8, №№ 1, 2, 63.

факты, ученый пришел к выводу, что утверждение местных жителей о том, что данная глыба есть «дар с неба спавший», т. е. метеорит, вполне справедливо. Он организовал перевозку этого гигантского метеорита в Петербург. Здесь его подробно описали и подвергнули тщательному обследованию (рис. 54). В результате химического анализа было установлено, что он состоит из железа со значительной примесью кристаллов

С. К. КОТЕЛЬНИКОВ.
Рисунок 1784 г. Ф. Антенга.

оливина. Метеоритное железо с таким химическим составом и по сей день, в честь своего первого исследователя, называется «палласитом». Находка и изучение «палласова железа» вызвала большой интерес как внутри страны, так и вне ее. В Архиве Академии Наук хранится значительная научная переписка, свидетельствующая о горячем желании отечественных и зарубежных ученых познакомиться с этой находкой и получить ее описание.¹ Даже чванливый английский историк Вильям Кокс, посетивший Россию в конце 70-х — начале 80-х годов XVIII в., в своей книге,² содержащей большое количество выпадов против России, вынужден признать громадную научную ценность

коллекций Академического Музея. Он описывает все отделы Кунсткамеры, в числе других интереснейших экспонатов называет метеорит и полностью приводит описание, составленное Палласом.

Чрезвычайно положительную роль в жизни Музея этого периода сыграл его новый «надсмотритель» — Семен Кирилло-

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 545, л. л. 352, 353, 354; ф. 2 — 1818, № 1, л. л. 4—5 и др.

² W. Сохе. Voyage en Polagne, Russie, Suède, Dannemarc, ч. II. 1786, стр. 368—369.

вич Котельников. Это был крупный, уже сформировавшийся ученый, мировоззрение которого сложилось под непосредственным влиянием корифея русской науки — М. В. Ломоносова, под руководством которого он проработал много лет. Специальностью Котельникова была математика, в области которой им был создан ряд оригинальных исследований, получивших высокую оценку современников.¹ По своим склонностям, однако, он был прежде всего педагогом и популяризатором научных знаний. Эти качества, выпестованные в нем, несомненно, великим патриотом родины М. В. Ломоносовым, в сочетании с прекрасными административными способностями, делали его незаменимым на посту руководителя Музея.

Энергичная деятельность Котельникова охватила все стороны музейного дела, начиная от научного руководства и кончая хозяйственными мелочами. Ввиду того что обработка коллекций в полевых условиях в то время представляла значительные трудности, С. К. Котельников налаживает ряд мероприятий, направленных на улучшение обработки и консервации экспонатов уже непосредственно в Музее.

Для просушки гербария и «других вещей, которые из экспедиций, дабы в них не зарождались черви», во дворе

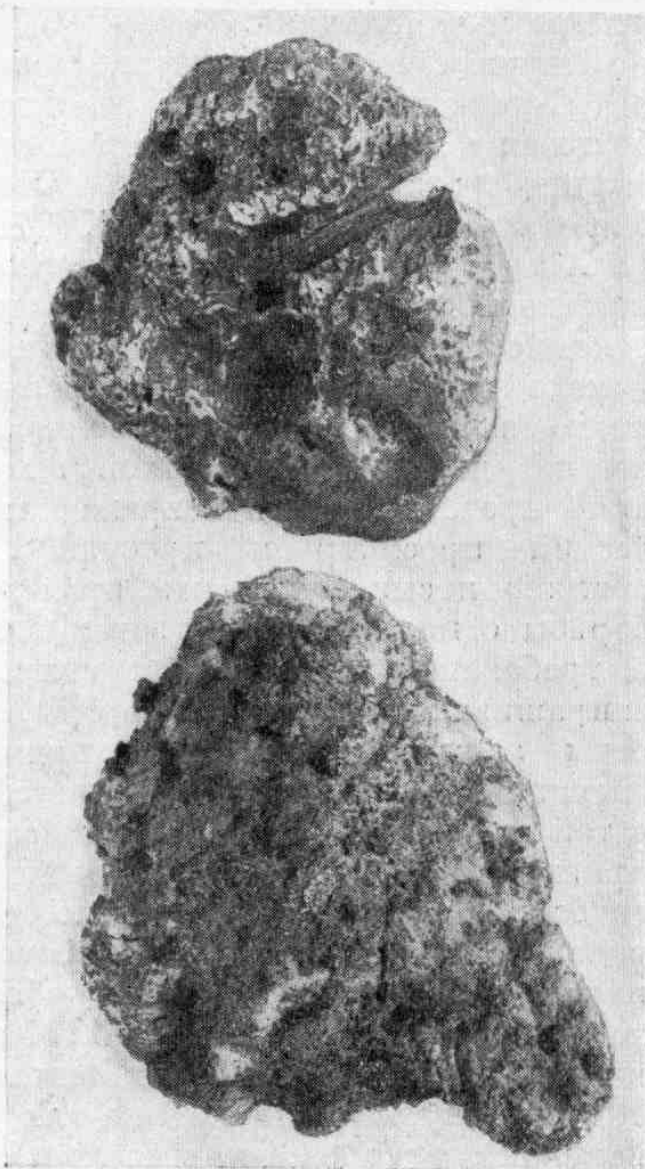

Рис. 54. Метеорит «палласово железо». (Минералогический музей АН СССР, Москва).

¹ А. П. Юшкевич. Эйлер и русская математика в XVIII веке. Труды Института естествознания, т. III, М—Л., 1949.

Кунсткамеры, по его распоряжению, оборудуется специальная сушильня,¹ для растяжки шкурок нанимается «вольный столяр» Григорий Голушкин,² который и осуществляет ее при помощи им же вытачиваемых болванок. Имелись при Кунсткамере и чучельники.

Научные сотрудники Музея также были привлечены к работе по улучшению хранения и консервации, ими проводится большая исследовательская работа главным образом по изысканию средств для борьбы с молью, являвшейся буквально бичом музейных экспонатов XVIII века.

Акад. Вольф, на которого персонально была возложена ответственность за поступающие из экспедиций экспонаты, подал в комиссию специальное «Представление о хранении в Кунсткамере экспедиционных натуральных вещей».³ В этом документе он констатировал, что большая часть экспонатов портится еще по дороге из-за плохой выделки кож, и рекомендовал для предотвращения заражения производить систематический просмотр и просушку поступивших экспонатов, обильно посыпая их «камфарным снадобьем».⁴ Этот способ борьбы с молью господствовал в Кунсткамере и позже. Так, в требовании 1787 г. для сохранения натуральных вещей запрашивалось 2 фунта камфоры, 10 фунтов табаку и 3 фунта серы горючей. Последняя применялась для обкуривания специальными курильницами шкафов и отдельных экспонатов с той же целью. Судя по записям, профилактические мероприятия по сохранности экспонатов предпринимались систематически, однако давали слабые результаты в связи с увеличивающейся с каждым годом теснотой. Энергии С. К. Котельникова Кунсткамера также обязана улучшением научной документации коллекций. В 1774 г. приехавшим из экспедиции академикам Палласу и Лепехину было предписано, чтобы они «помянутые вещи, кои из них, так и из других экспедиций присланные обще с академиком Лаксманом разобрав как надлежит сделали оным подробную опись и представить оную в комиссию».⁵ Такие описи были сделаны и легли в основу печатного каталога, перечислявшего все поступления из «физических экспедиций».⁶ Попутно производилось описание ранее

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 326, л. 210.

² Там же, № 322, л. 70.

³ Там же, оп. 8, № 4.

⁴ Там же.

⁵ Там же, оп. 8, № 1, документы от 7 и 10 октября 1774 г.

⁶ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 348, л. 67; оп. 8, № 65, л. 1.

поступивших экспонатов. Обработка новых поступлений Минералогического кабинета была начата И. Я. Фербером¹ и доведена до конца И. И. Георги с помощью адъюнкта В. Ф. Зуева, принимавшего в этой работе активное участие.² Минералы были разделены на классы «по линейной системе», перенумерованы и описаны. Для нумерации экспонатов в Кунсткамере и книг в Библиотеке пользовались специальными номерами, отпечатанными в академической типографии.³ Такие наклейки с римскими и арабскими цифрами, обозначающими разряд и номер, сохранились и по сей день на различных экспонатах, принадлежавших некогда Кунсткамере, а ныне хранящихся в различных музеях Ленинграда и Москвы (рис. 56). В типографии также печатались различные этикетки, на которых обозначалось «сколь возможно на русском и французском языках то, что та вещь представляет».⁴

Для должного определения, классификации и размещения этих вновь поступающих из физических экспедиций коллекций С. К. Котельников привлёк крупнейших специалистов из Академии Наук: для классификации минералогических коллекций — акад. К. Г. Лаксмана, для зоологических и ботанических — акад. П. С. Палласа. Последний, будучи сам участником одного из отрядов физических экспедиций, был особенно полезен при этой обработке.

В качестве пособий, могущих оказаться полезными при классификации коллекций, Котельников через Академическую библиотеку приобретал все новейшие труды, особенно по вопросам естественной истории. Некоторые из этих трудов, полезные для русского читателя, было решено перевести. Одной из таких работ, в которой С. К. Котельников принял непосредственное участие, была «Естественная история», написанная в 1749—1778 гг. известным популяризатором естественных наук, директором Королевского кабинета натуралий в Париже, Ж. Л. Бюффоном. К переводу этой работы, написанной живо и занимательно, помимо участия в ней самого Котельникова, был

¹ Иоганн-Яков Фербер — профессор минералогии (Протоколы АН, т. IV, СПб., 1911, стр. 8). Описи были написаны по-латыни и озаглавлены: Index, Lathophylacei Rossici Musei Academiae scientiarum Petropolitanae, и Index Lithophylacie exotici Musei Academiae (В. М. Севергин. Обзор минерального кабинета Императорской Академии Наук. Технолог. журн., 1814, т. XI, ч. 1, стр. 16).

² Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 358, л. л. 305, 307. — Роспись окаменелостей составлена Зуевым и сохранилась до наших дней.

³ Там же, оп. 8, № 41, л. 35.

⁴ Там же, № 2, л. 1.

привлечен ряд хорошо знающих иностранные языки русских естествоиспытателей и переводчиков, как, например, переводчик А. Соколов, естествоиспытатель В. Ф. Зуев, Н. Я. Озерецковский и П. Б. Иноходцев.¹

Рис. 56. Образец инвентарного номера Кунсткамеры. (Гос. Эрмитаж, Ленинград).

Более подробных сведений о деятельности С. К. Котельникова в Кунсткамере не сохранилось, но и приведенные выше дают достаточное представление об этом разностороннем организаторе и ученом, поднявшем на должную высоту научную деятельность Музея, расширившем его экспозицию, а также улучшившем хранение и консервацию вновь поступающих экспонатов.

Кроме деятельности в Кунсткамере он уделял большое внимание научной работе по своей непосредственной специальности, а также популяризации математических знаний, путем чтения лекций в академическом университете и морском корпусе.

Большую работу по Кунсткамере несли и помощники Котельникова — уже известный нам С. Бухвостов и унтер-

¹ Перевод озаглавлен «Всеобщая и частная естественная история графа де-Бюффона», состоял из 10 частей и был выпущен в Петербурге в 1789—1808 гг.

библиотекарь И. Бакмейстер, а также научные консультанты.

Особенно значительную работу по разбору и систематизации коллекций, как уже указывалось, проводил акад. Паллас. «Для большего поощрения... к ревности и усердию с которыми он старается теперь поправить и привести в хороший порядок натуральный при Академии Наук Кабинет» в 1777 г. ему были выданы деньги на наем «вольной квартиры». Наряду с обработкой музейных коллекций он подготавливал к публикации собранные в экспедиции материалы, которые и были напечатаны, под названием «Путешествие по разным провинциям Российской Империи».¹ Целый ряд предметов из коллекций, собранных этим замечательным ученым, дошел до наших дней. Они хранятся в Зоологическом музее АН СССР и в Музее антропологии и этнографии АН СССР. Так, например, в последнем имеется коллекция, собранная Палласом в Поволжье,² которая включает в себе предметы одежды и украшения марийцев, мордвы, чувашей и башкир.³ Сохранилось также любопытное собрание монгольских и калмыцких бурханов и других предметов, связанных с культом тибетского и других народов Востока, насчитывающее более 100 номеров. Коллекция в 1770 г. была приобретена Палласом у яицких казаков, с тем чтобы помочь разобраться «ученым людям к объяснению митологических (мифологических, — Т. С.) древностей и религии Далай Ламы».⁴

Академия Наук, деятельность которой была неразрывно связана с хранилищем музейных коллекций — Кунсткамерой — и в известной мере зависела от качества работы этого учреждения, начинает, конечно не без стараний Котельникова, обращать большее внимание на музейно-хранительскую деятельность. Красноречивым подтверждением этого явился тот факт, что в 1778 г. состоялось награждение 3 сотрудников Академии золотыми медалями за успешную работу в Кунсткамере. Первая из них «за приложенные им труды, тщание и искусство в порядке к установлению натуральных вещей в Кунсткамере» была вручена акад. Палласу;⁵ вторая — «за музейную ра-

¹ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. СПб., 1773—1788 гг.

² Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. № 766.

³ Описание коллекции см.: Т. А. Крюкова. Коллекция С. П. Палласа по народам Поволжья. Сб. Муз. антроп. и этногр., т. XII, М.—Л., 1949, стр. 139—160.

⁴ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 326, л. 339.

⁵ Там же, оп. 8, №№ 1, 3, 36, л. л. 1, 2.

боту» — акад. Лаксману, а третья — «за сочинение описания библиотеки, коего у нас не доставало и которое всегда было нужно и которого не всякий мог сделать»¹ — унтер-библиотекарю Бакмейстеру.

Как уже упоминалось выше, в 40-х годах XVIII в. был составлен и издан подробный каталог Кунсткамеры (*Musei Imperialis Petropolitani*) и краткий путеводитель по залам ее («Палаты Санктпетербургской императорской Академии Наук»), однако к описываемому времени, в результате пожара 1747 г., а также благодаря сбору и приобретению новых многочисленных коллекций, размещение, характеристика и объем коллекций Музея настолько изменились, что ощущалась насущная потребность в написании нового каталога-путеводителя, каковой и был поручен унтер-библиотекарю Иоганну Бакмейстеру. В 1776 г. он был опубликован на французском языке² и лишь 3 года спустя (1779) издан по-русски в переводе Василия Костыгова под названием «Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской Академии Наук». Эта небольшая книга является для нас ценным источником, так как в ней чрезвычайно добросовестно собран довольно значительный материал. Она состоит из введения, содержащего общие, совершенно устаревшие в наше время сведения по истории русской культуры и письменности, и 2 глав, первая из которых знакомит с историей создания и составом Академической библиотеки (72 страницы в восьмую листа), а вторая (84 страницы) — с историей Кунсткамеры. Кратко и последовательно автор перечисляет не только основные поступления в Кунсткамеру с момента ее создания вплоть до 1775 г., но в ряде случаев указывает также источники этих поступлений, сообщает гипотезы того времени и даже подводит некоторые научные итоги, как, например, при описании истории находки Мельгуновым упомянутой выше статуи и драгоценностей из захоронения близ Днепра.³ Несомненно, что составление каталога, снабженного научными данными, могло быть выполнено лишь при участии и помощи научного руководителя музея Семена Кирилловича Котельникова. Этим же, по всей вероятности, объясняется и тот факт, что автор в ряде случаев пользуется ссылками на современную ему

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 36.

² B a c m e i s t e r. Essai sur la Bibliotheque et le Cabinet de curiosités et d'histoire naturelle de l'Academie des Sciences de Saint Petersburg. СПб., 1776.

³ Б а к м е й с т е р, стр. 130.

литературу,¹ а кое-где приводит краткие исторические справки. Так, прежде чем охарактеризовать нумизматическое собрание Кунсткамеры по России, он останавливается на времени появления монет на Руси, видах их и районах распространения.² Существенным недостатком работы является то, что составитель пользовался не всегда проверенными данными, как это и случилось при описании собрания Рюйша. Однако в целом описание коллекций было составлено очень добросовестно и подробно. Выполнить такую работу мог лишь человек, очень хорошо знакомый с экспозицией, каким, по всей вероятности, и являлся Бакмейстер, который, с одной стороны, осуществлял связь с научными консультантами, а с другой, руководил работой технических сотрудников Библиотеки и Кунсткамеры.

Знакомясь при помощи путеводителя Бакмейстера с составом и размещением музейных коллекций, мы убеждаемся, что в середине 70-х годов XVIII в. расположение отделов в Кунсткамере осталось прежним, хотя коллекции в ряде случаев изменились, обновились и дополнились. В круглом зале 3-го этажа место сгоревшего «Готторпского глобуса» заняли 2 модели меньшего формата: описанный выше глобус из Сухаревой башни и глобус, «сочиненный во Пскове диаконом Карпом Максимовым», подробными сведениями о котором мы, к сожалению, не располагаем. Здесь же демонстрировалась новая модель строения вселенной и ряд вновь приобретенных физических инструментов. Все отделы пополнились настолько существенно, что позволили Бакмейстеру с полным основанием писать, «что в нашем хранилище находится не только все что в иностранных Кунсткамерах между редчайшими и достопамятнейшими почитается вещами, но и такие вещи, которых нигде не обретаются».³ Это утверждение Бакмейстера было совершенно справедливо, да и не только в отношении отечественных коллекций, получивших столь обширное пополнение из экспедиций. К этому времени Кунсткамера располагала уникальными коллекциями по флоре и фауне тихоокеанского побережья, Персии и некоторых районов Северной и Южной Америки. Исключительно богатым было минералогическое собрание, включавшее в себя образцы из России, Восточной Европы и Индии, а также коллекции по этнографии. Последние разместились попрежнему на галерее Кунсткамеры и были

¹ Б а к м е й с т е р, стр. 156.

² Там же, стр. 186.

³ Там же, стр. 140.

пополнены «одеждой и другими вещами» китайскими, персидскими, мордовскими, самоедскими, «остяжскими», киргизскими, «буратскими», тунгузскими, якутскими, ламутскими, татарскими, «чукскими», «камчадалскими», «курильскими» и «алеутскими».¹

В начале 1780 г. Павлов получил распоряжение Котельникова «для великолетия Кунсткамеры» срочно изготовить «для разного курioзного платья Азиатского несколько манекенов с натуральными к тому платью лицами и прочим прибором».² Он выполнил и установил 13 таких фигур, в числе которых имелись китаец и китаянка, японец, алеут, остяк, самоед, киргиз, тунгус и фигуры шамана и шаманки неизвестной для нас народности.³ Первые 8 манекенов были сделаны из холста и войлока, имели стеклянные глаза, на голове волосы, а лица и руки их были отлиты из воска. Фигуры шамана и шаманки были вырезаны из дерева.⁴

Таким образом, к концу третьей четверти XVIII в. этнографическая экспозиция Кунсткамеры, располагавшая большим числом новых коллекций, была для своего времени прекрасно оборудована.

Использование манекенов позволяло зрителю не только лучше рассмотреть все особенности костюма той или иной народности, но и давало известное представление об ее антропологическом типе.

Помимо манекенов, в экспозиции Кунсткамеры стали применяться макеты, в частности при Минералогическом кабинете имелось даже специальное отделение, носившее название грота, или «комнаты моделей»,⁵ в котором демонстрировались: макет «рудокopного завода», модели мостов различных конструкций работы знаменитого конструктора И. П. Кулибина и Герарда. Первая из них представляла особый интерес. Как указывалось выше, связь между различными районами Петербурга в это время периодически прерывалась из-за отсутствия постоянных мостов. Функционировавшие понтонные сооружения разбирались в период половодья, а в летние месяцы препятствовали свободному судоходству. Модель одноарочного моста, сконструир-

¹ Б а к м е й с т е р, стр. 136, 137.

² Архив АН, ф. 142, оп. 1, № 146.

³ Там же, ф. 3, оп. 8, № 30, л. 2.—О. П. Б е л я е в. Кабинет Петра Великого, ч. 1. СПб., 1800, стр. 159, 160, 178, 182, 185, 188, 191, 195, 198, 200.

⁴ Архив АН, ф. 142, оп. 1, № 146, л. л. 1, 2 и об.; ф. 3, оп. 8, № 42, л. л. 28, 31, и др.

⁵ Там же, ф. 3, оп. 1, № 318, л. 240 об.

рованного И. П. Кулибиным,¹ свидетельствовала о блестящем разрешении этой труднейшей задачи в области мостостроения. Невдалеке от Кунсткамеры, в академическом дворе, желающие могли познакомиться и с опытной 14-саженной моделью того же моста, которая блестяще выдержала все испытания.² И. П. Кулибину Кунсткамера обязана и рядом других экспонатов: действующей моделью оптического телеграфа, «диковинными часами», телескопом и микроскопом его собственной работы. В числе экспонатов комнаты моделей имелось также «механическое бюро». Конструкция «механического бюро», или органов, живо интересовала ученые круги в конце XVIII в. Петербургская Академия Наук в 1780 г. даже объявила конкурс на лучшую работу на тему: «конструкция органа, подражающего человеческому голосу». Статья, посвященная разработке этой темы, была написана механиком Х. Г. Кратценштейном и опубликована в IV томе «Академических известий» (1780 г.). В этой статье Кратценштейн давал объяснение природе каждого из гласных звуков и описывал конструкцию такого органа, который смог бы издавать простейшие слова, вроде «папа» и «мама».³ Характерно, что работа Кратценштейна получила премию, а сконструированный им орган был передан для демонстрации в Кунсткамеру.⁴

Приведенные примеры содержания и оформления экспозиций Петербургской Кунсткамеры указывают, что в 70-е годы XVIII в. она была богатой, разнообразной и занимательной, благодаря чему и привлекала большое количество посетителей, которые, как указывают современники, скапливались в залах буквально толпами. О том, что количество желающих осмотреть Кунсткамеру значительно превосходило ее пропускную способность, свидетельствует такой случай.

2 июля 1775 г., — сообщает нам рапорт эконома Академии Наук, Герасимова, — в Кунсткамере, открытой в этот день для обозрения, по обыкновению находились «знатные особы» и «множество... разного звания народу». «Для избежания

¹ Архив МАЭ, Журнал поступлений, апрель, 1776 г.; Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 846, л. 45.

² Замечательный проект Кулибина, отмеченный, по словам известного русского мостостроителя Д. И. Журавского, «печатью гения», осуществления не получил. Модель моста в 1793 г. была перевезена в Таврический сад, где и послужила в качестве обычного мостика для перехода через канал.

³ Х. Г. Кратценштейн. Опыт решения задачи, предложенной от Санкт-Петербургской Академии Наук на 1780 г. Акад. изв., т. IV, 1780, стр. 188—252.

⁴ Протоколы АН, т. IV, стр. 19, § 8.

тесноты» впуск в Музей осуществлялся через библиотечное крыльцо, а выход — через кунсткамерское. На крыльце Кунсткамеры, на часах, был поставлен солдат Семен Корабельщиков со строгим наказом: ни в коем случае «не пускать никого в помянутую Кунсткамеру». Вопреки данному приказу, Корабельщиков начал пропускать «всякого звания людей, собирал с них деньги . . . по грошу, по копейки и по деньге»¹ и, несмотря на неоднократные замечания со стороны экзекутора, «продолжал свое лакомство». Когда, после снятия с поста, Корабельщиков был обыскан, то в его карманах было обнаружено «тех собранных денег . . . один рубль 90 копеек».² За нарушение приказа и за то, что он своим «безчестным поведением нанес Академии нареkanie», Корабельщиков был отдан под суд, а «чтобы впредь такое безобразие не повторялось», Академия запросила «капрала доброго поведения», Авдея Клюкина, который и занялся воспитанием сторожей.³

Описанный случай свидетельствует о громадной посещаемости Кунсткамеры и интересе, который она вызывала среди «людей разного звания», в частности среди небогатых слоев населения, так как совершенно ясно, что даже с самых захудалых бар часовой не посмел бы вообще брать плату за вход, не говоря уже об ее размере («по грошу, по копейки и по деньге»). Академия решила ввести для входа в Музей специальные билеты, которые можно было получить в конторе Академии. Они печатались в академической типографии и раздавались бесплатно, но предоставляли возможность регулировать количество и классовый состав посетителей. В специальном извещении публике было объявлено, что Кунсткамера будет открыта 2 раза в неделю (по вторникам и четвергам) с 9 до 11 часов до полудня и с 2 до 6 после него. «Чтобы установить порядок и дать возможность рассмотреть вещи с достойным вниманием», одновременно в Музей будет впускаться по билетам не более 50 человек.⁴ Это правило для впуска в Музей сохранилось вплоть до начала XIX в. и неоднократно публиковалось в «Ведомостях».

Интерес, вызываемый Кунсткамерой, и рост популярности ее подтверждается также тем, что упоминания и описания ее имеются в значительном количестве отечественных и иноземных мемуаров того времени. Так, один из образо-

¹ Грош равнялся 2, деньга — $\frac{1}{2}$ копейки.

² Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 31, л. л. 9 и об., 13.

³ Там же, л. л. 18 и 19.

⁴ Там же, № 3.

ваннейших людей эпохи С. А. Порошин излагает в своих записках мнение о происшедшем в ней пожаре и описывает ряд демонстрируемых там экспонатов;¹ тульский мещанин оружейник Абрам Булыгин указывает, что видел «разные вещи», выставленные для обозрения,² а член Берлинской Академии Наук И. Бернули,³ английский историк В. Кокс⁴ и французские путешественники,⁵ посетившие Россию в 70—90-х годах XVIII в., дают подробное описание всех выставленных в Музее коллекций.

Сведения о пополнении Кунсткамеры систематически публиковались в «Санктпетербургских Ведомостях», а описание коллекций ее было помещено в популярнейшей книге для чтения XVIII в. — «Письмовнике». Эта книга, не имевшая ничего общего со своим названием в позднейшем его значении, представляла собой сборник статей и рассказов на самые разнообразные темы. Автор и составитель ее, Н. Г. Курганов, талантливый математик и педагог, был одним из образованнейших людей своего времени. Выпущенный им сборник вышел впервые в 1777 г. и до 1837 г. выдержал 10 изданий, благодаря чему его можно было встретить буквально в каждой семейной библиотеке XVIII — начала XIX в. «Чтение „Письмовника“, — говорит А. С. Пушкин устами одного из своих героев, — долго было любимым моим упражнением. Я знал его наизусть и, несмотря на то, каждый день находил в нем новые, незамеченные красоты».⁶ Имелась в «Письмовнике» и глава, посвященная Кунсткамере. Н. Г. Курганов излагает историю создания ее и подробно описывает музейную экспозицию.⁷

Экспонаты, хранившиеся в Кунсткамере, способствовали повышению культурного уровня широкой публики и были незаме-

¹ С. А. Порошин. Записки. СПб., 1881, стр. 114 и 238.

² История города Тулы мещанина Абрама Булыгина, о чудных его на свете похождениях, об охотах, веселостях и об работах, 1797, стр. 13. — Книга представляет библиографическую редкость. Единственный известный нам экземпляр был обнаружен и изучен заведующим Библиотекой Государственного Эрмитажа О. Э. Вольценбургом (Библиотека Государственного Эрмитажа, К. 3. 109, № 38967).

³ D. Bernulli. Reisen durch Brandenburg, Pommern, Preusser, Curland, Russland und Pohlen (1777—1778). Leipzig, 1780, p. 2.

⁴ В. Сохе, ук. соч., ч. II, стр. 352—385.

⁵ Voyage de deux Français dans le nord de l'Europe, т. III. Paris, 1796, стр. 205, 206, 214, 216.

⁶ А. С. Пушкин. История села Горюхина. Соч. (однотомник), Л., 1936, стр. 511.

⁷ Н. Курганов. Письмовник, содержащий в себе науку Российского языка со многими присовокуплениями разного учебного и полезно-забавного вещесловия. СПб., 1809, стр. 201—208.

ними для ученых, создавших на базе их значительное количество научных работ по естественной истории и другим дисциплинам. Эти работы публиковались как отдельными изданиями (например «Синдесмология» Вейтбрехта), так и в периодических изданиях Академии Наук. Так, например, А. А. Нартову принадлежал ряд научных публикаций новых поступлений по минералогии,¹ П. С. Палласу — работы по растениям России,² В. М. Севергину — описание редких минералов, хранящихся в русских музеях, и способы экспонирования их³ и др. Материалы Кунсткамеры привлекались и другими учеными и общественными деятелями, не входившими формально в состав Академии. Так, например, А. Н. Радищев в своей работе «О человеке, о его смертности и бессмертии» ссылается на эмбриологические коллекции Кунсткамеры.⁴

Таким образом, к 80-м годам XVIII в. Кунсткамера завоевала прочное место в системе научных и научно-просветительных учреждений страны. Коллекции ее за 33 года, прошедших после пожара, не только достигли прежнего уровня, но и значительно превзошли его.

Отечественные ученые, организовавшие сбор коллекций для Музея, принимали также непосредственное участие и в создании его экспозиций. Благодаря этому экспозиция Кунсткамеры Петербургской Академии Наук приобрела подлинно научный характер и выгодно отличалась от большинства западноевропейских музеев того времени.

Выставляемые в Кунсткамере коллекции приковывали к себе внимание не только ученых, использовавших их в качестве материала для своих научных работ, не только с каждым годом количественно возрастающей военной и гражданской интеллигенции, но и так называемого «простого народа».

Популярность, завоеванная Музеем, привела к тому, что он уже не был в состоянии пропустить всех желающих, и администрация Академии ограничивает количество посетителей, вводя специальные входные билеты.

¹ Nova Acta Academia, т. X, стр. 203—205; т. XI, стр. 415—417, 347, 438.

² Acta Academia Scientiarum Imp., 1779, 1782 и др.

³ Nova Acta Academia, т. I, стр. 332—348; т. X, стр. 289—298; т. XII, стр. 307—334.

⁴ А. Н. Радищев, Соч., т. II, 1941, стр. 40.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КУНСТКАМЕРА АКАДЕМИИ НАУК В КОНЦЕ XVIII—НАЧАЛЕ XIX в.

Расцвет экспозиционной деятельности Академии Наук. Мировое значение новых коллекций Кунсткамеры. Создание института членов-корреспондентов и их роль в пополнении Музея. Коллекции с Камчатки, Алеутских островов и из Северной Америки. Коллекции из экспедиции Кука. Российско-американская компания. Кругосветные плавания Крузенштерна и Лисянского, Лазарева и Беллинсгаузена, Литке. Экспедиции в Бразилию и Антарктику и привезенные ими коллекции. Посольства в Японию и Китай. Отечественные поступления. Работники Музея. Каталог. Посетители. Кунсткамера в период Отечественной войны 1812 г. Восстановление экспозиции. Необходимость реорганизации музея

По мере приближения к грани XIX в. характер деятельности Академии Наук видоизменяется. Если в начале XVIII в. она являлась единственным крупным научным учреждением страны, то теперь, в связи с возникновением значительного количества научных обществ и учебных заведений, взявших на себя функции разработки отдельных отраслей наук и воспитания юношества, роль Академии несколько снижается. В 1765 г. основывается Вольно-экономическое общество, много сделавшее для изучения природных богатств и экономики различных областей России; в 1783 г. — Российская Академия, ставившая своей целью изучение русского языка и литературы; в 1805 г. — Московское общество испытателей природы. Московский университет, основанный еще в 1755 г., к тому времени значительно расширяет поле своей деятельности, далеко выходящей за рамки учебного процесса. Кроме него, в ряде городов возникают новые учебные заведения: Юрьевский (1802 г.), Казанский (1804 г.) и Харьковский (1805 г.) университеты.

«Теряя свое монопольное положение, — указывает акад. С. И. Вавилов, — Академия в XIX веке не снижала, однако, своего научного уровня».¹ Научная продукция ее продолжала расти, но потребности страны были настолько велики, что удовлетворить их Академия была не в состоянии. Следует также отметить, что основной процент выпускаемых работ этого периода составляли теоретические труды, главным образом в области математики и физики. Преобладающее количество работ этого профиля объяснялось изменением состава академиков.

Несмотря на то что в России к этому времени вырастают уже многочисленные кадры отечественных ученых, многие из которых, как, например, В. М. Севергин, В. В. Петров, Н. Я. Озерецковский, И. И. Лепехин, П. Б. Иноходцев, А. Ф. Севастьянов, занимают почетное место на страницах отечественной истории, царское правительство, отчасти из-за преклонения перед наукой Запада, отчасти от опасения, что в Академию проникнет революционный дух, свойственный передовой части русской интеллигенции, всячески препятствовало увеличению процента русских академиков.

Состав иностранцев, приглашенных в Петербург, между тем, изменился в худшую сторону. Среди действительных членов Академии почти не встречается таких крупных ученых, какие имелись среди академиков первого созыва. Большая часть приезжих интересовалась главным образом своим материальным благосостоянием и занималась не столько наукой, сколько интригами, всячески отесняя русских ученых и стремясь занять монопольное положение в Петербургской Академии Наук. Преобладание личных интересов над общественными, противопоставление себя всему русскому постепенно превратило академиков-иностранцев в замкнутую касту, питавшуюся доходами России, но мало интересующуюся нуждами ее. Отсюда вытекает и почти полное отсутствие работ практического порядка. Государственное же руководство наукой в это время совершенно отсутствует. Такое положение вещей нашло отражение и в деятельности Академического музея.

Просматривая поступления этого периода, мы убеждаемся, что основная масса их прибывала из внеакадемических источников. Они поступали главным образом из экспедиций других ведомств и от отдельных собирателей. Единственным исключением в этом отношении были члены-корреспонденты. Про-

¹ С. И. Вавилов. Академия Наук и развитие отечественной науки. Сб. «Вопросы истории отечественной науки», М., 1949, стр. 47.

живая в самых различных пунктах нашего обширного государства и находясь в постоянной переписке в Академией Наук, они снабжали ее экспонатами, большая часть которых передавалась в Кунсткамеру.

«Класс академических корреспондентов, которые, будучи в отдалении отсюда, Академии Наук присылаемыми известиями пользу приносят в состоянии»,¹ был утвержден еще в январе 1759 г. Это почетное звание присваивалось различным путешественникам и ученым, не входившим формально в состав Академии, и в ряде случаев сопровождалось выплатой ежегодного содержания. Первым отечественным членом-корреспондентом был избран путешественник, краевед и любитель-минералог П. И. Рычков, затем переводчик и инспектор императорских садов в Астрахани Адриан Соколов, доктор медицины москвич И. Г. Энгель, А. М. Карамышев (г. Иркутск), Ф. О. Туманский (г. Глухов), горный инженер И. М. Ренованц (г. Барнаул), писатель и известный переводчик, один из первых биографов М. В. Ломоносова — М. И. Веревкин (Москва), неумолимый исследователь Астраханского края и Крыма, воспитанник Московского университета — К. И. Габлиц (Таврическая область), член Берг-коллегии — А. В. Раздеришин (Екатеринбург), а также И. Ф. Герман (Пермь).

В 1786 г. Кунсткамера получила от А. В. Раздеришина значительное количество различных экспонатов по зоологии, минералогии и палеонтологии,² а в 1790 г. — от И. Ф. Германа богатую коллекцию руд и минералов, собранных им при обследовании Урала и Сибири.³ Сведения о поступлениях в Музей от И. Ф. Германа встречаются и в документах более позднего времени. Так, например, в начале XIX в. имеется запись о поступлении от него же минералов с Алтая.⁴

Сеть зарубежных корреспондентов представляла пеструю картину. Некоторые из них, как упомянутый выше Кельрейтер, являлись подлинными учеными и снабжали Академию научным материалом и готовыми работами, которые и публиковались в ее изданиях. Другие по существу были лишь агентами Академии, помогавшими установить обмен научными сведениями и коллекциями с зарубежными учеными и коллекционерами, а также присматривавшими интереснейшие достопримечательности и собрания для приобретения в Петербург-

¹ Труды Архива Академии Наук СССР, вып. 3, М.—Л., Изд. АН СССР, 1937, стр. 328.

² Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 26.

³ Протоколы АН, т. IV, 1790, § 1.

⁴ Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 25.

скую Кунсткамеру. Через посредство корреспондентов и осуществлялся основной приток приобретений.

Наиболее активными из них являлись проживавшие в Лондоне Лев Ваксель и граф де-Бурнон, первый из которых несколькими годами позже своего избрания членом-корреспондентом Академии Наук переехал в Россию, в г. Тулу, где и прослужил до самой смерти (1816 г.) в качестве полковника корпуса инженеров путей сообщения. На страницах протоколов Конференции Академии Наук 90-х годов XVIII—начала XIX в. часто встречается его имя. С помощью Вакселя было приобретено «собрание по естественной истории»,¹ «разные натуралии»,² значительное количество книг,³ образцы млекопитающих и птиц из Бенгалии, идолы с о-вов Таити (из коллекции, собранной капитаном Куком),⁴ предметы культа из Новой Зеландии и другое.

Наряду с экспонатами, представлявшими интерес для естественной и исторической науки, по его рекомендации был приобретен и ряд предметов, не имевших никакого отношения к науке, так, например, вывеска лондонского трактира «Tsars head» («Царская голова»), названного так в честь Петра I, который в бытность свою в Лондоне якобы заходил туда завтракать перед работой.⁵ Через посредство графа де-Бурнона было приобретено собрание минералов, насчитывавшее 378 образцов, и ряд других экспонатов.⁶

Научный обмен с Португалией в те же годы осуществлялся через профессора Лиссабонского университета, лингвиста А. Г. Араухо,⁷ с Германией — через некоего Алопеуса и профессора естественной истории Э. Х. Шульца,⁸ со Швецией — через барона Г. Пайкуля,⁹ а «знатнейшее» количество предметов из Китая, Тибета и Индии было прислано переводчиком Иерингом.¹⁰

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 112, л. 119.

² Там же, ф. 1, оп. 3, № 75, л. л. 78—80; ф. 2, оп. 1805, № 1, л. 19.

³ Там же, ф. 1, оп. 3, № 75, л. 132.

⁴ Там же, № 76, л. 79.

⁵ Там же, оп. 2—1804 г., § 370; 1805 г., § 103; 1807 г., § 64, л. л. 1, 2 и др., § 331.

⁶ Там же, оп. 1а, № 18; ф. 3, оп. 8, № 112, л. 131; 1807 г., §§ 242, 255 и др.

⁷ Числился членом-корреспондентом Академии Наук с 22 августа 1791 г.

⁸ Член-корреспондент Академии Наук с 28 июня 1798 г.

⁹ Член-корреспондент Академии Наук с 1797 г.

¹⁰ Архив МАЭ, Журнал поступлений 1719—1836 гг., стр. 65, 66, 71, 77, 78, 96, 105 и др.; Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 116, л. 4; № 26, л. 11 об., № 23 и т. д. — Иеринг (Iährling, Iährlch) принимал участие

Круг лиц, снабжавших Кунсткамеру новыми коллекциями, не ограничивался членами-корреспондентами. Как уже упоминалось, к концу XVIII в. он значительно расширился, главным образом за счет внеакадемических экспедиций и отдельных собирателей. Количество этих собирателей, находившееся в прямой зависимости от неуклонно повышавшегося культурного уровня населения России, значительно возросло благодаря активной деятельности светских учебных заведений России.

Труды «физических экспедиций», опубликованные к тому времени, и коллекции, собранные в этих поездках и выставленные для обозрения, вызвали широкий интерес к исследованиям природных богатств и культуры отечества, а также к собирательству коллекций и способствовали дальнейшему сбору вещественных материалов. Их присылали и продавали люди самых различных профессий: ученые и ремесленники, инженеры и миссионеры, военные и мореплаватели, чиновники и геодезисты.

Интерес к народам, населяющим Камчатку, Курильские и Алеутские острова, а также западную оконечность Северной Америки, возник в нашей стране во второй половине XVIII в., в связи с освоением этих недавно открытых областей. Ряд коллекционных предметов с Курильских и Алеутских островов имелся в Кунсткамере, правда, уже и ранее, в 30-е годы XVIII в., однако крупные коллекции стали поступать лишь в конце XVIII—начале XIX в. Они прибывали от геодезистов, купцов, промышленников, но чаще всего присылались местными администраторами, действовавшими как по специальным правительственным инструкциям, так и самостоятельно. В одну из таких инструкций (1772 г.), предназначенных для иркутского губернатора, среди распоряжений военного и административного характера, касающихся Курильских островов, было включено предписание вести «наблюдение над нравами и обычаями жителей, а также о положении тех мест»¹ и отыскивать для Кунсткамеры животных, минералы и разные «курьезные» вещи, как то: «окаменелости, раковины, черепахи» и др.

В Архиве Академии Наук и в Журнале поступлений Музея антропологии и этнографии Академии Наук (т. I) имеются

в экспедиции Палласа и перевел на русский язык большое количество тибетских документов и сочинений (см.: Н. В. К ю н е р. Описание Тибета, т. II, вып. 1. Владивосток, 1908, стр. 87—88).

¹ А. С г и б н е в. Исторический очерк главных событий в Камчатке 1772—1816. Морск. сборн., т. III, 1869, № 7, стр. 9—10.

записи о поступлении коллекций от одного из правителей Камчатки — майора М. К. Бема. «Опись вещей, привезенных из Камчатки», составленная им (1780 г.), перечисляет следующие экспонаты: «пятнадцать эстампов (повидимому, зарисовок, — Т. С.), на коих изображены различных островов жители» («отаитская дама», «каледонский житель», «житель шаркачада» и др.), «камчадалское праздничное платье, парка называемое», «подушки», «каменный топор», «музыкальные инструменты», несколько опахал, ножи «из острова Уналашка, который лежит против американского мыса Аляска», «алеутская одежда» (рис. 58 и 59), модель байдары и ряд других экспонатов.¹ Все эти «курьезные» вещи, как мы узнаем из доношения Бема, были им приобретены и доставлены в Петербург на свой личный счет.² Им же были привезены и переданы в Кунсткамеру «разные вещи, вывезенные с Сандвичевых островов», собранные там английской экспедицией, возглавлявшейся капитаном Д. Куком. 18 апреля 1779 г. в Петропавловск-на-Камчатке зашли два английских корабля под командой капитана Кларка. Это были «Резолюция» и «Открытие», возвращавшиеся из 3-го путешествия, во время которого был убит капитан Кук. Встреченные гостеприимно, корабли простояли в порту 7 месяцев, произвели необходимый ремонт и были безвозмездно снабжены богатым запасом продовольствия. В благодарность за оказанное гостеприимство капитан Кларк при отъезде преподнес Бему для передачи в Петербург коллекцию редкостей, собранных им во время этого путешествия.³ Коллекция эта сохранилась и в настоящее время находится в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР. Она состоит из 33 номеров и включает в себя опахала и шишаки из разноцветных перьев,⁴ образцы оружия (Гавайские о-ва), мантии, нагрудники и ряд других принадлежностей мужского парадного костюма (о. Таити), цыновки (о. Тонга) и другие предметы быта.⁵ Появление перечисленных экспонатов в Кунсткамере вызвало громадный интерес, ибо это была первая этнографическая коллекция с Сандвичевых островов, введенная в научный обиход, так как остальные

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 2; Архив ИЭ, Журнал поступлений МАЭ, т. I, стр. 59; т. II, стр. 114—118.

² Важнейшие обстоятельства жизни и службы бывшего Камчатского начальника Бема. Сев. архив, 1827, XIII, стр. 43.

³ А. С г и б н е в, ук. соч., стр. 24.

⁴ Шишак из перьев красного и желтого цвета являлся непрямым элементом одежды воина.

⁵ Архив МАЭ, Журнал поступлений, т. II, стр. 114, колл. № 505.

Рис. 58. Одежда алеутов из кишек животных. (Музей антропологии и этнографии АН СССР, Ленинград).

коллекции, собранные экспедицией Кука, шли морским путем и попали в Англию на полгода позже, чем Бем доставил подарок Кларка в Петербург.

Несколько лет спустя (1810 г.) Кунсткамера обогатилась полным парадным костюмом «короля» с Сандвичевых островов, который был поднесен Музее членом-корреспондентом Академии Наук — директором Российско-американской компании, М. М. Булдаковым (рис. 60).¹ Он состоял из жезла красного дерева, шлема и мантии, искусно вытканых из мелких перьев красного и желтого цвета.² Каким путем этот костюм поступил к Булдакову, сведений не сохранилось; мы можем лишь предполагать, что он является тем самым костюмом, который был в 1807 г. поднесен гавайским королем Камеомео I в знак уважения бывшему правителю русских областей на территории Северной Америки — Александру Андреевичу Баранову.³

Первые упоминания о поступлении в Кунсткамеру коллекций с Американского континента относятся к 1782 г. Что это были за предметы, неизвестно, так как в сохранившейся записи имеется лишь глухое упоминание о поступлении «американских вещей».⁴ В 1794 г. из личного собрания Екатерины II — Эрмитажа⁵ — поступила коллекция, собранная «секретной» экспедицией под руководством капитана Н. И. Биллингса и Г. А. Сарычева, предпринятой в 1785—1793 гг. для исследования Берингова пролива и северо-западных берегов Северной Америки. В результате обследований, произведенных экспедицией, было составлено описание Чукотского полуострова и быта народов, населяющих его, нанесены на карту

¹ Архив МАЭ, Журнал поступлений, т. 1, стр. 48.

² *Memoires de l'Academie Imperial de Sciences de St.-Petersbourg*, t. III. Avec l'histoire de l'Academie pour les années 1809 et 1810, St.-Petersb., 1811, p. 40—41. — Этот костюм хранится в Музее антропологии и этнографии (колл. 517, № 1—2).

³ Так называемый король Камеомео (Камегамега, Томеомео) был по существу военным вождем, подчинившим себе все Гавайские острова. О его взаимоотношениях с Барановым см.: П. И. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской Компании, ч. 1. СПб., 1861, стр. 169.

⁴ Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 2.

⁵ Эрмитаж как личное собрание царствующей фамилии основан в 60-х годах XVIII в. Екатерина II увлекалась коллекционированием, и во время ее царствования было приобретено большое количество картин, гравюр и медалей, но особенно богатым было собрание гемм, достигшее 10 тыс. подлинных образцов и более 34 тыс. слепков. Здесь же в 80-е годы подбирается богатейшая коллекция минералов, собрание которых было поручено акад. П. С. Палласу (А. С у л о в. Эрмитаж. Краткий исторический очерк. Л., 1927, стр. 18).

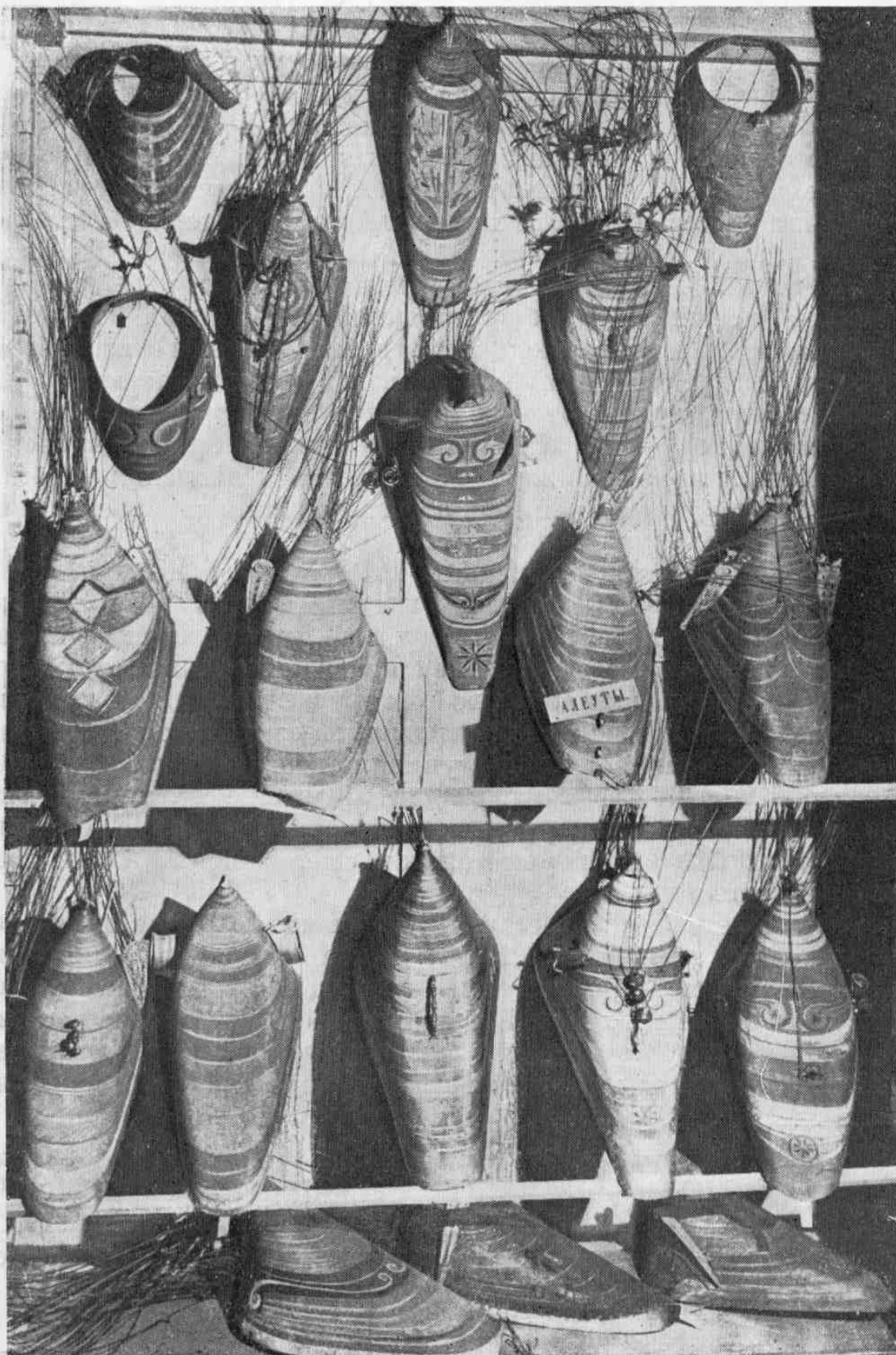

Рис. 59. Охотничьи шляпы алеутов. (Музей антропологии и этнографии АН СССР, Ленинград).

побережье Охотского моря, Алеутские острова и берега Северной Америки вплоть до о. Калька,¹ а для отечественных музеев собрано большое количество экспонатов.

В этой коллекции имелось 156 птиц и животных «с Восточного океана» и 78 «платей и инструментов», «оружия и орудий». Основная масса собранных предметов характеризовала быт чукоч, ламутов и других народов, населяющих крайний северо-восток Азии, а также предметы с «островов против Америки лежащих» («алеутская парка из птичьих животов», «рубашка из кишек морских животных», «ожерелье из зубов», корзины и др.), с Гавайских островов (одежда из меха суслика, стрелы, лук) и от «американцев» (т. е. североамериканских индейцев, — Т. С.), которые живут «против чукчей», а именно: 2 лука, кинжал, очки против ослепления, краски и кисти американских женщин, стрелы, накидка военная из перьев и ряд других предметов.²

Основной приток коллекций по природе и быту народов Северной и Южной Америки все же относится к началу XIX в. Сбор их и доставка большей частью были связаны с деятельностью Российско-американской компании и кругосветными путешествиями, ею организованными. Значительная часть этих коллекций по этнографии сохранилась до наших дней и представляет собою уникальную ценность, так как включает в себя предметы, характеризующие культуру и быт ряда племен североамериканских индейцев, которые вымерли или были физически уничтожены американской «цивилизацией»³ (рис. 61).

Кругосветные путешествия, совершенные русскими мореплавателями в начале XIX в., «составили эпоху в истории географической науки».⁴ Они возникали в поисках более удобных и дешевых путей сообщения с русскими владениями в Америке и обогатили мировую науку крупнейшими открытиями. Благодаря этим путешествиям было найдено и нанесено

¹ Описание этого путешествия см.: Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному Океану в продолжении осьми лет при Географической и Астрономической Морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 год, ч. ч. I, II. СПб., 1802.

² Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1894, г. § 164; ф. 2, оп. — 1827 г., № 3, л. 13; ф. 3, оп. 8, № 14.

³ См. коллекцию И. Г. Вознесенского (Архив МАЭ, колл. №№ 570, 571, 593, 620, 868 и др.).

⁴ Л. С. Берг. Очерки по истории русских географических открытий. М.—Л., 1949, стр. 127.

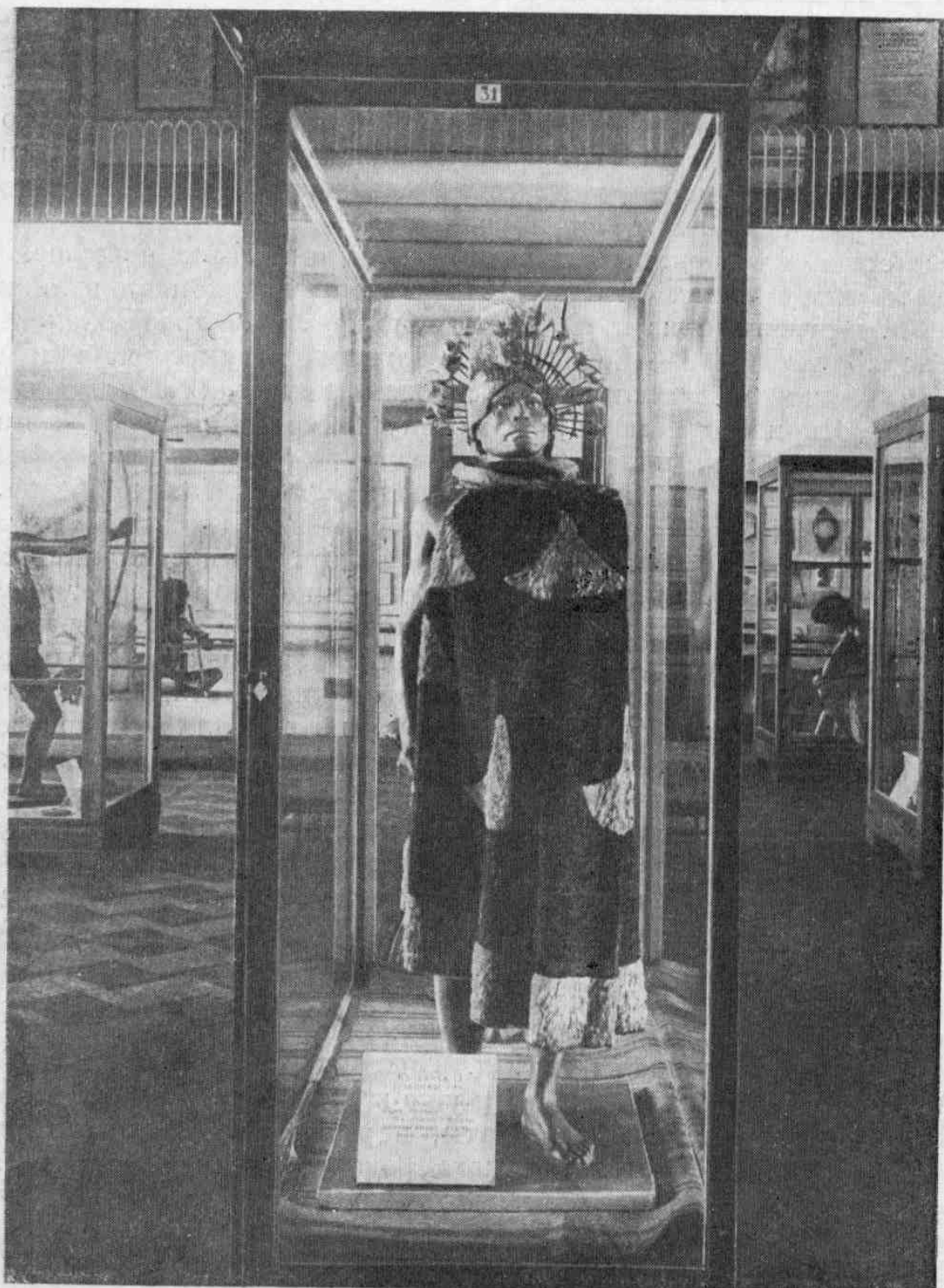

Рис. 60. Костюм военного вождя Гавайских островов. (Музей антропологии и этнографии АН СССР, Ленинград).

на карты мира множество островов в Тихом Океане и Антарктике, открыт материк Антарктида, исправлены ранее составленные карты, накоплен громадный фактический материал по океанографии, ихтиологии, биологии, зоологии, ботанике и этнографии большого количества совершенно неведомых до того времени областей и народностей.

Первое кругосветное плавание русскими было совершено на морских судах «Надежда» и «Нева» под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского. Оно продолжалось более 3 лет (1803—1806 гг.) и обогатило науку громадным фактическим материалом по островам Тихого Океана, Камчатке, Японскому морю, Сахалину и русским владениям в Америке. Так, например, экспедицией были произведены многочисленные съемки в северо-западной части Тихого океана, собран громадный материал по этнографии и языкам ряда народов, позволивший составить словари южносахалинских айнов и чукоч, коллекции по естественно-историческим дисциплинам. Руководители этой экспедиции — Н. П. Резанов и И. Ф. Крузенштерн — были избраны членами-корреспондентами Академии Наук и получали устные и письменные инструкции от академиков. Так, И. Ф. Крузенштерн для усовершенствования в астрономических наблюдениях консультировался с акад. П. Б. Иноходцевым,¹ а для руководства сбором материала для Кунсткамеры был снабжен письменными наставлениями академиков В. М. Севергина и А. Ф. Севастьянова под названием «Инструкция для предполагаемого путешествия около света по части минералогии и в отношении теории земли»² и «Инструкция по части зоологической».³

Чтобы облегчить сбор коллекций, экспедиция запаслась различными предметами для обмена: яркими тканями, инструментами, безделушками и т. д. Инструкторская деятельность Академии не пропала даром,⁴ и уже в скором времени в Петербург были привезены экспонаты, пересланные с различными okaziyami. Ряд отметок о такого рода поступлениях имеется в Протоколах Конференции Академии Наук за 1804—1805 гг.

¹ Протоколы АН, т. IV, стр. 1033, § 337.

² Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1803 г., § 169.

³ Там же, § 176.

⁴ Работники Академии инструктировали и участников других экспедиций. В Архиве АН сохранились инструкции В. М. Севергина, А. Ф. Севастьянова и Г. А. Смеловского, составленные для отправлявшегося в Бухару офицера генерального штаба Гавердовского, инструкция для членов «духовной миссии» в Китай и др. (см.: Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1802 г., § 345; ф. 2 — 1819 г., № 41, л. л. 3—109, и т. д.).

Рис. 61. Одежда атабасков из замши. (Музей антропологии и этнографии АН СССР, Ленинград).

Так, 1 мая 1804 г. была сделана запись о присланных «из кругосветного вояжа» 26 рисунках редких птиц, а также упоминалось, что получено извещение о высылке 2 коллекций. Первая из них, состоявшая из заспиртованных насекомых и животных, была отправлена морским путем, а вторая, состав которой не перечисляется, — сухопутным.¹ Однако основные собрания путешественники привезли сами в 1806 г. Одна часть из них была передана в Музей Адмиралтейского департамента,² другая 9 декабря 1806 г. была поднесена капитаном Лисянским Петербургской Кунсткамере с описью, озаглавленной «Каталог искусственным вещам и одежде разных европейских, азиатских и американских народов».³ В этом каталоге имелось 83 номера и под каждым числились различные этнографические предметы с Сандвичевых островов («идол сандвичский», оружие, утварь, веера, куклы, сетки для рыбы, 7 образцов тапа — материала из подкоркового слоя дерева), с Маркизовых островов (6 образцов ткани, миска, топор и «голова маркезская, разбитая камнем во время сражения»),⁴ а также значительное число экспонатов из Северной Америки. Последняя группа предметов характеризовала одежду и утварь, средства передвижения, промыслы и религию колошей⁵ и других североамериканских племен, обитавших близ центра русских поселений в Тихом океане — о. Кадьяка.⁶

В документах не имеется никаких указаний о той помощи, которую оказывали при сборе этих коллекций работники Российско-американской компании, и в частности правитель ее А. А. Баранов. Однако биографы Баранова подчеркивают интерес этой яркой личности к музейным ценностям. В своей резиденции на о. Ситхе, впоследствии получившем его имя, Баранов устроил нечто вроде музея, в котором имелись образцы живописи, скульптуры, а также художественно оформленные изделия местных жителей, быт и обычаи которых были ему хорошо известны.

В качестве натуралиста в первом кругосветном плавании принял участие акад. Г. И. Лангсдорф. Им были собраны об-

¹ Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1804 г., § 203.

² Там же, ф. 2, оп. — 1827 г., № 3, л. 13.

³ Там же, ф. 142, оп. 1 — 1719—1927 гг., № 108, л. 1.

⁴ Там же, ф. 1, оп. 2 — 1807 г., § 20.

⁵ Там же, ф. 142, оп. 1, № 108, л. л. 2—8; Архив МАЭ, Журнал поступлений за 1719—1836 гг., стр. 44 и др.

⁶ Остров Кадьяк считался административным центром русских владений в Америке с 1784 по 1804 г.

ширные коллекции птиц и животных,¹ а также составлены 3 каталога бразильских пернатых, которые и были пересланы в Кунсткамеру Н. П. Резановым.² Лангсдорфом же были подобраны значительные коллекции насекомых и рыб.³ Он возвратился из путешествия в 1806 г., а в 1808 получил предписание выехать «для наблюдения естественной истории» в Бухару, однако, в связи с отменой отправлявшейся туда торговой миссии, доехал лишь до Оренбурга⁴ и ограничился сбором коллекций в степном крае России, которые также передал в Кунсткамеру. Несколькими годами позже (1812 г.) этот неутомимый исследователь отправился в Бразилию, где продолжал свои изыскания, снабжая Петербургскую Кунсткамеру богатейшими коллекциями.⁵ За время с 1812 по 1829 г. он совершил 2 длительные экспедиции по Бразилии, первоначально (1812—1820 гг.) в качестве русского консула, а затем (1820—1829 гг.) как руководитель комплексной экспедиции, в которую входили ботаник, зоолог и 3 художника. Основная масса собранных ими коллекций освещала естественную историю этой страны, столь мало известной в начале XIX в. Вот краткий перечень доставленных им в Кунсткамеру коллекций: 1815 г. — собрание птичьих шкурок (рис. 62) из Бразилии;⁶ 1821 — коллекция по зоологии, включающая в себя шкуры и чучела редчайших видов обезьян (*Cavia cariboga*, *cavia acutu* и др.), шкурки птиц (365 видов), в числе которых имелись крайне редкие виды хищников, а также прекрасный экземпляр каймана;⁷ в конце того же года — еще 13 ящиков, содержащих шкурки птиц, различных млекопитающих, минералы (шпаты, хрустали, кварцы, различные руды, кусок ископаемого дерева, уголь «в зернах», «фарфоровая земля») и другие коллекции, всего в количестве свыше 1400 предметов, а также гербарий и собрание насекомых, насчитывающее более 12 000 образцов.⁸ В 1822 г. была доставлена большая коллекция по флоре и фауне Бразилии. В числе собранных предметов име-

¹ Шкурки этого собрания были обработаны и набиты чучельщиком П. Филипповым, работавшим в последующие годы при Кунсткамере и совершившим ряд поездок с аналогичными целями (Архив АН, ф. 2, оп. — 1805 г., № 1, л. 25).

² В. Ф. Г н у ч е в а. Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX в. М.—Л., 1940, стр. 150.

³ Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1808 г., §§ 192, 199 и др.

⁴ Там же, §§ 315, 437 и др.

⁵ Н. Г. Ш п р и н ц и н. Экспедиция академика Лангсдорфа в Бразилию. Сов. этногр., 1936, № 1, стр. 110.

⁶ Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1815 г., § 61, №№ 1—16.

⁷ Там же, оп. — 1821 г., § 118, л. л. 1 и 2.

⁸ Там же, § 207, л. л. 1 и 2.

лась шкура боа-констриктора,¹ а также ряд коллекций по этнографии, в частности прекрасные зарисовки жилищ, утвари, костюмов и оружия бразильских племен и их антропологических типов.²

Рис. 62. Бразильская птица из Кунсткамеры. Гравюра 1823 г.

Особую гордость Лангсдорфа вызывало одно из энтомологических собраний, насчитывавшее более 6000 образцов,³ специ-

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 1805 г., № 1 — 1805—1829 гг., л. л. 89—91.

² Н. Г. Шпринцин, ук. соч., стр. 3—6. — Некоторые из привезенных им птиц описаны Севастьяновым в «Трудах Академии Наук», 1823, ч. 2, стр. 174—177.

³ Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1821 г., § 118, л. л. 1 и 2.

альное собрание редчайших бабочек из Бразилии, Новой Голландии и Китая, которые были частично собраны самим ученым, а частично выменены им же на дублиеты.¹ Часть этих насекомых (4300 экземпляров) была описана в «Видовом каталоге», составленном Лангсдорфом, и датирована 15 июня 1821 г. Этот каталог, сохранившийся до наших дней в Архиве Академии Наук СССР, начинается с краткого описания природы Бразилии и, в частности, ее растительного мира, способствовавшего развитию столь большого количества травоядных насекомых «самых причудливых по форме, самых блестящих и разнообразных по окраске и наиболее интересных для науки».² Из введения к этому каталогу известно, что он был составлен Лангсдорфом по классификации, апробированной видным энтомологом того времени П. А. Латрейлем.³ Весь включенный в него материал разделен, в соответствии с последними классификациями того времени, на 7 отрядов, а именно: отряд жесткокрылых, прямокрылых, полужесткокрылых, сетчатокрылых, чешуйчатокрылых, двукрылых и паукообразных.

В письме, сопровождавшем присланные им коллекции и адресованном в Конференцию Академии Наук, Лангсдорф просил «принять сии предметы в знак его безкорыстия, приверженности и усердия к усовершенствованию естественных наук».⁴ В ответном письме Конференция сообщала, что отдает полную справедливость «сим чувствам» ученого и принимает присланные коллекции для «обогащения Музея с достою благодарностью».

Это подношение обогатило Кунсткамеру Петербургской Академии Наук многочисленными коллекциями по Бразилии, равных которым не было ни в одной стране Европы.

В 1819 г. для открытия новых земель в Антарктике Морское министерство снарядило на судах «Восток» и «Мирный» экспедицию. Начальником Первой русской антарктической экспедиции и капитаном флагманского корабля «Восток» был назначен участник первого русского кругосветного путешествия — Ф. Ф. Беллинсгаузен, а командиром «Мирного» — опытный моряк, впоследствии знаменитый адмирал М. П. Лазарев.

¹ Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1819 г., § 32, л. л. 1 и об., 2 и об.

² Там же, оп. 2 — 1821, § 225, л. л. 2—7.

³ П. А. Латрейль — французский естествоиспытатель, президент Общества энтомологов, будучи последователем системы Линнея, углубил ее в части энтомологической и выпустил значительное количество работ, посвященных этой тематике.

⁴ Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1821 г., § 118, л. л. 1 и 2.

Для того чтобы «приумножить сведения о земном шаре и ознакомить дикие народы с европейцами, а европейцев с дикими, также приумножить познания в Естественной Истории», в состав экспедиции был введен проф. астрономии Симонов, «по живописной части» — акад. П. Н. Михайлов, а в качестве естествоиспытателей — некий Мертенс и Кунце.¹ Однако в последний момент оба они ехать отказались, и экспедиция осталась без биологов. «Мы, — возмущенно писал Беллинсгаузен, — сожалели и теперь сожалеем, что не было позволено идти с нами двум студентам по части естественной истории, из русских, которые сего желали, а предпочтены им неизвестные иностранцы».²

В соответствии с инструкциями Адмиралтейства экспедиция должна была производить астрономические, океанографические и метеорологические наблюдения, а в случае открытия новых земель определять их местоположение и заносить на карту. На всех местах стоянок предписывалось подробно узнавать «нравы народов, их обычаи, религию, военные орудия, род судов, ими употребляемых».³ «По части химии, — говорилось далее в инструкции, — нужно обращать внимание по всем изысканиям, до сей науки относящимся, замечать краски, употребляемые народами для окрашивания их изделий», и др. «По анатомической части. . . вникать в познание всего того, что относится до изменений в человеческом роде, как-то: в цвете, росте, сложении и проч.», не упуская также возможности разузнать внутреннее строение тел неизвестных народностей. По зоологии — собирать наблюдения «относительно сей части и сколько возможность позволит — коллекцию». По минералогии и ботанике — собирать фактические данные и коллекции, подробно записывая свойства тех, которые еще мало известны. Живописцам предписывалось увековечивать верное изображение всех заслуживающих любопытство предметов,⁴ как то: «виды всех мест, примечательных, где случится быть, также портреты народа, их одеяние и игры».⁵

¹ Двукратные изыскания в южном Ледовитом Океане и плавание вокруг света в продолжении 1819, 20 и 21 годов, совершенные в шлюпах Восток и Мирный под начальством капитана Беллинсгаузена, ч. 1. СПб., 1831, стр. 12—13.

² М. Р а й х е н б е р г. Русские в Антарктике. Наша страна, 1939, № 3, стр. 31.

³ Беллинсгаузен, ук. соч., стр. 20.

⁴ Там же, стр. 40—41.

⁵ Л. С. Б е р г. Русские открытия в Антарктике. Изв. Геогр. общ., 1949, № 2.

Командир экспедиции должен был вести дневник, в который следовало заносить «все, что случится увидеть где-нибудь нового, полезного, или любопытного, не только относящегося к морскому искусству, но и вообще служащего к распространению познаний человеческих».¹ Составленный дневник представляет собой 2-томное сочинение, подробно описывающее ход путешествия. На страницах его неоднократно встречаются упоминания и описывается, каким образом происходило приобретение или, вернее, выменивание коллекций для Музея. Дневник упоминает об упаковке «различных изделий», а кое-где перечисляет их. Так, например, на о. «Отаити» (Таити, — *Т. С.*) были с этой целью выменены «разные отаитские ткани», «пики и другие оружия», «ракушки»,² «крючки из раковин», «кораллы» и другие «собранные редкости».

Плавание «колумбов» Антарктики, Беллинсгаузена и Лазарева, продолжалось 751 день и имело своим результатом значительное количество открытий: суда обогнули Антарктический материк, открыли и нанесли на карту ряд новых земель и островов [о-ва Моллера, Барклая-де-Толи, Ермолова, Кутового, Чичагова (Полинезия), Петра I (Арктика) и др.]; собрали громадный фактический материал по различным областям знаний и богатые коллекции для русских музеев. Коллекции эти, состоявшие «из различных естественных произведений (главным образом чучела зверей и птиц, — *Т. С.*), одежды и орудий диких народов», были переданы в 1828 г. в Кунсткамеру, являя собой памятники русских открытий в Антарктике.

Географические открытия завоевали нашему отечеству преимущественные права на охоту в водах Антарктики, которые советскими китобоями успешно используются и по сей день.

Одновременно с этими коллекциями в Кунсткамеру из Адмиралтейского музея поступило еще большое количество экспонатов, переданных туда русскими путешественниками и «морскими офицерами, совершившими плавание вокруг света».³

В 1826—1829 гг. было совершено очередное кругосветное плавание, на этот раз на кораблях «Сенявин» и «Моллер», под командованием Ф. П. Литке и М. Н. Станюковича. Описанию

¹ Л. С. Берг, ук. соч., стр. 35.

² Там же, стр. 27, 42.

³ Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1827 г., § 462; ф. 2, оп. — 1827 г., № 3. л. 13.

этого путешествия посвящен труд Ф. П. Литке «Путешествие вокруг света на военном шлюпе „Сенявин“». ¹

Помимо большого числа открытий в области географии и океанографии, экспедиция, в состав которой входили адъюнкт Академии Наук ботаник А. К. Мертенс, адъюнкт минералог и одновременно художник А. Ф. Постельс и художник Г. Китлиц, собрала значительный материал по есте-

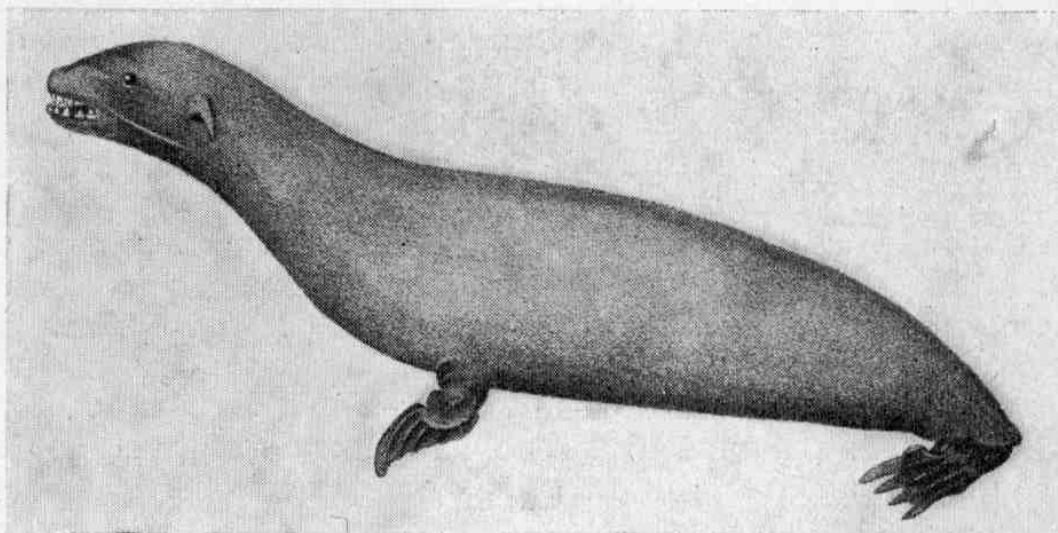

Рис. 63. Золотой тюлень из Кунсткамеры. Гравюра 1823 г.

ственной истории и этнографии посещенных ею областей. Для характеристики собранных коллекций обратимся к записям самого Ф. П. Литке. В области зоологии, сообщает он, «собрано несколько редких видов летучих мышей и один новый вид тюленей (рис. 63); сто видов пресмыкающихся животных, триста видов рыб, сохраненных в спирте, многие между ними еще мало известны, а другие совершенно новые, сто пятьдесят видов черепокожих, около семисот видов насекомых, значительное собрание раковин, 300 видов птиц в 750 экземплярах» и др. ²

По ботанике, сообщает Литке, был собран травник, заключающий до 2500 явнобрачных растений с включением папоротников, «собрание поростов или фикусов, которые по коли-

¹ Литке. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин». СПб., 1834—1836.

² Этим собранием впоследствии очень заинтересовался известный французский палеонтолог, автор зоологической классификации, Кювье, который тщательно изучил эти коллекции и дал названия всем новым видам.

честву и разнообразию заключающихся в нем неделимых, едва ли найдет себе подобное среди привезенных подобной экспедицией»; по геологии: «горнокаменные породы — число их простирается до 330», по этнографии: «общими трудами составлено богатое собрание одежды, орудий, утвари и украшений».¹

Наиболее редкие экземпляры рыб, птиц, животных и бытовых предметов на месте были зарисованы художниками экспедиции. Эти зарисовки составили большой альбом,² отдельные рисунки из которого были опубликованы в трудах Ф. П. Литке.

В сентябре 1829 г. по договоренности с начальником Главного морского штаба, А. С. Меншиковым, было решено «все привезенные на шлюпе „Сенявин“ вещи к естественной истории и художествам принадлежащие, кроме предметов до мореплавания и морских наук относящихся, кои должны остаться в морском ведомстве», передать в ведомство Академии Наук.³ Собранные коллекции были сданы участнику экспедиции, ботанику Мертенсу, который в возмещение за издержки, понесенные им для Академии в продолжение совершенного им путешествия (приобретение инструментов, стеклянных и фарфоровых сосудов, химикалий, бумаги, красок и «разных вещей, назначенных в подарок обитателям южного моря»), получил крупное денежное вознаграждение.⁴ Научный архив экспедиции также поступил в ведение Академии Наук.

Существенный вклад в дело обогащения отечественных музеев, в том числе и Кунсткамеры Академии Наук, зарубежными коллекциями внесли также различные русские люди, выезжавшие за пределы страны в составе торговых или дипломатических миссий.

А. К. Лаксман, сын уже известного нам акад. К. Г. Лаксмана, был в 1792—1794 гг. послан в Японию для переговоров об установлении торговых отношений. Свое пребывание в этой стране он использовал и для сбора коллекций, каталог которых опубликовал в печати.⁵ Часть этого собрания («60 раковин и других морских произведений, как из царства животных, так и из царства растений», «18 животных и насекомых сохраненных в винном спирте», «травник, состоящий из 65 полевых растений», «столько же зоофитов и морских произведений и

¹ Ф. П. Литке, ук. соч., М., 1848, стр. 10—11.

² Архив АН, р. IV, оп. 1, №№ 79—84; ф. 51, оп. 1, № 95 и др.

³ Там же, ф. 5, оп. 1 — 1829 г., № 20, л. л. 1, 2.

⁴ Там же, № 31, л. 1.

⁵ Nova Acta Academia, т. XIII за 1794 год, СПб., 1801, стр. 26—38.

несколько еще других редкостей Алеутских островов») была передана в Академию 16 июля 1794 г. В 1795 г. поступила другая коллекция из Японии, состоявшая главным образом из предметов искусства и быта. В ней значительный интерес представляли панно, исполненные на бронзовых досках черным лаком и золотом, одно из которых изображало вид Петербурга, срисованный, по всей вероятности, с завезенной туда современной русской гравюры (рис. 64). Сам факт изготовления панно на подобную тему представляет для нас интерес, ибо свидетельствует о наличии у японского народа интереса к русскому государству и, в частности, к облику столицы его. Помимо указанных выше предметов, в реестр были занесены образцы портретной живописи, акварели, различная лакированная утварь, монеты, разноцветная бумага, тушь, модель паланкина, оружие и т. д.¹

Получение японских коллекций значительно обогатило Кунсткамеру, так как известно, что вплоть до середины XIX в. Япония не впускала на свою территорию иностранцев и отказывалась торговать с ними, почему и культура этой страны была весьма мало изучена.

Это поступление от Лаксмана было не единственным. В архиве имеется ряд документов, показывающих, что он и в более поздние годы был ревностным пополнителем Музея, особенно в области минералогии.²

В начале 1805 г. русское правительство отправило чрезвычайное посольство в Китай. Наряду с дипломатами в состав его были включены проф. астрономии Ф. И. Шуберт и 3 адъютанта Академии — М. И. Адамс (зоолог и врач), И. И. Редовский (ботаник) и Ю. Клапрот (лингвист). Посольство направилось в Пекин по маршруту Иркутск—Кяхта—Троицкославск, но, в связи с возникшими разногласиями по вопросам церемониала (китайские чиновники требовали унижительных для представителей русского государства ритуалов), оно далее Урги не поехало и вскоре возвратилось назад. В результате этой поездки 3 марта 1806 г. Конференция получила несколько ящиков с засушенными растениями и семенами (более 222 образцов), которые были собраны Редовским по пути из Екатеринбурга в Кяхту.

Члены посольства вернулись в Петербург, а оставшийся в Иркутске Редовский прислал проект экспедиции в мало исследованные районы северо-восточной Сибири. 9 июля 1806 г.

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 8, №№ 12, 14, л. л. 6 и 7.

² Там же, ф. 1, оп. 2 — 1806 г., § 35.

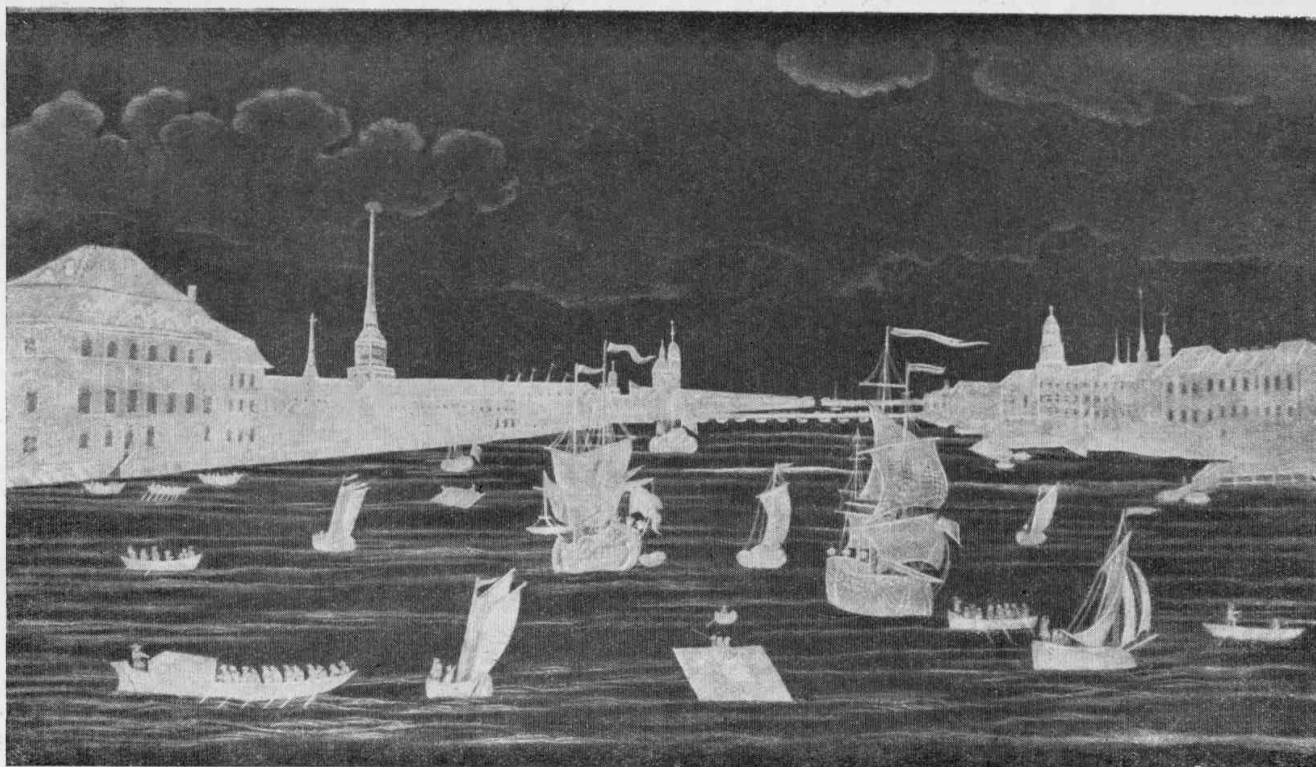

Рис. 64. Вид Петербурга. Роспись лаком по бронзе. Япония, 1795 г. (Музей антропологии и этнографии АН СССР, Ленинград).

Конференция Академии Наук проект этот утвердила и предписала Редовскому отправиться вместе с геодезистом Кожевиным для обследования Камчатки и Курильских островов.¹

Для оснащения экспедиции были выделены барометры, термометры, гидрометры и другие инструменты и книги,² а также написаны две инструкции. Первая из них посвящалась зоологии и указывала, что «хотя земля Камчатка относительно ее топографии и нравов жителей изящно описана бывшим там в 1738-м году профессором Крашенинниковым. . . но многие описания животных. . . весьма темны». Она перечисляла животных, особенно нуждающихся в дополнительном описании, и инструктировала относительно «орудий, нужных зоологу», — луп, микроскопов, щипчиков и других инструментов.³ Эта инструкция была написана акад. А. Ф. Севастьяновым; другая, «по части ботанической», — акад. Г. А. Сметловским.⁴

Экспедиция не была доведена до конца, ибо прервалась в Гичжинске из-за смерти Редовского.

7 апреля 1808 г. Конференция Академии Наук получила 2 ящика, содержащие коллекцию минералов, собранную Редовским,⁵ и коллекцию насекомых, присланную на его имя, каталог которой имел 119 названий.⁶ Из отчета о «наследии покойного Редовского» видно, что в Академию поступил ряд ящиков, включавших его архив, гербарий и набор тибетских лекарственных растений. Растения прибыли в довольно скверном состоянии, но петербургские ботаники приложили все усилия, чтобы спасти хотя бы часть из них, ибо в гербарии находились совершенно неизвестные растения, дотоле «невиданные еще ни одним ботаником».⁷

Другой участник несостоявшегося посольства в Китай, адъютант М. И. Адамс, в 1806 г. был отправлен в устье р. Лены для естественно-исторического исследования края и отыскания трупа мамонта, который был обнаружен в бухте на побережье Ледовитого океана купцом Романом Болтуновым еще в 1803 г. В результате этой поездки Кунсткамера обогатилась скелетом мамонта, 5 ящиками со шкурками птиц, 3

¹ Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1806 г., § 265.

² Там же, § 266.

³ Там же, ф. 37, оп. 1, № 4.

⁴ Там же, № 3.

⁵ Там же, ф. 1, оп. 2 — 1808 г., § 123.

⁶ Там же, § 146.

⁷ Там же, § 145.

ящиками ценных растений, собранных в районе р. Лены, и 7 ящиками с коллекцией минералов.¹

Существенную помощь в обогащении Кунсткамеры коллекциями оказывали дипломатические представители России в зарубежных странах. Так, например, гербарий североамериканских растений, состоявший из 6 томов с подробными реестрами, поступил в Музей от Козлова — русского генерального консула в Северной Америке,² а коллекция одежды с Филиппинских островов — от генерального консула Филиппин — Добеля.³

Многочисленные поступления прибывали и от правителя Российско-американской компании члена-корреспондента Академии Наук М. М. Булдакова, который присылал шкуры и чучела различных животных и птиц из Америки («крокодил из реки Гумбеза Западной Америки, из-под экватора», «топорок-птица из Ново-Архангельска», «глухыш», «рябчик калифорнийский», 3 сороки, «шкура черного волка») и из других областей («чучело редкого тигра с мыса Доброй Надежды», колючее растение с Сандвичевых островов, «касаткины челюсти» из Тихого океана и др.). Ему же Кунсткамера обязана и значительными коллекциями из Японии и, в частности, по культу последней: «Кумирни с идолами из залива Янива Острова Сахалина», «ящик лаковый со свечами», «раковина оправленная, употребляемая скитающимися духовными», «шапка духовными употребляемая», разные книги.⁴

Таким образом, ряд ученых и просвещенных деятелей, занимавших места в дипломатических миссиях и торговых компаниях, способствовали обогащению Кунсткамеры.

Не меньшую роль отечественные ученые и люди, близкие к науке, также сыграли в деле обогащения коллекций местным материалом. В числе таких активнейших пополнителей Музея в конце XVIII в. следует назвать Е. Р. Дашкову, которая пожертвовала в Кунсткамеру несколько минералогических коллекций, а в период своего управления Академией Наук

¹ Там же, оп. 2 — 1807 г., §§ 65, 96; 1808 г., § 24; оп. 133, №№ 12, 13, 15, 16. — Описание этого мамонта было составлено в 1809 г. П. Загорским, поместившим специальную статью по этому вопросу в «Технологическом журнале АН», 1809, т. VI, ч. 1, стр. 132—134.

² Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1821 г., § 389; оп. 1805 г., № 1; 1805—1828 гг., л. 78.

³ Там же, л. 87.

⁴ Там же, оп. 2 — 1814 г., § 117; 1819 г., § 166; ф. 2, оп. 1 — 1816 г., № 195 и др.

(1783—1796 гг.) приобрела для Музея значительное число ценных собраний: минералогическую коллекцию А. А. Нартова (1763 образца), две коллекции А. В. Раздеришина из Нерчинска, коллекцию Д. И. Хвостова (1935 экз.), Н. Я. Озерецковского (760 минералов), собрание с Урала И. Ф. Германа и многое другое.¹

Химик и минералог, вице-президент Горной коллегии, А. А. Мусин-Пушкин ряд лет работал по обследованию естественных богатств Кавказа. В 1796 г. он был избран почетным членом Академии Наук и получил ряд инструкций и специальных научных поручений от Академии.²

Помощником его являлся уже известный нам М. И. Адамс. В протоколах заседаний Конференции Академии Наук неоднократно упоминаются их имена в связи с присылкой с Кавказа посылок с минералами, гербарием, семенами и другими образцами местной фауны и флоры.³

Видную роль в увеличении числа отечественных коллекций сыграли академики В. М. Севергин и Н. Я. Озерецковский, имена которых нами уже неоднократно упоминались. Василий Михайлович Севергин был крупнейшим минералогом, продолжателем идей М. В. Ломоносова в этой области и страстным популяризатором научных достижений. Он написал большое количество трудов, в которых впервые в России и в Западной Европе заложил основы нового раздела минералогической науки — описательной петрографии, впервые дал четкое определение и классификацию горных пород и ввел новую научную терминологию в русскую литературу. В 1807 г. он составил 2-томный минералогический словарь, а в 1809 г. выпустил обширный труд под названием «Опыт минералогического землеописания Российского государства».⁴ Этот труд, подробно описывающий горные породы России в географическом аспекте по губерниям, явился осуществлением задачи, начатой еще М. В. Ломоносовым. С изданием этого научного свода по минералогии Севергин становится общепризнанным основополож-

¹ А. Ф. Гебель. Минералогический Музей. Сб. «Очерк истории музеев Императорской Академии Наук», 1865, стр. 62—63.

² Инструкция по минералогии была написана В. М. Севергиным, по ботанике — И. И. Лепехиным, а по исследованию производительных сил края — Н. Я. Озерецковским (см.: Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1800 г., §§ 36, 41, 45, 46, 52).

³ Протоколы АН, т. VI, стр. 886, § 55, стр. 1077; § 135. — Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1804 г., § 36; 1804 г., § 71 и др.

⁴ В. М. Севергин. Опыт минералогического землеописания Российского государства, ч. ч. I, II. СПб., 1809.

ником русской топографической минералогии и петрографии.¹ Из своих многочисленных экспедиций ученый присылает и привозит различные экспонаты для Кунсткамеры. Так, в 1803 г. от него поступает коллекция каких-то «естественных предметов», а в 1804 и 1805 гг. — минералы и чучела птиц, собранные в Финляндии.²

18 июля 1804 г. Конференция Академии Наук постановила передать В. М. Севергину ключи от Минерального кабинета и поручить ему «надзирание» за хранящимися в нем коллекциями.³ Сохранившиеся документы говорят о том, что Севергин отнесся со вниманием к научному руководству этим отделом музея. Он наладил научный обмен с рядом ученых и ходатайствовал о приобретении интереснейших коллекций того времени. Так, например, из протокола от 23 января 1805 г. (§ 44) мы узнаем, что из дублетного фонда Минерального кабинета была отобрана коллекция образцов русских ископаемых для норвежского ученого Цетти, который несколькими месяцами позже⁴ прислал взамен коллекцию из 94 минералов Норвегии.

В декабре следующего (1806) года по настоянию Севергина было решено приобрести коллекцию Шеншина, состоящую из «искусственных кристаллов, камней и металлов в 800 экземпляров, отборных редких минералов в 1200 экземпляров, редких раковин в 1500 экземпляров и кораллов в 100 экземпляров».⁵

С 1807 г.⁶ В. М. Севергин начинает работу по переделке минералогической экспозиции в соответствии с последними достижениями науки. Под его руководством составляются новые каталоги для русских и «чужеродных» минералов, первые из которых он располагает по системе Карстена и Гаю,⁷ а из русского дублетного фонда составляет коллекции по минеральной географии России.

Акад. Николай Яковлевич Озерецковский был по существу последним директором Кунсткамеры, которой он руководил

¹ А. И. Резников. Академик В. М. Севергин и его роль в истории петрографии. Прир., 1951, № 10, стр. 70—74.

² Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1804 г., § 114; 1805 г., § 19.

³ Там же, ф. 1, оп. 2 — 1804 г., § 292.

⁴ Там же, оп. 1^а, № 16 — 1805 г., § 512.

⁵ Там же, № 17 — 1806 г., § 483.

⁶ Там же, № 18—1807 г., § 36.

⁷ Карстен (1722—1852 гг.) — известный немецкий металлург, автор первого научного курса по металлургии железа «Eisenhüttenkunde». Гаю (1743—1822 гг., аббат Рене-Жюст) — французский минералог, создатель научной кристаллографии. Его именем назван минерал — «гаюин».

с 26 мая 1800 г.¹ вплоть до своей кончины, последовавшей 28 февраля 1827 г.² Он был связан с Академией Наук с юности. Попад в возрасте 17 лет в экспедицию И. И. Лепехина и живо заинтересовавшись деятельностью краевед-натуралиста, он проработал в этой области всю свою жизнь. Будучи широко образованным человеком, Озерецковский написал значительное количество ученых трудов, но более всего увлекался полевыми исследованиями. «Он для исследования натуральных вещей, — пишет директор Академии Е. Р. Дашкова в его характеристике, поданной в 1792 г. в Сенат, — целые восемь лет путешествовал по России как сухим путем, так и морями, собирая все естественные произведения для Академии. И в последнем своем путешествии по озерам Ладожскому и Онежскому, которым описание издал он в свет, открыл гору, гранатами изобилующую, близ Ладожского озера, железную руду на острове Валааме и множество мрамора на реке Тельме, впадающей в Онежское озеро. Сверх того собрал знатное количество различных минералов и других натуральных тел, которыми приумножил собрание редкостей в Императорской Кунсткамере».³

В течение последующей своей жизни Озерецковский совершил еще ряд путешествий, главным образом по Северному и Озерному краю, и продолжал «обогащать академические кабинеты» собранными им коллекциями.⁴ Излюбленным типом его работ были научные мемуары, которые отличались скрупулезной точностью, благодаря чему для специалистов, интересующихся краеведением и, в частности, исторической геологией и ботаникой, они не утратили своего интереса и по сей день.⁵

Озерецковский был страстным популяризатором научных достижений и много сил и времени положил на издание различных трудов для «распространения полезных знаний и воз-

¹ Протоколы АН, т. IV, стр. 815, § 90.

² С 6 марта 1797 г. вплоть до мая 1800 г. руководство Кунсткамерой было временно возложено на адъюнкта Академии — Ивана Фомича Буссе (Протоколы АН, т. IV, стр. 558, § 61), который был принят в Академию 19 сентября 1788 г. на место умершего унтер-библиотекаря Бакмейстера (Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 365, л. л. 169, 170). Недолгая работа Буссе носила чисто хозяйственный характер, а поэтому освещения в данной работе не получает.

³ Архив АН, р. V, оп. 0, № 3; ф. 3, оп. 1, № 403, л. 110. — М. И. Сухомятинов. История Российской Академии. Сб. Отд. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наук, вып. 2, СПб., 1875, стр. 314.

⁴ М. И. Сухомятинов, ук. соч., стр. 313.

⁵ В. Некрасов. Академик Н. Я. Озерецковский. Краеведение, 1927, № 1, стр. 73—74.

буждения любопытства к оным». Он стремился донести до народа эти знания также путем публичных лекций, организуемых непосредственно в помещении Кунсткамеры и сопровождавшихся демонстрацией музейных коллекций. Вынув из шкафа чучело животного, — вспоминает слушавший эти лекции в 1800 г. литератор Н. И. Греч,¹ — Озерецковский передавал его по кругу, «объясняя признаки стоявшим вокруг него слушателям». «С чувством искренней благодарности, — добавляет Греч, — вспоминаю об этих лекциях, доставивших случай к развитию моих понятий и к приобретению основательных сведений о некоторых предметах». Работа по популяризации знаний при помощи коллекций Музея являлась как бы логическим продолжением пути ученого. Помощником Озерецковского по Музею являлся Осип Петрович Беляев. Он работал при Кунсткамере и Библиотеке с 1783 г., первоначально в качестве переводчика,² с 1789 г. в качестве кунсткамерского «помощника»,³ а с 1797 г. — унтер-библиотекаря, в должности которого и проработал вплоть до дня своей смерти (1807 г.).

В 1793 г. Беляев опубликовал каталог-путеводитель по Императорскому кабинету.⁴ Этот каталог описывал мемориальную экспозицию Кунсткамеры, посвященную Петру I, и был снабжен многочисленными историческими справками и случаями из жизни, заимствованными как из уст очевидцев,⁵ так и из капитального труда о Петре I того времени — «Деяния Петра Великого» И. И. Голикова.⁶

В 1800 г. путеводитель был переиздан (рис. 65) с прибавлением второй и третьей частей, включающих «историческое описание всех вообще, как естественных, так и искусственных вещей, в Кунсткамере сохраняющихся»,⁷ и «описание российских и иностранных минералов, окаменелостей разного рода, кораллов и мадрепоров (особый вид кораллов, — Т. С.) и, наконец, как древних, так и новейших российских и иностранных монет».⁸

Издание, как указывает сам автор, было рассчитано не столько на тех, кто мог лично видеть собственными глазами

¹ Н. И. Греч. Воспоминания. Русск. архив, 1873, кн. 1, стр. 710.

² Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 365, л. л. 165—170; № 371, л. 160; № 384, л. 163 и др.

³ Там же, оп. 1, № 565, л. 833; оп. 2, № 155.

⁴ О. П. Беляев. Кабинет Петра Великого. СПб., 1793.

⁵ О. П. Беляев, ук. соч., СПб., 1800, отд. I, стр. 48, 51 и др.

⁶ Там же, отд. I, стр. 40, 41, 52, 59, 63 и др.

⁷ Там же, отд. II, стр. 287.

⁸ Там же, отд. III, стр. 276.

все сохраняющиеся в музее «сокровища, как для таковых, кои или по причине отдаленности, или по другим каким либо препятствиям, лишены удовольствия самолично оные видеть».¹

Часть вторая каталога начиналась с исторической справки, перечисляющей основные поступления до 1799 г. включительно, давала цифровые данные о фондах Академической библиотеки и затем, в связной форме, описывала анатомические, зоологические и этнографические коллекции Кунсткамеры.

Описания снабжены маршрутом, таблицами, в которых указано, в каком «ярусе» что выставлено, и многочисленными забавными анекдотами, а также описаниями нравов животных и людей. Особенно большое количество примечаний сопровождает описание этнографических коллекций. Здесь имеются сведения по антропологии и этнографии японцев, китайцев, алеутов, остяков, самоедов, тунгусов, бурят, киргиз, чукоч, персов, североамериканских индейцев и многих других.

Для составления примечаний по нравам животных автор, по всей вероятности, пользовался уже несколько устарелыми работами Бюффона, для этнографических — работами русских путешественников второй половины XVIII в., многие из которых были опубликованы к этому времени.

Часть третья каталога дает описание коллекций Мюнц-кабинета, геологического собрания и кораллов, экспонируемых в Кунсткамере. Описание их также перемежается таблицами и сопровождается многочисленными примечаниями, заимствованными в разделе, посвященном геологии, главным образом из «Путешествия» П. С. Палласа.

Связное и тщательно составленное описание хранящихся в Музее коллекций, наличие многочисленных примечаний, а также имеющиеся в ряде случаев ссылки на использованные источники указывают на то, что описанная работа переросла рамки каталога.

Для начала XIX в. она явилась своеобразной энциклопедией, дающей в несколько наивной, с нашей точки зрения, форме довольно значительный запас фактических данных по естественным наукам, истории и этнографии.

Назначение О. П. Беляева унтер-библиотекарем не оторвало его от столь хорошо изученных им коллекций Кунсткамеры. Как указывалось выше, носитель этой должности объединял в своих руках всю работу по Библиотеке и Кунсткамере, подчиняясь лишь директору этих учреждений из академиков.

¹ О. П. Беляев, ук. соч., Предисловие.

КАБИНЕТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ,

содержащее въ себѣ подробное описаніе воскового
Его Величества изображенія, военной и граждан-
ской одежды, собственноручныхъ Его издѣлій, и
всѣхъ вообще достопамятныхъ вещей, лично Вели-
кому сему Монарху принадлежавшихъ, и нынѣ въ
Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ
Кунсткамерѣ сохраняющихся, съ присовокупленіемъ
къ нимъ чешырехъ гравированныхъ фигуръ.

ИЗДАНО

по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію,
Императорской Академіи Наукъ Уншертъ-Библиотекаремъ
Осипомъ Бѣляевымъ.

Въ Санктпетербургѣ,
Печашано въ Императорской Типографіи
1800 года.

Рис. 65. Титульный лист описания Кунсткамеры О. П. Беляева.

На место «помощника» с 1797 г. был назначен титулярный советник Иван Алексеев, работавший до этого времени много лет при Музее в качестве чучельщика. Помимо него, в 90-е годы XVIII и начале XIX в. при Кунсткамере работали: студент Александр Кондратович, «у исправления письменных дел» Богдан Гер, рисовальщики — Александр Захаров и Николай Астапов и «маляр зверей и цветов Иоган Пецольт». ¹

Популярность Кунсткамеры к началу XIX в. еще более возросла. Приток посетителей был неистощим, и служащие Музея постоянно жаловались на «всегдашнюю доuku, причиняемую канцелярии любопытствующими видеть Кунсткамеру, настоятельными требованиями для входа билетов». ²

Кто же составлял основную массу посетителей Музея? Помещенная над дверями первого зала Кунсткамеры выдержка из Наказа³ Екатерины II: ⁴ «Хотите предупредить преступление? Сделайте, чтобы просвещение распространялось между людьми!» — казалось бы должна была нацеливать на обслуживание наименее культурных слоев населения. Однако эта выдержка, впрочем, как и весь «Наказ» в целом, являлась не более как лицемерными фразами, которыми императрица так любила прикрывать свою далеко не «демократическую» внутреннюю политику.

В объявлениях, периодически помещаемых администрацией Академии Наук в «Санктпетербургских Ведомостях», классовая политика дворянско-помещичьего государства сказывалась более откровенно. В конце объявлений имелся особый пункт, извещавший, что «ливрейные слуги и чернь совсем не будут впускаемы». ⁵ Эта оговорка крайне показательна. Она одновременно говорила о стремлении широких народных масс к просвещению и о тех препонах, которые господствующие классы царской России ставили на пути к нему.

Основной контингент посетителей составляли, повидимому, представители так называемых «средних классов» русского общества: мелкие чиновники и иной служилый люд, передовое купечество, учащая молодежь и количественно растущая с каждым годом военная и гражданская интеллигенция. В цитировавшихся выше записках Греча, в частности, упоми-

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 365, л. л. 165—169; № 384, л. 163; № 390, л. л. 187—270; оп. 2, № 155 и др.

² Там же, оп. 8, № 24, л. 3.

³ О. П. Б е л я е в, ук. соч., ч. II, стр. 19.

⁴ Этот наказ был составлен для комиссии, созванной в 1767—1768 гг. для выработки нового законодательства.

⁵ Санктпетербургские Ведомости, 1802, № 54.

нается, что «в числе слушателей были многие морские и горные офицеры».

К началу XIX в. относится появление даже своего рода «заявок» на коллективное посещение Музея. Так, например, среди документов сохранилось доношение правления Александровской мануфактуры, датированное июнем 1803 г., с просьбой предоставить ей 15 билетов на вход в Кунсткамеру.¹ В ответ на эту просьбу администрация Академии объявила, а позже поместила в «Прибавлении к „Санктпетбургским Ведомостям“» официальное уведомление, что в связи с большим количеством «любопытствующих» Музей будет открыт с 4 июля ежедневно целую неделю и впуск в него будет «беспрепятственно без билетов».² «Дабы от стечения множества любопытствующих зрителей не произошло какого-либо беспорядка», приказ по Академии гласил: «отрядить на то время в помещении унтер-библиотекарю Беляеву из канцелярии г. советника Попова, губернского секретаря Михайлова и канцеляриста Шиюхина, из гимназии студентов Тенигина, Горюнкова и Рябинина, равномерно быть при впуске экзекутору Ларионову и губернскому секретарю Кесареву, что им и объявить».³ Иначе говоря, ожидался очень значительный наплыв посетителей, поскольку, помимо штатных работников Библиотеки и Кунсткамеры, назначено было 8 дополнительных дежурных от Академии.

По регламенту Академии Наук 1803 г. количество штатных единиц, предназначенных для обслуживания Кунсткамеры и Библиотеки, оставалось почти неизменным. Штат их состоял из библиотекаря, помощника библиотекаря, надзирателя Музея, его помощника («из адъюнктов»), писца, чучельщика и 10 сторожей. Семь из них должны были находиться «без отлучки при назначенных им местах», наблюдая за чистотой помещения и сохранностью экспонатов.⁴

Библиотекарь и надзиратель Музея избирались Конференцией Академии из академиков, путем голосования. Они отвечали за целостность порученных им собраний, но по своей воле не имели права производить никаких перемен, за исключением «поправления оных или умножения». Каждый академик имел право вносить предложения, касающиеся улучшения

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 28, л. 1.

² Там же, л. 2; см. также: Прибавление к Санктпетбургским Ведомостям.

³ Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 28, л. 4.

⁴ Там же, ф. 2, оп. — 1805 г., № 1, л. л. 6 и 7; Протоколы АН, т. IV, стр. 1183—1185.

Библиотеки или Кунсткамеры, однако все коренные изменения решались Конференцией и только с одобрения президента.¹

В 1805 г. помощником надзирателя Музея числился, как нами об этом уже говорилось, Иван Алексеев. Из подробной инструкции, выданной ему в этом же году, выясняется, что к началу XIX в. функции помощника еще более сужаются. Соответственно этому расширяются функции «господ академиков имеющих надзирание над разными частями Музея», в руках которых хранились не только печати, но и «ключи от кабинетов и шкафов в Кунсткамере имеющихся». Для посылок и других нужд академиков, «имеющих над сими отделами надзирание», было назначено 3 вестовых, которые должны были в конторе Кунсткамеры «чрез целый день быть без отлучны и один из оных, чередуясь в оной ночевать».² Во главе отделов, к началу века, стояли следующие лица: минералогического кабинета — акад. В. М. Севергин; анатомического — адъюнкт, а с 1807 г. академик, П. А. Загорский и зоологического — акад. Ф. А. Севастьянов. Все они являлись крупными специалистами в своей области, авторами многочисленных научных работ. В периодических изданиях Академии Наук этого времени часто можно встретить работы В. М. Севергина, посвященные Минералогическому кабинету Кунсткамеры и различным вопросам минералогии, написанные по материалам Музея,³ труды по анатомии П. А. Загорского⁴ и зоологические работы Ф. А. Севастьянова.⁵

Во время руководства Кунсткамерой Озерецковским она значительно пополнилась новыми материалами в части зарубежных коллекций, поступивших из морских и сухопутных экспедиций, а также из вновь осваиваемых областей на Дальнем Востоке и в русских владениях в Америке. Сам ученый,

¹ Регламент АН 1803 г., §§ 117—119; Протоколы АН, т. IV, стр. 175.

² Архив АН, ф. 2, оп. — 1805 г., № 1 — 1805—1829 гг., л. л. 6 и 7.

³ Обзор Минералогического кабинета. Технолог. журн., т. XI, в. 1, 1814; Известия о воздушных камнях и аэролитах, хранящихся в музее. Там же, т. VIII, ч. II, 1811; О минералах с Камчатки. Тр. Акад. Наук, ч. III, 1823 и др.

⁴ Сравнительное описание слоновьего скелета. Умозрит. иссл. имп. Акад. Наук, т. I, 1808; Донесение о мамонте. Технолог. журн., т. VI, ч. 2, 1809; Обозрение человеческих уродов. Умозрит. иссл. имп. Акад. Наук, т. III, 1812, а также см.: т. IV, 1815, т. V, 1819 и др.

⁵ О мамонте. Технолог. журн., т. VI, ч. I, 1809; О новых открытиях. Умозрит. иссл. имп. Акад. Наук, т. I, 1808; т. III, 1812; Описание трех новых пород бразильских птиц из Музея. Тр. Акад. Наук, ч. II, 1823, и др.

однако, на передний план ставил изучение родной страны, которое, по его мнению, должно было проводиться прежде всего русскими учеными, входившими в состав Академии. «Чужестранные оной члены для России, — утверждал он, — бесполезны — ибо всякий чужестранец, пища не на русском языке, сообщает свои труды не России, собственно, но тому государству, на языке которого пишет». Мысль эта высказывалась Озерецковским в записке о состоянии Академии Наук, которая была составлена группой русских академиков с ним во главе и подана Александру I при вступлении его на престол. В этой же записке констатировалось, что наука в России и, в частности, ведущее научное учреждение страны — Академия Наук — находятся в совершенном тупике: одни из ценнейших членов ее умерли, другие состарились, а подготовка молодых кадров отечественных специалистов находится не на должной высоте, чем объяснялся и тот факт, что в начале XIX в. основная масса коллекций прибывала в Кунсткамеру от лиц, формально не связанных с Академией. Экспериментальная база отечественной науки, — продолжала записка, — Химическая лаборатория, Анатомический театр — не функционируют; Физический кабинет и Музей задыхаются от тесноты. Помимо этого, сообщалось там же, музейное собрание «не только не приумножается, но еще убывает, ибо, истребляющиеся от времени вещи не возобновляются другими, даже такими, которые в областях России в изобилии находятся».¹ Все изложенные в записке факты достаточно ярко иллюстрировали плачевное состояние, в котором находилась к началу XIX в. Академия Наук в целом, и настойчиво требовали реформ. Требовал реформ и Академический музей, хранение экспонатов в котором, действительно, из-за скученности было не на высоком уровне. Однако коренные изменения в его структуре были произведены лишь четверть века спустя, и руководитель его — Н. Я. Озерецковский делал все возможное в этих условиях для сохранения и пополнения коллекций по различным областям России. К числу таких попыток можно отнести предпринятое в 1811 г. «путешествие чучельщика Филиппова в Астрахань».² Поездка эта была тщательно подготовлена. Петр Филиппов — опытный мастер, принимавший участие в экспедиции Лангсдорфа, получив различное оружие (фузея, штуцер), инструменты и материалы,

¹ М. И. Сухомлинов, ук. соч., стр. 364.

² Архив АН, ф. 4, оп. 2 — 1811 г., № 614.

был отправлен в Астрахань «для стреляния и ловления зверей, птиц, рыб и насекомых».¹ Он прибыл туда 26 августа, но не смог как следует развернуть работу, так как начиналась уже осень, «в которое время года животные и прочее, кроме рыб, удаляются от астраханских предместий в южные места на далекое расстояние, то посему и достаточно достать не возможно до будущей весны, то есть когда оне возвратятся», — сообщал он в своем рапорте.² Академия начала переписку со своим корреспондентом в Астрахани А. И. Лохтиным об отправке Филлипова весной 1812 г. «для добывания больших животных как-то кабанов, коз и пр. . . . в калмыцкие владения»³ и 12 июня этого же года получила от него первую посылку, включавшую 20 чучел с реестром,⁴ и вскоре вторую.

Однако на этом, повидимому, дело и кончилось. Наступившая война с Францией отвлекла внимание от этой поездки, и в позднейших документах имеется лишь возражение на предложение наградить Филиппова, так как большая часть доставленных им животных, — говорится в отзыве, — «такие, которые находятся и здесь, и не таких животных, кои принадлежат собственно тому краю».⁵

В сентябре 1812 г., в дни величайшей опасности, нависшей над страной (2 сентября французские войска вступили в Москву), царское правительство «для предосторожности» распорядилось вывезти из столицы некоторые государственные ценности, в том числе ценности, хранившиеся в Эрмитаже и Академии Наук. В числе академических ценностей секретное распоряжение предписывало вывезти «нужнейшие бумаги из Академического Архива, самые драгоценные вещи в кабинетах находящиеся и восковое изображение Петра со всеми вещами к кабинету оного принадлежащими». Как явствует из дальнейшей переписки, для эвакуации из всей огромной массы архивных дел были отобраны только правительственные указы, журналы и протоколы Академии Наук, а также «дела, касающиеся до первого основания Академии».⁶ Из Библиотеки были отобраны лишь ценнейшие манускрипты, заполнившие 27 ящиков, а из коллекций Кунсткамеры «все

¹ Архив АН, ф. 4, оп. 2 — 1811 г., № 614, л. 16.

² Там же, ф. 2, оп. — 1805 г., № 1; оп. — 1805—1829 гг., л. 40.

³ Там же, л. 49.

⁴ Там же, л. 48.

⁵ Там же, л. 59.

⁶ Указ от 6 сентября 1812 г. (Архив АН, ф. 4, оп. 2 — 1812 г., №№ 34, 280, л. л. 2, 3, 40 об.

иностранные редкости, как-то китайские и японские» (32 ящика), «лучшие минералы и ископаемые» (5 ящиков), ценнейшие инструменты из Физического кабинета и весь кабинет Петра Первого с принадлежащими к оному редкостями». ¹ Приведенный список говорит о слепом преклонении администрации Академии Наук перед всем иностранным. В число спасаемых от возможной гибели русских национальных богатств прежде всего попадают иностранные, часто имевшие лишь рыночную ценность вещи, тогда как ценнейшие зоологические, минералогические и этнографические коллекции в число эвакуируемых предметов не были включены.

Укладка перечисленных вещей была закончена к 14 сентября и ящики, с соблюдением тайны, перевезены на Крохинскую пристань. ² Ответственным лицом за пересылку их был назначен акад. Севастьянов, получивший в свое распоряжение унтер-библиотекаря Богдана Гера, губернского секретаря Ивана Воробьева, 6 солдат и унтер-офицера Шигаева. ³ Перед отъездом всем сопровождающим было выплачено жалование и выданы теплые вещи. ⁴ Архивные документы, а также поступившие из академической типографии 300 медных досок с выгравированными картами и иллюстрациями были погружены на сойму, ⁵ а коллекции Кунсткамеры, к которым были присоединены не известные нам вещи из Медико-хирургической академии, — на галиот «Святой Николай». Оба корабля отправились в путь 29 сентября 1812 г. Назначение их первоначально было засекречено. В начале ноября того же года в Петербург поступил рапорт от ответственного за доставку архивных документов Ивана Воробьева, что сойма, на которой он отправился, «не взирая на все опасности которыми угрожали своими порогами Свирь и бурное Онежское озеро», прибыла по назначению в город Петрозаводск; где для хранения привезенных вещей он занял каменную кладовую, «способную для помещения и прочих академических вещей и безопасную от пожарного случая». ⁶ Что же касается галиота, то судьба его некоторое время оставалась неизвестной. Были предпри-

¹ Архив АН, ф. 4, оп. 2, № 280, л. л. 6—7, 51, 52 и др.

² Крохинская пристань находилась в бывшей Новгородской губернии, при истоке р. Шексны из Белого озера, и являлась основным перевалочным пунктом Мариинской системы.

³ Архив АН, ф. 4, оп. 2 — 1812 г., №№ 34, 280, л. 7; № 35, л. л. 48, 50, 51 и др.

⁴ Там же, № 35, л. 50.

⁵ Сойма — ладожское легкое парусное судно.

⁶ Архив АН, ф. 4, оп. 2—1812 г., № 34, л. л. 40 и 41.

няты розыски, в результате которых установили: «за неимением для препровождения чрез пороги нужных тяглов и по причине противного ветра», «Святой Николай» 25 октября 1812 г. остановился у деревни Капустино (в 100 км от Петрозаводска), «где оный по упорному льду от которого через два дни Свирь река замерзла, зимовать остановился».¹ Все находящиеся на нем вещи в полной сохранности были выгружены и сложены в деревне, но в связи с победами на театре войны, а также «по неудобству помещения» было решено не дожидаться весны, а вернуть вещи немедленно «сухим путем».

В помощь унтер-библиотекарю Геру был отправлен титулярный советник Степанов с 3 кунсткамерскими сторожами и унтер-офицером. «Для найма подвод и прочего» ему было выдано 600 рублей, которых оказалось далеко не достаточно. Из отчета Степанова известно, что доставка каждого пуда вещей в столицу обошлась по 1 руб. 25 коп., что при общем их весе в 812 пудов составляло сумму в 1015 руб., а с покупкой необходимых упаковочных материалов и теплых вещей для сопровождающих обоз сторожей — 1247 руб. наличными.²

13 декабря 1812 г. все отправленные в Петрозаводск вещи были водворены в Архив и Кунсткамеру.³

В ближайшее же время коллекции были разобраны (и постепенно расставлены в 11 залах, из-за царившей там тесноты «хотя не совершенно в систематическом порядке, но разные предметы отделены один от другого и расставлены по возможности и удобству местоположения в довольно красивом виде».⁴ Одним из первых для обозрения был открыт отдел минералогии. Возглавлявший работу в нем Севергин разместил экспонаты по новой системе и снабдил их печатным этикетажом. В составленном им для публикации описании этого отдела⁵ он подчеркивал значение минералогии для народного хозяйства и призывал к практическому овладению основами этой науки. Роль Музея для подобных целей, — указывает он, — незаменима, ибо «каждый минеральный кабинет есть собрание первоначальных литер, извлеченных из той великой книги Природы, коей содержание скрыто в нед-

¹ Архив АН, ф. 4, оп. 2 — 1812 г., № 34, л. 42.

² Там же, л. л. 50, 60, 62; № 35, л. л. 60 и 61.

³ Там же, № 34, л. 62.

⁴ Там же, ф. 2, оп. — 1827 г., № 3, л. 13.

⁵ В. М. Севергин. Обзорение Минерального кабинета императорской Академии Наук. Технолог. журн., т. XI, ч. 1, 1814, стр. 1—115.

рах земного нашего шара. Цель его есть чтоб по оному подобно как по азбуке добираться до истолкования смысла оныя книги. Истинную пользу же приносит он тогда, когда вещи к оному принадлежащие собраны, приноровлены и расположены так, чтоб мы в сей азбуке могли уразуметь все те отличительные знаки, кои природа в них напечатала».¹

Руководствуясь изложенными целями, Севергин развернул экспозицию по-новому: в старых помещениях Минералогического кабинета он оставил коллекции русских и иностранных минералов, а в большом зале 2-го этажа, занимаемом ранее Библиотекой, разместил «Учебный кабинет» по системе Гаю и Географический «по системе, названной отечественной», т. е. по 2 принципам — систематическому и географическому, по губерниям. В нем были представлены минералы Петербургской, Московской, Новгородской, Тверской, Витебской, Эстляндской, Финляндской, Олонецкой, Вологодской, Пермской, Томской, Иркутской губерний, Курильских и Алеутских островов,² Грузии, Валахии и других областей России.³

¹ В. М. Севергин, ук. соч., стр. 27.

² Первые образцы с Курильских островов поступили в 1775 г.

³ В числе экспонатов, характеризующих минеральные богатства Петербургской губернии, имелся ряд декоративных пирамид из топазов и других встречавшихся в этой губернии камней, которые были изящно обработаны и поднесены в Кунсткамеру (1770 г.) мастерами Петергофской гранильной фабрики (Архив АН, ф. 3, оп. 1, №№ 326, 377).

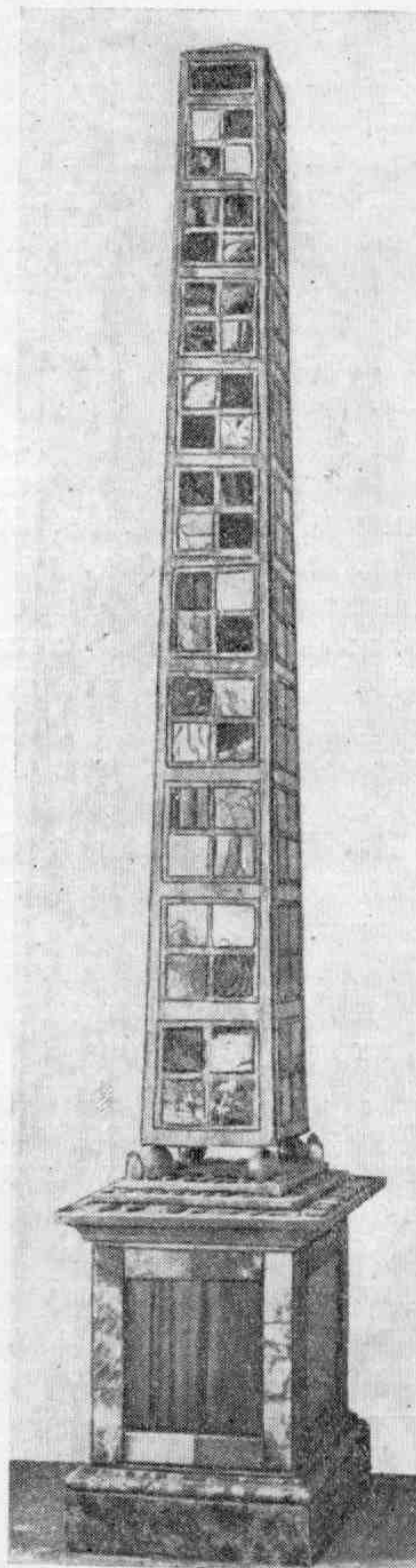

Рис. 66. Пирамида из русских самоцветов, поднесенная в Кунсткамеру мастерами Петергофской гранильной фабрики. (Минералогический музей АН СССР, Москва).

Центральную часть зала занимали модели кристаллов и заводских печей.

Предоставление библиотечного зала под музейную экспозицию объяснялось, по всей вероятности, тем, что надобность в большом читальном зале отпала. В этом (1814) году, в связи с открытием Публичной библиотеки,¹ большая часть посетителей стала пользоваться читальным залом последней, а служащие самой Академии работали там редко и раньше, предпочитая выписывать книги в свои служебные и домашние кабинеты.

Из-за громадной тяжести минералогических коллекций они вскоре были перемещены в зал 1-го этажа, также принадлежащий Библиотеке. Книги в этом зале, повидимому, продолжали оставаться, но по бокам и в центре его были размещены многочисленные «особые шкафы и столы», т. е. вертикальные и горизонтальные витрины с экспонатами.

Из нового путеводителя Севергина известно, что «Минеральный кабинет в новом оного перемещении, разборе и расположении» был вновь открыт для публичного обозрения в 1820 г.²

В «Прибавлении к Санктпетербургским Ведомостям» того же года это событие было отмечено специальным «Предупреждением».³

В центральной части вновь занятого зала и первой галереи его были помещены русские минералы. В галерее, налево от входа, — минералы иностранные, расположенные попрежнему, по системе Вагнера⁴ и Гаю. Здесь же были выставлены горные породы зарубежных стран, окаменелости, а также модели строения кристаллов, по всей вероятности, из упоминавшейся коллекции Шеншина, метеориты и аэролиты.

Образцы метеоров имелись в Кунсткамере в значительном количестве. Они поступали из Сибири,⁵ с Украины,⁶ из Белоруссии⁷ и даже служили предметом научного обмена. Такой обмен образцами был произведен с Венским музеем в апреле

¹ Библиотека Академии Наук СССР, 1728—1929. Краткий исторический очерк и путеводитель, Л., 1929, стр. 7.

² В. М. Севергин. Краткая опись Минеральному кабинету императорской Академии Наук по новому его расположению. СПб., 1821.

³ Прибавление к Санктпетербургским Ведомостям, 1820, № 93.

⁴ М. Вагнер — путешественник и естествоиспытатель, владелец богатой минералогической коллекции.

⁵ Архив АН, ф. 2, оп. — 1818 г., № 1.

⁶ Там же, ф. 1, оп. 1а, № 15—1804 г., § 2 — 1805 г., § 72.

⁷ Там же, № 20—1809 г., § 143.

1809 г., куда были посланы аэролиты, найденные близ Смоленска и Харькова.¹

В центре зала были выставлены «Палласово железо», «смоленский аэролит», «эльбское железо» и различные магниты.²

Вопрос о метеоритах в это время вызывал, повидимому, горячий интерес русского общества, в результате чего в литературе появляется ряд работ, специально им посвященных. Такими являются прежде всего «Известия о воздушных камнях, или аэролитах, хранящихся в музее» В. М. Севергина,³ работа члена-корреспондента Академии Наук Т. С. Борноволокова «О камнях, падающих из атмосферы» и др.⁴

Общее количество образцов минералов, помещенных на экспозиции, достигало 20 тыс.

В других отделах Музея, расположенных в 1-м этаже здания, также были произведены кое-какие нововведения, главным образом по линии пополнения. Сбору зоологических коллекций было посвящено уже немало страниц в данной главе работы. Что касается анатомического собрания, то оно хотя и менее интенсивно, но неуклонно продолжало пополняться. Сведения об этом имеются как в литературных источниках,⁵ так и в документах. В числе пополнителей Музея можно встретить представителей самых различных слоев русского общества. Так, например, от мастерового Сестрорецкого завода Исаака Панружева поступил 2-головый теленок — монстр,⁶ — а «два мертвые младенца женска пола сросшихся грудью и животами вместе и имеющие настоящее основание человека» — от знаменитого полководца Михаила Илларионовича Кутузова.⁷

Значительный интерес также представляла расположенная в круглом зале 1-го этажа выставка кораллов, мадрепоров, раковин и «разных морских произведений», поступавших в изобилии из дальневосточных экспедиций и кругосветных «вояжей» русских мореплавателей. Книги, рукописи, монеты и другие экспонаты Азиатского кабинета, об образовании которого будет сказано ниже, экспонаты из Египта, влившиеся впоследствии в специальный Египетский музей, разместились

¹ Там же.

² Там же, ф. 4, оп. 2 — 1820—1821 гг., № 104, л. 4.

³ Технологический журнал, т. 8, ч. II, 1811.

⁴ Там же, т. 8, ч. IV, 1811.

⁵ О. П. Беляев, ук. соч., ч. II, стр. 18.

⁶ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 552, л. 82 об.

⁷ Там же, оп. 8, № 59, л. 2.

в служебных кабинетах восточного крыла здания. В связи с коллекциями Азиатского кабинета вспоминается имя другого прославленного полководца России — Александра Васильевича Суворова, приславшего в Кунсткамеру из одного из своих походов «одинадцать тетрадей, писанные на разных азиатских языках», которые, как он выразился, могут иметь интерес «к основанию ариентальной грамматики».¹

Во 2-м этаже в 2 комнатах размещался «Императорский кабинет», в котором попрежнему экспонировалась «восковая персона» и мемориальные вещи Петра I, а в 3 залах (западном, восточном и круглом) — естественно-исторические коллекции. Они находились к этому времени в самом плачевном состоянии. Чучела млекопитающих и птиц, которыми Кунсткамера была столь богата в 70-х годах XVIII в., почти все к этому времени были уничтожены молью. При тогдашнем уровне консервации чучела могли сохраняться не более 30—40 лет, и акад. Озерецковский, несмотря на постоянную борьбу с молью, вынужден был списывать из музейного инвентаря и уничтожать зараженные чучела целыми партиями.²

Вновь прибывавшие для экспозиции предметы из-за отсутствия должного штата препараторов часто даже не распаковывались и лишь складывались, где возможно. Теснота, царившая в музее, была столь велика, что для хранения музейных коллекций использовался даже чердак, где хранился в нетронутых связках, в ожидании рассмотрения, академический гербарий.

Застой в академических делах и отечественная война 1812 г. также нанесли музейным коллекциям значительный урон. Из вновь поступавших коллекций выставлялись главным образом те, которые прибывали уже в виде готовых чучел. Так, были экспонированы зоологические коллекции Лангсдорфа, присланные из Бразилии, чучела из Африки и Америки, поступившие от Российско-американской компании, и ряд других. Однако и они были консервированы неудачно и очень скоро становились добычей моли.³

«Звери и чучела» из этих собраний, чучело азиатского слона и его скелет, скелет мамонта, а также млекопитающие и птицы, сохранившиеся из старых коллекций, были размещены в западном зале 1-го этажа. Круглый зал являлся как бы продолжением этой экспозиции. Для помещения «животных

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 336, л. 411.

² Протоколы АН, т. IV, § 103.

³ Ф. Ф. Брандт. Зоологический и Зоотомический музей. Сб. «Очерк истории Музеев императорской Академии Наук», СПб., 1865, стр. 6.

в спирту и раковин» был отведен восточный зал 2-го этажа.¹ Здесь под руководством тогда еще начинающего, а позже известного автора многочисленных работ по палеонтологии и сравнительной остеологии, которого высоко ценил и называл в качестве одного из своих предшественников Ч. Дарвин,² Христиана Ивановича Пандера,³ были размещены пресмыкающиеся, рыбы, суставчатые и мягкотелые животные в спирту и собрание раковин. Помощником Пандера был Э. П. Менетрие, работавший затем долгие годы в Зоологическом музее Академии Наук в качестве консерватора. Как видно из сказанного выше, в 20-е годы XIX в. в Кунсткамере не было специального помещения для экспонирования этнографических коллекций. Особенно интересные из них выставлялись, но не в специальном помещении, а вкрапливались как бы островками в уже описанные залы. Так, в круглом зале 2-го этажа были выставлены «этнографические предметы» и «разные произведения человеческого искусства», а в круглом зале 1-го этажа — «этнографические предметы и планетарий».⁴

Таким образом, в первой четверти XIX в. в стенах Академического музея — Кунсткамеры — скопилось громадное количество коллекций по естественной истории, искусству и этнографии, освещающих как самые разнообразные области и районы России — Финляндию, Кавказ, Среднюю Азию, Сибирь, Дальний Восток и др., так и различные зарубежные страны — Японию, Китай, Тибет, Филиппины, Австралию, Северную Америку, Бразилию, а также Гавайские и другие острова, носящие в наше время наименование Океании. Основным источником этих коллекций являлись частные собиратели и участники внеакадемических экспедиций.

Мизерный штат музейных работников, а также отсутствие в нем среднего научного персонала, необходимого для успешного разбора, определения и научного описания коллекций, приводило к тому, что большая часть поступавших коллекций, сложенная в нераспакованном виде, вовсе не использовалась в музейном и научном обиходе.

Богатые коллекции загружали ряд предназначенных ранее для экспонирования помещений, и, несмотря на то что экспо-

¹ Архив АН, ф. 2, оп. — 1827 г., № 3, л. л. 3—39.

² Б. Е. Р а й к о в. Эволюционная идея в трудах русских академиков. Вестн. АН СССР, 1946, № 3, стр. 43.

³ Х. И. П а н д е р — уроженец г. Риги, поступил в Академию в 1720 г. (Б. Л. М о д з а л е в с к и й. Список членов императорской Академии Наук 1725—1907 гг. СПб., 1908, стр. 37).

⁴ Архив АН, ф. 2, оп. — 1827 г., № 3, л. 14; Брандт, ук. соч., стр. 7.

зиционная площадь Музея была расширена за счет 2 зал, занимаемых ранее исключительно Библиотекой, в залах царила неимоверная теснота. Это перенасыщение коллекционными предметами приводило в свою очередь к тому, что экспозиция ряда разделов Музея находилась не на должном уровне.

Исключение составляли лишь экспозиции обоих восточных зал, в нижнем из которых в строгом порядке были сосредоточены богатейшие коллекции отечественных и зарубежных минералов, классифицированные и выставленные под непосредственным наблюдением акад. В. М. Севергина, а в верхнем — коллекции рыб, суставчатых и мягкотелых животных, обработанных и определенных на основании последнего слова науки проф. Х. Г. Пандером.

Только эти 2 отдела, руководимые крупнейшими учеными того времени, находились на уровне последних достижений науки.

Такое положение вещей вытекало из перенасыщенности Кунсткамеры вещевым материалом, для музейного описания и успешного научного освоения которого было необходимо усилить научное руководство каждого из отделов Музея и ввести в штат его значительное число получившего специальную подготовку научного и научно-технического персонала по каждой из дисциплин, представленных Музеем: анатомии, зоологии, ботанике, минералогии, нумизматике и этнографии.

Существенные недостатки наблюдались в Музее и по линии обслуживания. Ввиду разнообразия выставленных в нем коллекций он притягивал к себе лиц самых разнообразных специальностей в таком количестве, которое совершенно не был в состоянии удовлетворить.

Под этим предлогом администрация Академии Наук вводит ограничение количества посетителей за счет простого народа, впуск которого в музей и ранее не поощрялся, а с начала XIX в. и вовсе был запрещен.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СОЗДАНИЕ НА БАЗЕ КУНСТКАМЕРЫ ОТРАСЛЕВЫХ АКАДЕМИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ

Дальнейшая дифференциация внутри Музея. Создание Восточного Ботанического, Египетского и Этнографического кабинетов. Создание на их базе академических музеев. Их штат, финансы и помещение. Специализация музеев в Европе.
Заключение

Развитие капиталистических отношений в недрах феодально-крепостнической России в первой половине XIX в. сопровождалось интенсивным ростом отечественной культуры и науки. Потребности растущего производства насущно требовали от науки решения практических задач в области технологии, механизации производства и транспорта. Обилие фактического материала, скопленного каждой отдельной наукой, было настолько велико, что требовало введения узкой специализации. Внутри каждой области знаний появляется деление на теорию и практику, а затем и дополнительная внутренняя дифференциация.

Так, наука об ископаемых — минералогия — к этому времени подразделяется на собственно минералогию, или ориктогнозию, науку о познании земли — геологию — и науку, изучающую окаменелости, — петроматогнозию или палеонтологию. Химия, пересматривающая на основании новой теории горения все основные химические процессы, благодаря применению электрических методов исследования выделяет отдельную отрасль изучения — электрохимию. В физике, в связи с открытием гальванического элемента, появляется новый раздел в изучении электричества — гальванизм, а после работ русского изобретателя И. И. Ползунова новая отрасль — теплотехника. В области оптики, в связи с открытием дифракции и интерференции, ведутся работы по изучению волновой

природы света. Трудami великого русского математика Н. И. Лобачевского был открыт новый вид геометрии, неевклидова геометрия, известная под именем своего создателя.

Новый, более высокий, этап в развитии отечественной науки нашел свое отражение и в истории Академического музея — Кунсткамеры.

Начало XIX в. явилось переломным периодом в истории Кунсткамеры. По штату 1803 г. она оставалась еще единым учреждением, имевшим общее помещение, бюджет и штат, но фактически гармоническое развитие ее как единого учреждения закончилось.

Скопленный к этому времени в стенах ее громадный коллекционный материал нуждался как для экспонирования, так и для хранения в более обширных помещениях. Научная обработка и освоение коллекций, в свою очередь, требовали дальнейшей дифференциации внутри отделов и увеличения числа специального обслуживающего персонала.

Война лишь несколько отсрочила этот процесс, и непосредственно после окончания ее в недрах Академического музея, или Кунсткамеры, зарождается целый ряд новых отделов, или кабинетов: Азиатский, Ботанический, Зоологический, Египетский, Этнографический, на базе которых несколькими годами позже и создаются одноименные академические музеи.

Первой ласточкой в этом процессе является так называемый «Восточный кабинет», более известный впоследствии под наименованием Азиатского музея. К созданию этого отдела имелись давнишние предпосылки.¹ Непосредственное соседство России со странами Востока, разнообразные культурные и торговые связи, сложившиеся между ними на протяжении многих веков, порождали взаимный интерес. Первый известный нам проект учреждения, посвященного исключительно изучению Востока, был проект «Азиатской академии». Составление его относится к 1733 г. и приписывается уже упоминавшемуся на страницах данной работы знатоку восточных языков, составителю нумизматической части каталога 1742 г. — Кэру. В проекте разбирались структура, пособия и средства, необходимые для учреждения, целью которого было создание учебного заведения для подготовки переводчиков и работников иных профессий, свободно владеющих языками всех стран Востока, начиная от Абиссинии и кончая Китаем. Проект осуществления не полу-

¹ B. D o r n, Das Asiatische Museum der Kaiserlich Academie der Wissenschaften in St. Petersburg. СПб., 1846.

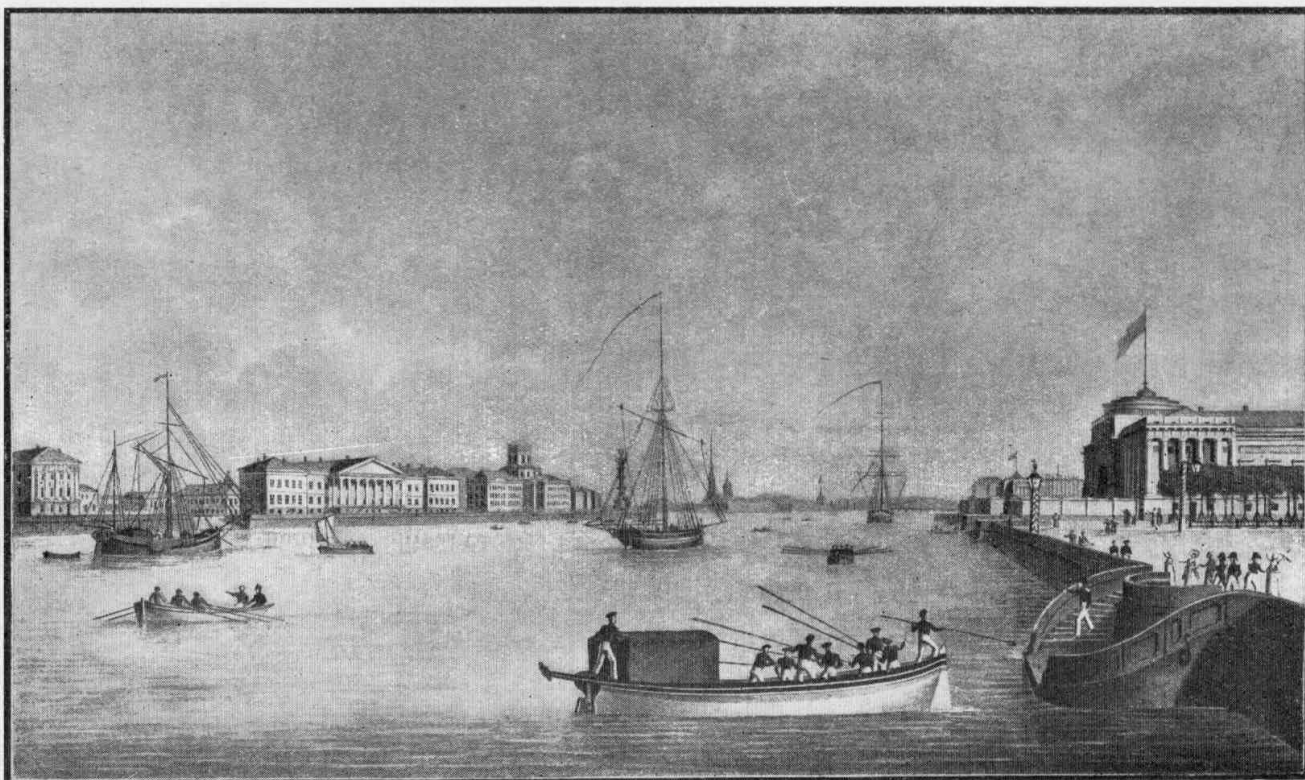

Рис. 67. Вид академических зданий в начале XIX в. Рисунок К. Бегрова.

чил, но мысль о создании подобного учреждения получила вторичное оформление в виде проекта, написанного в начале XIX в. Он был сочинен и опубликован министром народного просвещения, будущим президентом Академии Наук, С. С. Уваровым в 1810 г. под названием «*Projet d'une Academie asiatique*» (СПб., 1810) и в известной мере послужил программой деятельности для Азиатского кабинета.

11 ноября 1818 г. С. С. Уваров подписал распоряжение, в котором говорилось: «устроить при Кунсткамере Академии особое отделение для медалей, рукописей и книг восточных, под названием „Восточного кабинета“ и хранителем оного определить г. академика Френа».¹

В этот новый отдел Кунсткамеры вошли: 1) библиотека, включавшая в себя все имевшиеся сочинения восточных авторов и работы, посвященные им; 2) рукописи на арабском, персидском, турецком языках и языках народов Средней Азии и Кавказа, а также китайские, манчжурские, тибетские, монгольские, японские и другие восточные документы; 3) монеты и достопримечательности тех же народов и народов, населяющих Сибирь и Дальний Восток — древности из сибирских могил, одежда и утварь айнов, археологические предметы, найденные в Болгарах, коллекция калмыцких предметов культа и др.² Под этот отдел, часто называемый уже в то время Азиатским музеем, было отведено несколько комнат в 1-м этаже восточного крыла здания Кунсткамеры (окнами на Неву), и переоборудование их поручено академическому архитектору Д. Е. Филиппову.³ 17 декабря 1818 г. Филиппов в своем рапорте сообщает, что шкафы и другое оборудование, предназначенное для Азиатского музея, уже изготовлены.

Следующим по времени новым отделом Кунсткамеры можно считать ботанический, который выделился из Кабинета натуралиев, или Натур-камеры.

Историк Ботанического музея — академик Ф. И. Рупрехт — считал датой основания его 1824 год. В это время ботаник Триниус, принятый в Академию в 1823 г., разобрал запущенные ботанические коллекции, сложенные частично в нераспакованном виде, отобрал все сохранившиеся экземпляры. По его подсчетам, пригодный для использования гербарий составил 4—5 тыс. видов.

¹ Архив АН, ф. 4, оп. 1, № 16 — 1818 г., § 862.

² Б. А. Д о р н. Азиатский музей. Сб. «Очерк истории Музеев императорской Академии Наук», СПб., 1865, стр. 76—82.

³ Денис Евстигнеевич Филиппов с 1797 г. числился помощником архитектора, а в 1809 получил должность архитектора Академии Наук.

Среди сохранившихся образцов имелись растения из гербария Рюйша и Аммана, сибирские растения, собранные во время путешествия Гмелина, растения, присланные собирателями XVIII в. с Байкала и Кавказа, а также некоторое количество зарубежной флоры с о. Цейлона, мыса Доброй Надежды и из Японии. Отобранные коллекции были перенесены в «приличное, сухое и отапливаемое помещение», куда была также передана ботаническая литература из Библиотеки Академии Наук.¹

Здесь коллекции были приведены в порядок и в 1827 г. уже упоминались в числе демонстрируемых экспозиций.²

«Гербарий» Триниуса, говорит документ, датированный этим годом, выставлен в среднем, т. е. во 2-м, этаже здания Кунсткамеры. Он был размещен, по всей вероятности, в рабочих комнатах восточного крыла здания.

Когда был учрежден Египетский кабинет, в документах чаще называемый «Египетским музеумом», — точно не известно. Во всяком случае в 1825 г. он уже существовал, ибо к 10 ноября этого года относится распоряжение Комитета правления Академии Наук завести шнурованную книгу во «вновь учрежденном при Академии Египетском музеуме и опредѣ записывать в оную книгу все вещи, которые для одного музеума будут куплены».³ Для Музея были отведены 2 комнаты (окнами во двор) в 1-м этаже восточного крыла здания Кунсткамеры, а надзор за ним возложен на акад. Грефе.

Комнаты были отделаны росписью в египетском стиле. Выполнявший эту работу живописец Рихтер заимствовал основные мотивы для росписи из атласа Египетских древностей,⁴ используя, в частности, целые фрагменты из росписи храма фараона Априя (рис. 68). К концу 1825 г. в Египетском музее был закончен и ряд работ по музейному оборудованию, а именно: «на четыре окна подоконников плитных, выполированных под натуральный глянец», да «под две головы консолей алебастровых по данному рисунку сформовано и отлито из его алебастра», а столяром Евстратом Степановым изготовлены два станка с резными ножками для положения на них мумий».⁵

¹ Ф. И. Рунрехт. Очерк истории Ботанического Музея. Сб. Очерк истории Музеев императорской Академии Наук. СПб., 1865, стр. 36—43.

² Архив АН, ф. 2, оп. — 1827 г., № 3, л. 25.

³ Там же, ф. 4, оп. 2 — 1825 г., № 75, л. 8.

⁴ Prisse d'Avannes Histoire de L'art egyptien d'après les monuments atlas, t. I, стр. 35 и др.

⁵ Архив АН, ф. 4, оп. 2 — 1825 г., № 75, л. 8.

В том же 1825 году для вновь учрежденного Музея была приобретена у миланского купца де-Кастильена коллекция египетских древностей, состоящая из 1200 предметов. В нее входили различные статуи, таблички, на которых были выгравированы различные бытовые и религиозные сюжеты, 4 мумии

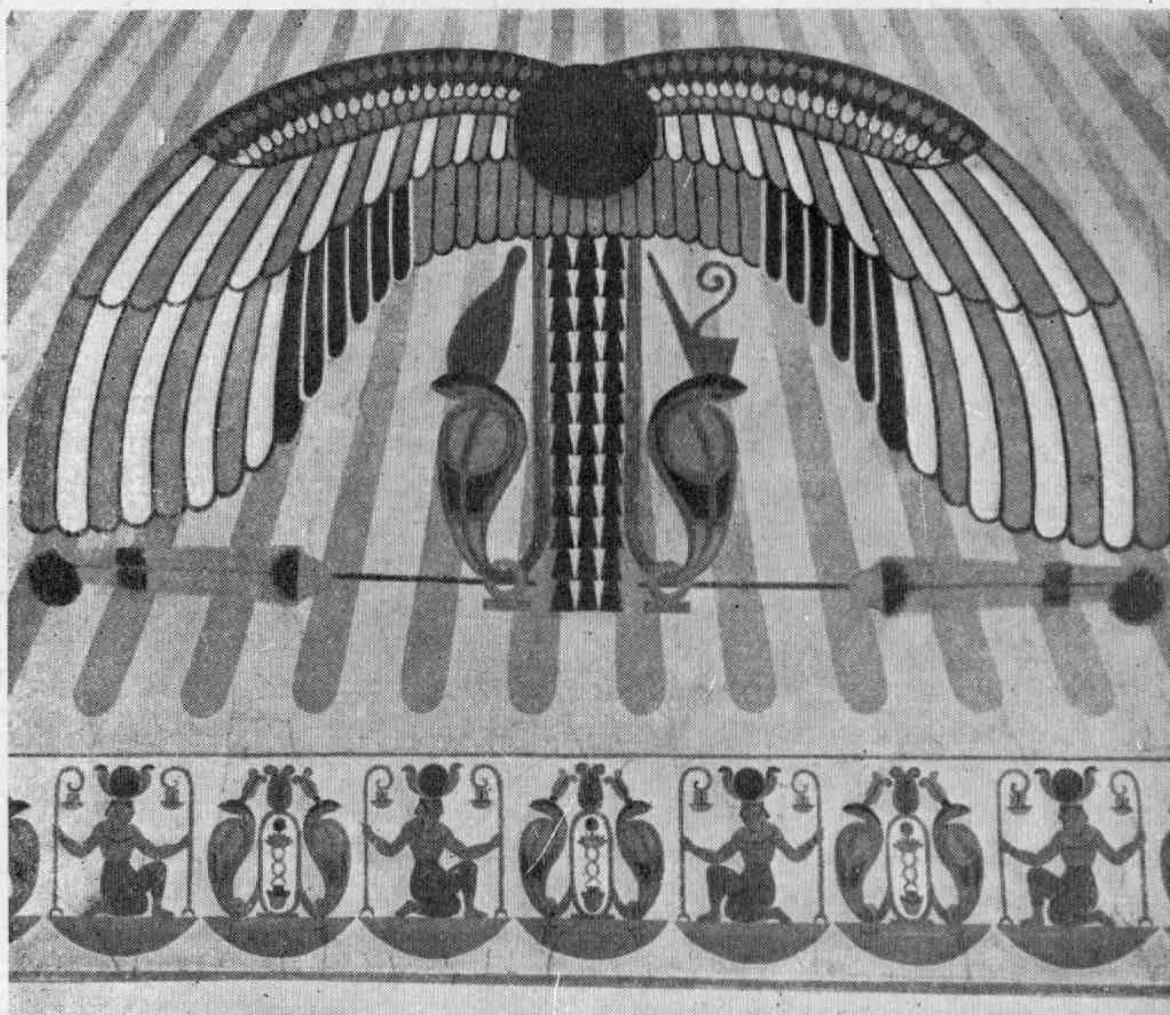

Рис. 68. Деталь отделки одной из комнат Египетского музея. Роспись начала XIX в. художника Рихтера. (Фот. 1952 г.).

взрослых людей и 2 детские, фигурки божеств, скарабеи, амулеты и различные украшения.¹ В декабре 1827 г. Египетский музей обогатился еще 3 мумиями, 1 из которых особенно хорошо сохранилась и имела тройной саркофаг, снабженный иероглифическими рисунками. Они были поднесены петербургским купцом 1-й гильдии Анастасом Аверовым, который, как сообщается в его дарственной, впервые установил торговые сноше-

¹ Архив АН, ф. 4, оп. 2 — 1825 г., № 75, л. л. 2—5.

ния с Египтом, где и приобрел поднесенные мумии. За этот редкий дар Академия 28 февраля 1828 г. вручила Аверову золотую медаль на владимирской ленте.¹ Впоследствии все хранившиеся в этом Музее экспонаты сперва частично,² а затем и полностью были переданы в Государственный Эрмитаж.

Происходившая в недрах Кунсткамеры дифференциация и насущная потребность в увеличении штата первоначально не были отражены в Регламенте Академии. В январе 1830 г., при утверждении нового регламента, по распоряжению Николая I штат Кунсткамеры не только не был увеличен, а наоборот, уменьшился до одной штатной единицы — надзирателя, который, как было записано в § 17 этого документа, как «от надзирателя Музея требуется множество практических знаний, то оный полагается не из числа академиков».³ Общая сумма на содержание Музея была определена в 3200 руб., из которых 1000 была предназначена на содержание Кабинета физических приборов и моделей, 1000 — на содержание Ботанического музея, а остальные 1200 руб. на все прочие отделы Музея. Таким образом, функции Кунсткамеры по существу сводились лишь к хранению экспонатов, которое вдобавок было поручено лицу, не имеющему специальных знаний. Указ этот представлял шаг назад в истории Кунсткамеры по сравнению с XVIII в., когда во главе отделов ее были поставлены ученые.

Такое положение Музея взволновало работников Академии Наук, которые, как это неоднократно указывалось ранее, широко использовали коллекции Кунсткамеры для своих научных исследований.

В 1830—1831 гг. Конференция Академии Наук созывает даже несколько заседаний, специально посвященных положению Академического музея — Кунсткамеры.

На одном из этих собраний было принято решение возбудить перед правительством ходатайство об изменении структуры Музея и о дополнительных ассигнованиях на пополнение и содержание его.

Среди академиков возникли разногласия, в результате чего Конференция постановила вынести на голосование два основных вопроса: 1) какие учреждения должны сохраниться в составе Академии Наук и 2) какие единовременные и ежегод-

¹ Там же, ф. 5, оп. 1—1825 г., № 80. л. л. 1—8.

² Описание египетских памятников в русских музеях и собраниях. Зап. Вост. отделения имп. Русск. археол. общ., т. XI, вып. 1—4, 1899, СПб., стр. 117; В. С. Голенищев. *Inventaire de la Collection Egyptienne, Ermitage*. СПб., 1891, стр. 102.

³ Архив АН, ф. 2 — 1832 г., № 2, § 117.

ные суммы необходимы как для поднятия на должный уровень этих учреждений,¹ так и на ежегодное их содержание. Составление докладной записки, суммирующей точку зрения Конференции, было поручено акад. Коллинсу. Записка была написана, обсуждена на заседании 19 января 1831 г.² и в общих чертах сводилась к следующему: для того чтобы поднять академические музеи до такого уровня, «чтобы они смогли соперничать с самыми знаменитыми заграничными музеями»,³ можно сократить расходы Академии по целому ряду статей (в частности уничтожить совершенно бесполезный, с точки зрения автора, кабинет моделей), но ассигновать одновременно значительные суммы на пополнение музеев, а также выделить на ежегодное содержание: Зоологического музея — 27 500, Азиатского — 6000, Сравнительной анатомии — 5500, Нумизматики — 5000, Минералогического — 3500, Ботанического — 3500, Этнографического и Кабинета Петра I — 2100, Египетского — 1000 руб.

Помимо этого, смета предусматривала особые суммы для сбора коллекций внутри страны и за границей, определявшиеся для всего Музея в 10 000 руб., а также 4000 — на жалование 2 художникам и 2 граверам и 6000 — на оплату 20 единиц обслуживающего персонала всех академических учреждений.

Таким образом, общая сумма, необходимая для реорганизации Кунсткамеры в целую семью специализированных академических музеев, равнялась, не считая ассигнований на приобретение земли под ботанический сад, 74 100 руб.⁴

Упомянутая записка была отпечатана в 50 экземплярах и передана на «высочайшее имя», но утверждения, конечно, не получила. Однако жаркие диспуты и споры, возникшие внутри Академии по этому поводу, вынудили академическую администрацию и правительство обратить внимание на состояние этого учреждения, в результате чего произошли известные сдвиги.

Первым событием, сыгравшим существенную роль для дальнейшего развития Музея, явилась передача в его ведение нового довольно обширного помещения. Оно состояло из 12 комнат и находилось во 2-м этаже здания, построенного в 1826—1828 гг. в Таможенном переулке по распоряжению министра финансов — Канкрин (рис. 69). Ввиду того что академическая типография, для которой оно было предназначено, осталась в старом поме-

¹ Архив АН, ф. 1, оп. 1^а, № 43 — 1830 г., §§ 757, 767, 768 и др.

² Там же, № 45 — 1831 г., § 41.

³ Там же, §§ 21—41.

⁴ Там же, № 45 — 1831 г., § 41.

Рис. 69. Вид нового музейного здания в Таможенном переулке г. Ленинграда. (Фот. 1952 г.).

щении, Комитет правления Академии Наук постановил предоставить весь 2-й этаж восточного флигеля под зоологические коллекции Кунсткамеры.

В ротонду этого же флигеля, имевшую верхний свет, был перенесен из глобусной палатки и установлен Большой академический глобус.

Назначенный в августе 1831 г. директором вновь основанного Зоологического музея, или, вернее, пока еще Зоологического отдела Кунсткамеры, акад. Ф. Ф. Брандт произвел пересмотр всех старых зоологических коллекций и отобрал для переноса в новое здание хорошо сохранившиеся экземпляры.¹ Из составленного им по этому поводу отчета можно установить, что ядро нового Зоологического музея составили чучела млекопитающих и птиц, остеологические коллекции, содержащие преимущественно ископаемые остатки, а также раковины и кораллы. Под его непосредственным руководством сотрудники этого Музея осматривали и классифицировали неразобранные поступления из коллекции Лангсдорфа (из Бразилии), Мертенса, Китлица и Кастальского (из кругосветного плавания на кораблях «Сенявин» и «Моллер») и ряда других, еще научно не обработанных зарубежных и отечественных коллекций. Часть подобранных дублетов была передана для обогащения зоологических кабинетов Университета и Главного педагогического института, которые использовали их в качестве наглядных пособий.² Между тем новое помещение приспособлялось для музейных надобностей. Протоколы академических заседаний 30-х годов XIX в. изобилуют сведениями о расходах по отделке помещений, изготовлению музейной мебели и лабораторного оборудования для обработки зоологических коллекций Кунсткамеры.³

Одновременно производилась работа по оборудованию Зоологического и Анатомического кабинетов, директором которых был назначен уже и ранее надзиравший за ними доктор медицины Петр Андреевич Загорский,⁴ а также комплектование библиотеки Зоологического музея через Библиотеку и Книжную лавку Академии Наук.⁵

В связи с перемещением зоологических и ботанических коллекций (последние были перенесены в это же здание в 1835 г.)

¹ А. Штраух. Зоологический музей Императорской Академии Наук. СПб., 1889, стр. 30—31.

² Архив АН, ф. 4, оп. 2 — 1820—1821 гг., № 104 и др.

³ Там же, оп. 1, № 36, §§ 740, 743, 1196; № 37, §§ 1076, 1154 и др.

⁴ Там же, оп. 1, № 37, § 1154.

⁵ Там же, § 1076.

в экспозициях, остававшихся в старом здании Кунсткамеры, произошли значительные изменения.

Ввиду этого в том же 1835 г. последовало правительственное распоряжение о приведении помещения и этих экспозиций в полный порядок.

Так как под Азиатский музей в этом же году ¹ был предоставлен 1-й этаж нового здания в Таможенном переулке

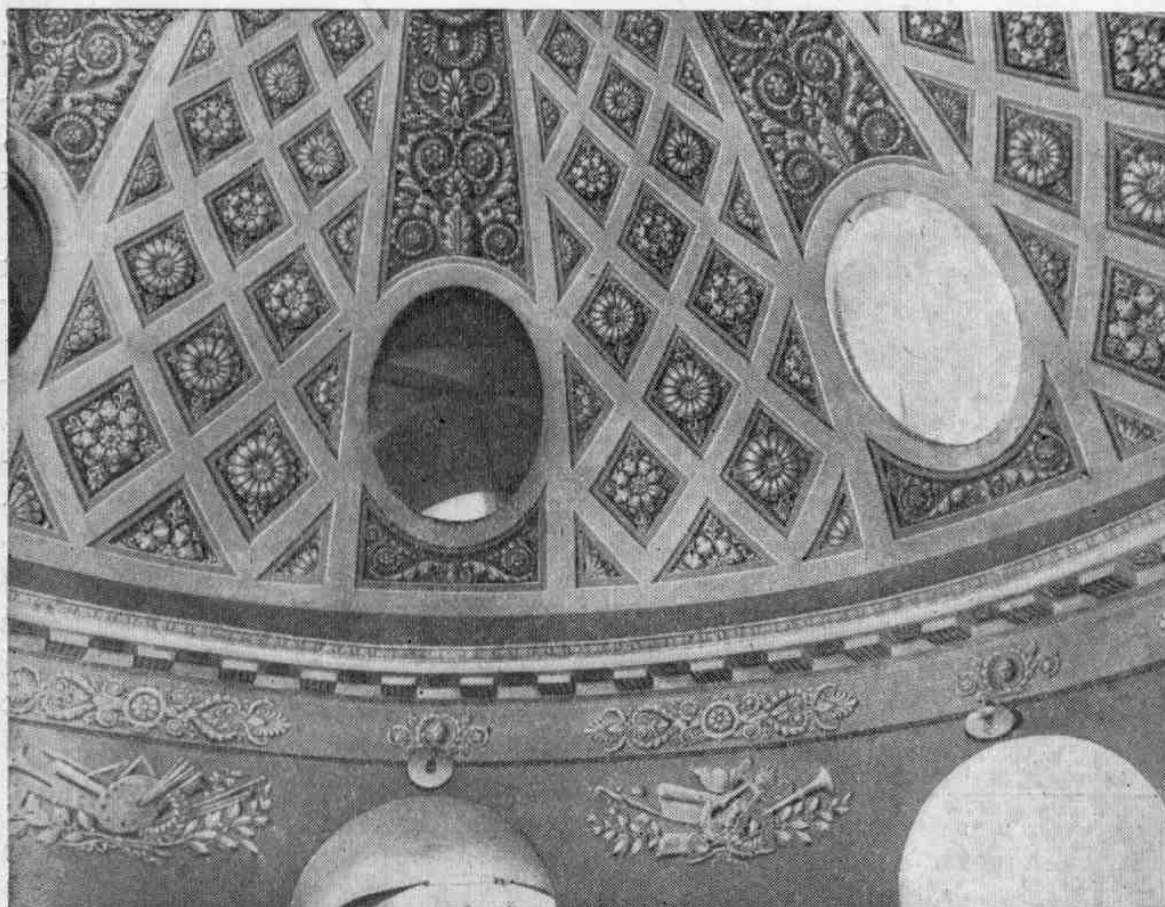

Рис. 70. Деталь отделки круглого зала 1-го этажа Кунсткамеры. Роспись 1830 г. художника Рихтера. (Фот. 1952 г.).

и мнения о замещении освободившихся помещений разделялись, при Конференции Академии Наук была создана специальная комиссия, призванная окончательно решить, где и какой из академических музеев будет размещен. Решение,работанное этой комиссией, сводилось к следующему:

1) перенести коллекции Азиатского музея обратно в здание Кунсткамеры и разместить экспозицию его в большом зале 1-го этажа (рис. 70);

Там же, оп. 2 — 1836 г., № 306, л. 1.

2) освободившееся в новом здании помещение передать для расширения зоологических и анатомических собраний и лабораторий;

3) «уборы и разную утварь азиатских народов новейшего времени» выделить из Азиатского музея и присоединить к этнографическому кабинету, для экспозиции которого отвести ротонду и второй большой зал 1-го этажа Кунсткамеры;

4) расширить помещение Египетского музея за счет одной из соседних комнат 1-го этажа;

5) установить вход в Кунсткамеру с западного крыльца.¹

Таким образом, было решено в здании Кунсткамеры сосредоточить музеи Азиатский, Египетский, Этнографический и Кабинет Петра I, а новое здание на Таможенном переулке предоставить под естественно-исторические коллекции.

«Устав и штат императорской Санктпетербургской Академии Наук» 1836 г. закрепляет административно все вышеперечисленные, возникшие на базе отделов Кунсткамеры специализированные музеи, оговаривая для каждого из них самостоятельный штат и ежегодное содержание:² Минералогический музей — 1000, Ботанический — 3500, Зоологический и Зоотомический музей и их лаборатории — 7000, Азиатский — 2000, Нумизматический — 500, Египетский — 500, Этнографический — 700 руб. в год.³

Общее количество сотрудников всех академических музеев было увеличено до 27 человек, 7 из которых составили научный персонал музеев, а 20 технический.⁴ На содержание этого штата ежегодно выделялась сумма в 16 тыс. руб.⁵

¹ Архив АН, ф. 4, оп. 2 — 1836 г., № 306, л. л. 1—9.

² Расходы по заработной плате и приобретению коллекций учитывались особо.

³ Устав и штат императорской Санктпетербургской Академии Наук 8 января 1836 г. СПб., 1836, стр. 68—74.

⁴ Там же, стр. 50—74.

⁵ В 1848 г., после присоединения Российской Академии, основанной в 1873 г. для разработки русского языка и словесности, к Академии наук, последняя была разделена на 3 отделения: 1) Отделение физико-математических наук; 2) Отделение русского языка и словесности и 3) Отделение историко-филологических наук. Академические музеи также были распределены по отделениям, благодаря чему в Отделение физико-математических наук, по классу естествознания, попали: «Минералогический музей», «Ботанический музей, или собрание сухих растений», «Зоологический музей», «Музей сравнительной анатомии с принадлежащею ей лабораторией», а также «Физический кабинет», «Кабинет Петра I» и «Этнографический музей».

Принадлежностью класса историко-филологических наук стали «Нумизматический музей» и «Египетский музей». Архив АН, ф. 2, оп. — 1827 г.; № 3, л. л. 38 об. и 39.

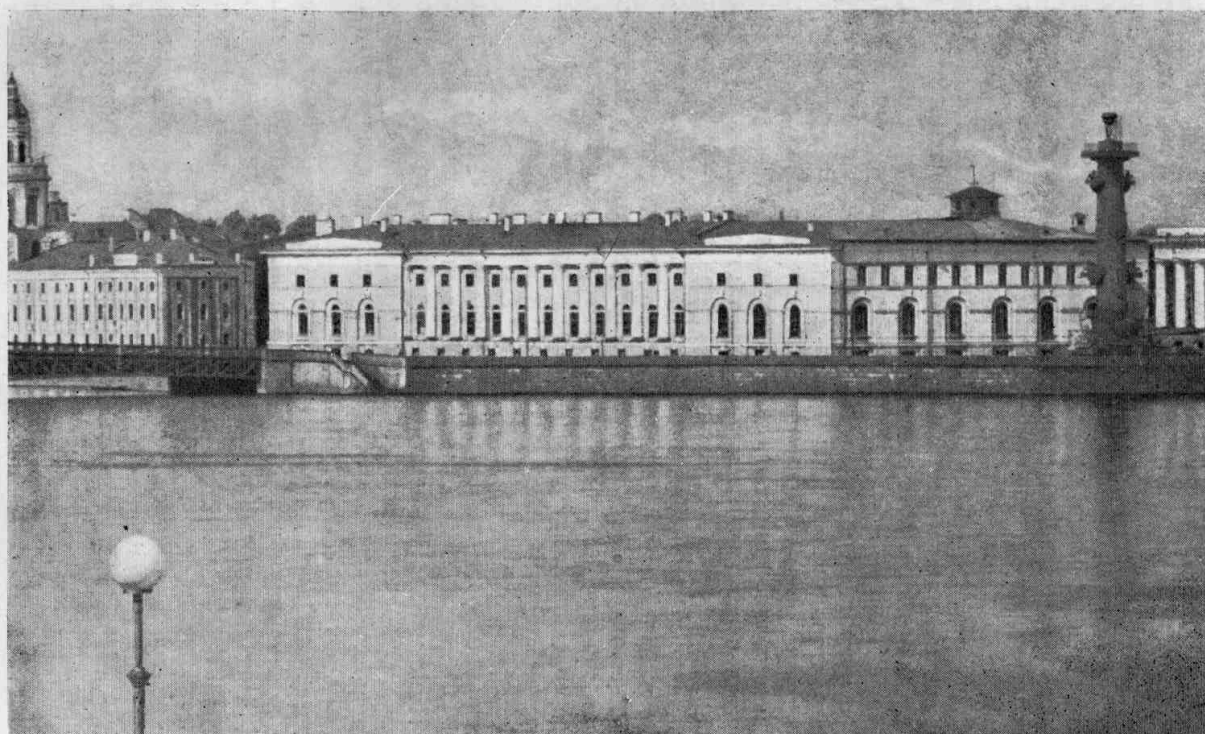

Рис. 71. Современный вид Зоологического музея Академии Наук СССР. (Ленинград).

Таким образом, разделение Кунсткамеры, наметившееся еще в начале XIX века, к 1836 г. было завершено окончательно и закреплено «Уставом и штатом императорской Санктпетербургской Академии Наук». Созданные на базе ее 7 самостоятельных академических музеев разместились в 2 расположенных по соседству зданиях и начали раздельное существование.¹

На этом мы и закончим изложение истории первого русского естественно-научного и исторического музея — Кунсткамеры Петербургской Академии Наук, созданной Петром I в 1714 г. на базе его личного собрания и открытой для обозрения в 1719 г.

Открытие этого доступного для сравнительно широкого круга посетителей Музея, располагавшего уже в первые годы своего существования первоклассными анатомическими и естественно-историческими коллекциями, сыграло большую просветительную роль. Коллекции Кунсткамеры, возраставшие с каждым годом, первоначально благодаря покровительственной деятельности правительства, а затем с помощью передовых представителей русского общества и ученых, скоро становятся для последних крупнейшим источником для создания научных исследований. Установившаяся связь между академиками и Академическим музеем превращает Кунсткамеру в подлинно научное хранилище, экспозиция которого, построенная на основе новейших научных классификаций своего времени, завоевывает исключительное место среди музеев середины XVIII в.

Экспедиционная деятельность Академии Наук, а в конце XVIII — начале XIX в. внеакадемические экспедиции пополняют Кунсткамеру богатейшими материалами по естественной истории, а также культуре и быту первоначально народов, населяющих Россию, а затем и другие страны вплоть до Америки и Австралии включительно.

Коллекции эти, выставленные для обозрения, с каждым годом притягивали все более и более широкие круги посетителей, которые одновременно являлись активными пополнителями Музея. Ученые и ремесленники, купцы и матросы, путешественники и геодезисты, рассматривая этот Музей как народное достояние, активно участвуют в его обогащении.

Царское правительство, пользуясь предлогом тесноты в Кунсткамере, вводит ограничение посещений по классовому признаку.

¹ В 1836 г. в здании Кунсткамеры был предпринят капитальный ремонт и частичная реэкспозиция Кабинета Петра I, Азиатского и Египетского музеев, после окончания которой, в марте 1838 г., эти музеи были вновь открыты для обозрения.

Разделение Кунсткамеры на отдельные музеи, наметившееся в начале XIX в. и завершившееся в 1836 г. созданием 7 академических музеев, диктовалось обилием коллекционного материала и уровнем тех наук, которые они представляли. Путь от энциклопедичности к узкой специализации, проделанный этим замечательным Музеем, лишь повторял путь науки в целом, знаменуя новый, более высокий, этап ее развития. Благодаря тому что Кунсткамера, будучи неотъемлемой частью ведущего научного учреждения страны — Академии Наук, — создавалась и контролировалась крупнейшими учеными того времени, неизбежный процесс специализации созрел в недрах ее ранее, чем в других музеях Западной Европы. Так, например, в Британском музее (Лондон), структура которого напоминала первоначально структуру петербургской Кунсткамеры, естественно-исторические отделы (зоология, ботаника и минералогия) были выделены в особый музей, получивший название Кенсингтоновского, только в 1881 г., т. е. почти полувеком позже, чем отделились наши Зоологический, Зоотомический и Ботанический музеи.

В Германии, располагавшей к этому времени значительным количеством частных собраний и музеев, выделение самостоятельного этнографического из недр Нового музея (Берлин) произошло лишь в 1886 г. Он был основан известным этнографом А. Бастианом и получил название «Музея народоведения».¹

Приведенные примеры показывают, что процесс специализации, оказавший столь благоприятное влияние на дальнейший ход развития и размеры музеев, начался и завершился в России на полвека ранее, чем в других странах Европы. Помимо этого, наша страна может гордиться тем, что является одной из первых стран, в которой был создан общедоступный государственный музей. Оставляя вне рассмотрения упоминавшиеся в «Предисловии» к настоящей работе отечественные и иностранные собрания, принадлежавшие частным лицам, но в ряде случаев доступные для обозрения, обратимся к данным по собственно государственным музеям.

Первым государственным музеем Англии считается Оксфордский музей, основание которого положила коллекция американских и африканских редкостей, пожертвованных в 1682 г. Оксфордскому университету известным английским коллекционером Г. Эшмолом. Однако контингент посетителей этого музея, находящегося в Университетском городке, уда-

¹ K. P r e u s s. Adolf Bastian und die heutige Völkerkunde. Baessler Archiv, B. X, Berl., 1926, стр. 1.

ленном на 100 км от столицы, уже из-за самого его местонахождения был довольно ограничен.

Датой основания Британского музея в Лондоне является 1700 год, но открытие его для публики состоялось лишь в 1759 г., который мы и примем как дату вступления его в общедоступный обиход.¹

Ботанический сад в Париже был основан в XV в. Функции его первоначально, по всей вероятности, совпадали с функциями наших аптекарских огородов, т. е. ограничивались выращиванием лекарственных растений. В 1635 г. при нем был основан Кабинет натуралиев, на базе которого известный естествоиспытатель Бюффон организовал в 30-х годах XVIII в. Музей естественной истории.²

Другие королевские собрания Франции, влившиеся впоследствии в основанные после французской буржуазной революции Луврский (1793 г.) и другие национальные музеи, долгое время были почти совершенно недоступны. Так, автор неоднократно уже цитировавшейся здесь «Музеографии», говоря о Королевском кабинете медалей (Париж), указывал, что «попасть в него почти невозможно».³ Аналогичное замечание мы находим и относительно берлинского Королевского собрания, состоявшего из нумизматических и минералогических коллекций, в которое «можно проникнуть лишь путем громадной протекции».⁴ Одним словом, упомянутые собрания по степени своей доступности мы можем приравнять к русским коллекциям, хранившимся в Оружейной палате в Кремле, которые, как указывалось выше, в XVIII в. демонстрировались лишь в виде исключения.

Обращаясь к музеям Германии, отметим, что появление в ней собственно государственных музеев относится к самому концу XVIII — началу XIX в. Так, например, Национальная галерея в Берлине была основана в 1780 г., в Вене — в 1800, Старый музей (Берлин), в фондах которого были собраны главным образом предметы искусства (живопись, скульптура и др.), был основан в 1829 г., Новый музей, демонстрировавший коллекции по археологии, египтологии и этнографии, — в 1855 г., а Естественно-исторический музей в Вене — в 1889 г. Последнее место в хронологическом ряду рождения национальных музеев занимает Америка, Музей археологии и этнографии

¹ М у г г а у, ук. соч., стр. 140.

² Р. L a g o u s s e. Grand Dictionnaire Universel, т. 9, стр. 906—907.

³ Там же, стр. 80.

⁴ Там же, стр. 142.

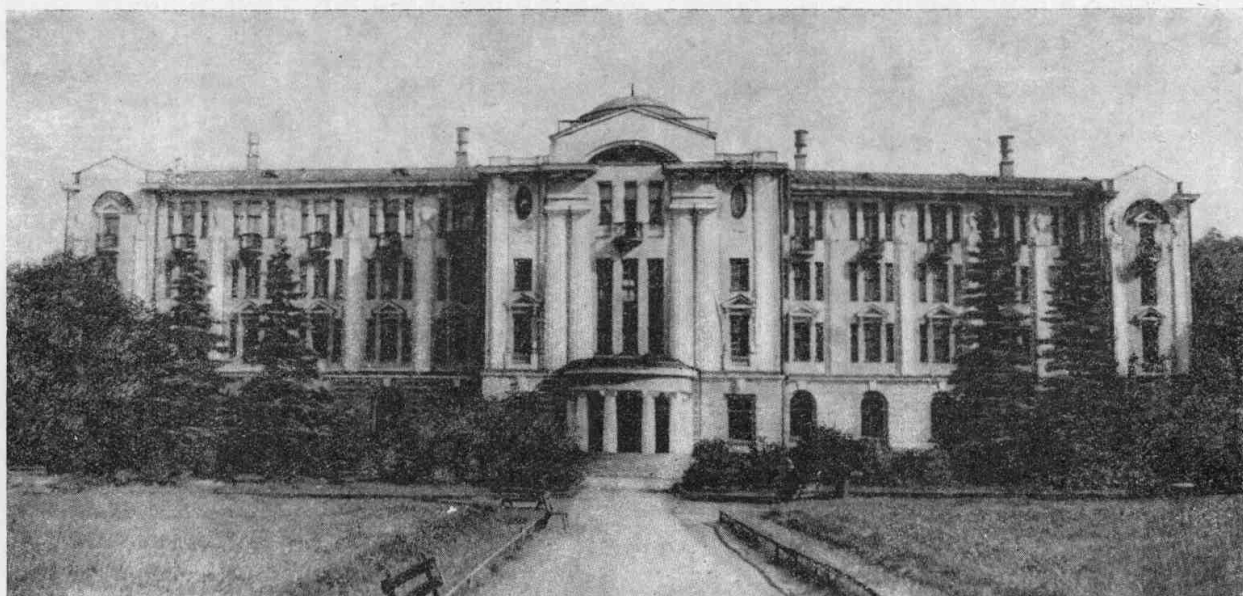

Рис. 72. Современный вид Гербария Академии Наук СССР. (Ленинград).

которой был создан в 1866 г., Центральный музей искусств в Нью-Йорке и Бостонский музей — лишь в 1870 г.

Таким образом, Кунсткамера Петербургской Академии Наук, открытая для обозрения в 1719 г., по праву считается одним из старейших музеев мира. Неразрывная связь с Академией Наук обеспечила ей одно из первых мест по научному уровню ее экспозиций, привела к скорейшей дифференциации внутри Кунсткамеры и породила разделение ее на целую семью академических музеев: Зоологический, Ботанический, Минералогический, Этнографический, Азиатский и Египетский. Коллекции этих музеев пополнялись на протяжении XIX в. и неизмеримо возросли за годы советской власти; каждый из них в настоящее время является одним из богатейших в мире. Так, Музей антропологии и этнографии Академии Наук СССР, выросший на базе основанного в 1836 г. Этнографического музея, по научной ценности, богатству и обилию коллекций занимает исключительное место среди музеев мира.

Зоологический музей стал одним из популярнейших музеев страны, он пропускает более 130 000 посетителей в год (рис. 71). На базе этого музея вырос Зоологический институт Академии Наук СССР. На базе Азиатского музея в 1930 г. был создан Институт востоковедения Академии Наук СССР. «Ботанический музей» волился в Гербарий Ботанического института Академии Наук (рис. 72), где также имеется свой музей; «Минералогический музей» явился предком Минералогического музея Академии Наук, перевезенного в 1934 г. в Москву.

Помимо этих основных наследников Кунсткамеры, ряд отечественных музеев, как, например, Исторический музей (Москва), Государственный Русский музей и Государственный Эрмитаж (Ленинград), обогатились коллекциями Кунсткамеры. Большая часть собраний Азиатского музея, Египетский музей, живопись и скульптура из Кунсткамеры, а также Мемориальный отдел, носящий до сего времени название «Петровской галереи», волились в коллекции Государственного Эрмитажа.

Описание дальнейшей судьбы коллекций Кунсткамеры, однако, не входит в задачи настоящей работы, ибо каждый из перечисленных музеев, в которые они волились, за истекшее время накопил собственную богатую историю, которая заслуживает быть предметом специального рассмотрения.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Сталин Иосиф Виссарионович (1879—1953) 19
- Энгельс Фридрих (1820—1895) 13, 143
- Абумов Григорий (ум. в 1745 г.). «Ученик рисовального художества» АН¹ 98
- Аверов Анастас, купец (начало XIX в.) 216, 217
- Адамс Михаил Иванович (ум. в 1829 г.), адъюнкт АН по зоологии, затем академик 188, 190, 192
- Александр I (1777—1825), император 201
- Алексеев Иван, чучельщик, затем «помощник» при Кунсткамере (конец XVIII—начало XIX в.) 198, 200
- Алексей Михайлович (1629—1676), царь 10, 127
- Алопеус, корреспондент АН в Германии (вторая половина XVIII в.) 169
- Амман Иоганн (1707—1741), профессор ботаники и натуральной истории, действительный член АН 82, 92, 215
- Анастасия Романовна (ум. в 1560 г.), царица, первая жена Ивана IV 8
- Анна Ивановна (1693—1740), императрица 76
- Антипов, «сибирский дворянин», работал в 60-е годы XVIII в. в Большерецкой канцелярии в качестве «японского толмача» 147
- Априй, египетский фараон 26-й Саисской династии (589—570 до н. э.) 215
- Арахон Антон-Геоцинт (ум. в 1832 г.), лингвист, профессор в Лиссабоне, член-корреспондент АН 169
- Аргунов, якутский казак, служил в Иркутске в 60-е годы XVIII в. 147
- Арескин (Эрскин) (ум. в 1718 г.), лейб-медик Петра I, президент Аптекарского приказа 22, 24
- Астапов Николай, временно работал при Кунсткамере в конце XVIII в. в качестве художника 198
- Баженов Алексей, токарь, работал при Кунсткамере в 50-х годах XVIII в. 130
- Бакмейстер Иван Григорьевич (ум. в 1794 г.), библиотекарь АН с 1756 по 1794 г. 66, 126, 158—160
- Баранов Александр Андреевич (1746—1819), первый главный правитель русских поселений в Америке 174, 180
- Бастиян Адольф (1826—1905), немецкий путешественник и этнолог, основатель Берлинского музея народоведения 225
- Бекевич-Черкасский Александр (ум. в 1717 г.), начальник Хивинской экспедиции 31

¹ Здесь и ниже под АН имеется в виду Петербургская Академия Наук.

- Беллингсгаузен Фаддей Фаддеевич** (1779—1852), начальник Второго кругосветного путешествия 183—185
- Беляев Осип Петрович** (ум. в 1807 г.), унтер-библиотекарь АН, автор путеводителя «Кабинет Петра Великого» 195, 196, 199
- Берг Лев Семенович** (1876—1950), географ, действительный член АН СССР 148
- Берган Иоганн**, художник, обучался при АН в 40-х годах XVIII в. 65, 98
- Бергольц** (Берггольц, Берхгольц) **Фредерик-Вильгельм** (1699—1765), камер-юнкер, член Гольштинского посольства, автор «Дневника» 28
- Беринг Витус или Иван Иванович** (1680—1741), капитан-командор, русский мореплаватель 65, 174
- Берн Франц**, художник, обучался при АН в 40-х годах XVIII в. 98
- Бернулли Даниил** (1700—1782), профессор математики, действительный член АН 64
- Бернулли Иоганн** (1744—1807), член Берлинской Академии Наук 164
- Бернулли Николай** (1695—1726), профессор математики, действительный член АН 64
- Биллингс Иосиф** (ум. в 1806 г.) один из руководителей экспедиции 1785—1792 гг. по обследованию берегов северо-востока Сибири 174
- Бильфингер Георг Бернгард** (1693—1750), профессор физики и философии, действительный член АН 64, 86
- Болтунов Роман**, купец (начало XIX в.) 190
- Борноволок Терентий Степанович**, член-корреспондент АН (начало XIX в.) 207
- Брандт Федор Федорович** (1802—1879), адъюнкт по зоологии, затем действительный член АН 220
- Брауншвейг-Бевернский** (1714—1774), принц 59
- Брюс Яков Вилимович** (1670—1735), русский ученый и государственный деятель XVIII в. 12, 68, 70, 134
- Буженинова Анастасия Ивановна**, шутиха императрицы Анны Ивановны 76
- Булдаков Михаил Матвеевич** (1766—1830), директор правления Российско-Американской компании, член-корреспондент АН 174, 191
- Булыгин Абрам**, тульский мещанин (вторая половина XVIII в.) 164
- Буржуа** (ум. в 1724 г.), француз «великан», гайдук Петра I 42, 74
- Бурнон, де**, корреспондент АН в Лондоне (конец XVIII—начало XIX в.) 169
- Бухвостов Семен Сергеевич** (ум. в 1789 г.), служитель «комиссар», а затем «помощник» при Кунсткамере 142, 157, 158.
- Буш Андрей**, немецкий инструментальщик XVII в. 56, 84
- Бьелке Стенон Шарль** (1709—1754), ботаник, член Шведской Академии наук 146
- Бэм Матвей Карлович** (1727—1806), начальник Камчатки с 1772 по 1780 г. 172, 174
- Бюффон Жорж-Луи** (1707—1788), академик, директор Королевского кабинета натуралиев в Париже 114, 144, 156, 196
- Вавилов Сергей Иванович** (1891—1951), физик, президент АН СССР 4, 106, 167
- Вагнер М.**, немецкий путешественник и естествоиспытатель конца XVIII—начала XIX в. 206
- Ваксель Лев Савельевич** (ум. в 1816 г.), корреспондент АН в Лондоне, позже полковник инженерных войск в Твери, член-корреспондент АН 169
- Валериани Джузеппе** (1708—1762), художник-декоратор 128

- В а л у е в Петр Степанович (1743—1814), археолог, историк Оружейной палаты 9
- В а н - Д е й к Антонис (1599—1641), фламандский живописец 112
- В а р е н и у с Бернхард (1622—1650), географ, математик 20
- В а с и л ь е в Карп, резчик, работал при Кунсткамере в 50-х годах XVIII в. 130
- В а с и л ь е в Яков (ум. в 1737 г.), «монстр» 41, 75
- В е й т б р е х т Иосия (1702—1747), профессор физиологии, действительный член АН 74, 80, 90, 114, 165
- В е р е в к и н Михаил Иванович (ум. в 1795 г.), член-корреспондент АН 168
- В и з и р Бек, бухарский посол в России (30-е годы XVIII в.) 59
- В и л л ю к б и Френсис (1635—1672), английский орнитолог и энтомолог 90
- В и т с е н (1641—1717), голландский ученый 11
- В л а с о в Федор, мастер, работал при Кунсткамере в 70-х годах XVIII в. 136
- В н у к о в Степан Ефимович, ученик ландкартной палаты в 60-х годах XVIII в., временно исполнял обязанности «помощника» при Кунсткамере 143
- В о л ы н с к и й Артемий Петрович (1689—1740), кабинет-министр императрицы Анны Ивановны 72, 73
- В о л ь ф Каспар-Фридрих (1733—1794), профессор анатомии и физиологии, затем действительный член АН 142, 143, 149, 154
- В о р о б ь е в Иван, губернский секретарь, работал в АН в начале XIX в. 203
- В о р т м а н Христиан-Альберт (1680—1760), художник, гравер 96
- Г а б л и ц Карл Иванович (1752—1821), член-корреспондент АН 168
- Г а г а р и н Матвей Петрович (ум. в 1791 г.), губернатор Сибири 12, 29
- Г а ю Рене-Жюст (1743—1822), французский минералог 193, 205, 206
- Г е д л и н г е р, шведский медальер XVIII в. 68
- Г е о р г и Иван Иванович (1729—1802), адъюнкт АН по химии, позже академик 150, 156
- Г е р Богдан, писарь АН в начале XIX в. 198, 203, 204
- Г е р а р д, автор модели моста (конец XVIII в.) 161
- Г е р а с и м о в, экзекутор АН в 70-е годы XVIII в. 162
- Г е р м а н Иван Филиппович (1755—1815), член-корреспондент АН, позже академик по минералогии 168, 192
- Г е р м а н Яков (1678—1733), профессор математики, действительный член АН 64
- Г з е л ь Георг (ум. в 1740 г.), живописец АН, работал в России с 1716 г. до дня смерти 43, 74
- Г з е л ь (Гзелин, Гзельша), Мария-Доротея (1691—1743), «Живописного искусства мастерица», жена Г. Гзеля 43
- Г и л ь д е н ш т е д т Иоганн-Антон (1745—1781), доктор медицины, действительный член АН 149
- Г м е л и н Иоганн-Георг (1709—1755), профессор химии и естественной истории, действительный член АН 80, 93, 117
- Г м е л и н Самуил-Готлиб (1745—1774), профессор ботаники, действительный член АН 65, 66, 140, 142, 147, 149, 150, 215.
- Г о д у н о в Борис Федорович (1551—1605), царь 8
- Г о л и к о в Иван Иванович (1735—1801), историк, автор «Деяний Петра Великого» 195
- Г о л и ц ы н Василий Васильевич (1643—1714), государственный деятель 11
- Г о л и ц ы н Дмитрий Михайлович (1665—1757), государственный деятель 12

- Голицын Михаил Алексеевич (ум. в 1778 г.), князь, шут императрицы Анны Ивановны 76
- Головин Алексей, подручный художника, работал при Кунсткамере в 70-х годах XVIII в. 136
- Головин Федор Алексеевич (ум. в 1706 г.), генерал-адмирал, государственный деятель 11
- Голштинский Карл-Фридрих (1702—1739), герцог 56
- Горменов А., участник 2-й Камчатской экспедиции 1733—1734 гг. 65
- Горюнов студент (начало XIX в.) 199
- Готвальд, гданский доктор (начало XVIII в.) 36
- Гравезанд Вильгельм-Яков (1688—1742), голландский физик 84
- Греков Андрей Ангелеевич, художник, преподаватель академической гимназии (30—50-е годы XVIII в.) 74, 98
- Грефе Федор Богданович (1780—1851), действительный член АН «по греческой и римской словесности» 215
- Греч Николай Иванович (1787—1867), литератор 195, 198
- Григорьев Василий, резчик, работавший при Кунсткамере в 50-х годах XVIII в. 130
- Гюйгенс Христиан (1629—1695), математик, астроном и физик 20
- Данвилье Ж. Б. (1697—1782), французский географ 124
- Дарвин Чарльз (1809—1882), знаменитый английский биолог-эволюционист 144, 209
- Дашкова Екатерина Романовна (1744—1810), директор АН с 1783 по 1796 г. 191, 194
- Дебантон Луи-Жан (1716—1799), французский естествоиспытатель, хранитель «Королевского кабинета» в Париже 114
- Деламбер Жан (1717—1783), французский математик и физик, один из составителей «Энциклопедии» 78, 79, 112
- Делиль Иосиф-Николай (1688—1768), астроном и географ, действительный член АН 59
- Делиль-де-ла-Кройер Людовик (ум. в 1741 г.), астроном, действительный член АН 65
- Демидов Акинфий Никитич (1678—1748), фабрикант, коллекционер-любитель 12
- Демидов Григорий Акинфович (1715—1761), ботаник-любитель 147
- Демидовы, дворяне, в доме которых близ стрелки Васильевского острова с 1748 по 1766 г. помещалась Кунсткамера и Библиотека АН 120, 121, 136, 138, 140
- Дмитриев Николай, художник, работал при Кунсткамере в 60-х годах XVIII в. 149
- Добель Петр Васильевич (1775—1852), путешественник, в 1817 г. назначен русским консулом на Филиппинских островах 191
- Дудин Осип, крестьянин Куростровской волости (40-е годы XVIII в.) 123
- Дювернуа Иоганн Георг (1691—1759), профессор анатомии, действительный член АН 74, 75, 114
- Екатерина II (1729—1796), императрица 134, 174, 198
- Екатерина I (1683—1727), императрица 12
- Елачич Франц-Лука, лекарь АН (50-е годы XVIII в.) 124, 125
- Емануель, инфант Португальский (30-е годы XVIII в.) 59
- Ермолаев Петр, ученик токарного дела (30-е годы XVIII в.) 98
- Загорский Петр Андреевич (1764—1846), адъюнкт по анатомии, затем действительный член АН 200, 220

- З а м я т н и н** Сергей Николаевич, археолог 11
- З а с о в** Емельян, сержант «Охотского порта» (вторая половина XVIII в.) 122
- З а х а р о в** Александр, «рисовальщик» при Кунсткамере в 70-х годах XVIII в. 198
- З е м ц о в** Михаил Григорьевич (1688—1743), известный русский архитектор 52, 61
- З у б о в** Алексей Федорович (1682—1743), гравер АН 34
- З у е в** Василий Федорович (1754—1794), адъюнкт по натуральной истории, затем действительный член АН 150, 156, 157
- И в а н IV** (1530—1584), царь 8
- И в а н о в Л.**, студент Академического университета, участник 2-й Камчатской экспедиции 65
- И г н а т ь е в** Фома (20—40-е годы XVIII в.) «монстр» 41
- И е р и н г** (Иаринг), работал в АН в качестве переводчика во второй половине XVIII в. 169
- И з м а й л о в**, нарымский воевода (начало XVIII в.) 12
- И л ь и н**, наборщик Академической типографии (40-е годы XVIII в.) 98
- И н о х о д ц е в** Петр Борисович (1742—1806), адъюнкт по астрономии, затем действительный член АН 157, 167, 178
- И о а н н**, царевич 8
- И о г а н н III**, польский король 93
- К а м е о м е о I** (1736—1819), военный вождь Сандвичевых островов 174
- К а н к р и н** Егор Францевич (ум. в 1845 г.), министр финансов 218
- К а р а м ы ш е в** Александр Матвеевич (ум. в 1791 г.), член-корреспондент АН 168
- К а р л ш т е й н** Арвид (1647—1718), шведский гравер-медальер 68
- К а р с т е н** (1722—1852), известный металлург 193
- К а с т а л ь с к и й**, участник Третьего кругосветного плавания 220
- К а с т и л ь е н**, де, миланский купец (начало XIX в.) 216
- К а ч а л о в** Григорий Аникиевич (род. в 1711 г.), гравер АН 96, 98
- К е л ь р е й т е р** Иосиф-Теофил (ум. в 1806 г.) адъюнкт АН по ботанике, позже академик 145, 168
- К е р** Георгий Яковлевич (1692—1740), профессор восточных языков при иностранной коллегии и переводчик 88, 212.
- К е с а р е в**, губернский секретарь АН (начало XIX в.) 199
- К и к и н** Александр Васильевич (казнен в 1718 г.), боярин 22, 36
- К и т л и ц Г.**, художник (первая половина XIX в.) 186, 220
- К л а п р о т** Юлий (1783—1835), адъюнкт АН по восточным языкам и словесности, позже академик 188
- К л а р к Э. Д.** (ум. в 1822 г.), английский путешественник, капитан 172, 174
- К л ю к и н** Авдей, капрал (70-е годы XVIII в.) 163
- К о ж е в и н**, геодезист (начало XIX в.) 190
- К о ж и н** Александр Иванович, поручик, картограф (начало XVIII в.) 31
- К о з л о в**, генеральный консул в Америке в начале XIX в. 191
- К о к с** Вильям (1747—1828), английский историк и путешественник 152, 164
- К о л л и н с** Эдуард Давыдович (1791—1840), адъюнкт АН по математике, затем академик 218
- К о л ы ч е в С. А.** (1660—1735), вице-губернатор Воронежский и Азовский 29
- К о н д р а т о в и ч** Александр, студент, работал в 80—90-х годах XVIII в. при Кунсткамере 198

- Контаиш**, калмыцкий князь (30-е годы XVIII в.) 59
- Коперник** Николай (1473—1543), астроном 108
- Корабельщиков** Семен, солдат-часовой при Кунсткамере (70-е годы XVIII в.) 163
- Коровин** Андрей, солдат (30-е годы XVIII в.) 70
- Коростылев** Иван, каменщик, работал при Кунсткамере в 70-х годах XVIII в. 150
- Костыгов** Василий, переводчик АН в 70-х годах XVIII в. 159
- Котельников** Семен Кириллович (1723—1806), академик, «надсмотритель Кунсткамеры» с 1771 по 1797 г. 117, 150, 153, 154, 156, 157—159, 161
- Котов** Михаил, чучельщик, участник 2-й Оренбургской экспедиции 149
- Кранценштейн** Христиан-Готлиб (1723—1795), профессор механики, почетный член АН 162
- Крафт** Георг-Вольфганг (1701—1754), профессор математики и физики, действительный член АН 49, 59, 84, 106, 114.
- Крашенинников** Степан Петрович (1713—1755), адъюнкт АН, затем профессор ботаники 65, 114, 117, 190
- Крузенштерн** Иван Федорович (1777—1826), адмирал, член-корреспондент АН, позже почетный член АН 178
- Кук** Джеймс (1728—1779), капитан, английский мореплаватель 169, 172, 174
- Кулибин** Иван Петрович (1735—1818), механик АН, знаменитый конструктор и изобретатель 161, 162
- Кунце** Густав (1793—1851), профессор ботаники, директор Ботанического сада в Лейпциге 184
- Куракин** Александр Борисович (1697—1749), князь, советник посольства в Гааге, затем при французском дворе 59
- Курганов** Николай Гаврилович (1726—1796), астроном и математик, профессор Морского корпуса 164
- Кутузов** Михаил Илларионович (1745—1813), фельдмаршал 185, 207
- Лазарев** Михаил Петрович (1788—1851), адмирал 183, 185
- Лаксман** Адам Кириллович (род. в 1766 г.), офицер, первый русский посланник в Японии 187, 188
- Лаксман** Кирилл Григорьевич (1737—1796), химик, действительный член АН 145, 147, 154, 156, 159, 187.
- Ланг** Лаврентий, коллекционер, вице-губернатор Иркутска (середина XVIII в.) 125
- Лангсдорф** Григорий Иванович (1774—1852), ботаник, адъюнкт АН, затем академик 180—183, 201, 208, 220
- Лаптев** Дмитрий Яковлевич (ум. после 1762 г.), лейтенант флота, исследователь берегов Сибири 65
- Лаптев** Харитон Прокофьевич (ум. в 1763 г.), лейтенант флота, исследователь берегов Сибири 65
- Ларионов**, экзекутор АН в начале XIX в. 199
- Ласов** Адам, столяр, работал при АН в первой половине XVIII в. 127
- Лассиниус** Питер, лейтенант, участник 2-й Камчатской экспедиции 65
- Латрель** Пьер Андре (1762—1833), французский зоолог, почетный президент Общества энтомологов 183
- Лауферт** «монетных дел надзиратель» (начало XVIII в.) 36
- Левенгук** Антоний (1632—1723), голландский естествоиспытатель 15
- Лейтман** Иоганн-Георг (1667—1736), физик, действительный член АН 84

- Ленин Евсей, часовой при Кунсткамере (40-е годы XVIII в.) 118
- Лепехин Иван Иванович (1740—1802), доктор медицины, действительный член АН 117, 149, 150, 154, 167, 194
- Летвинов Федор, столяр, работал при Кунсткамере в 50-х годах XVIII в. 127
- Либеркюпн Иоанн-Натаниэль (1711—1756), немецкий анатом, доктор медицины 40
- Линней Карл (1707—1778), профессор ботаники Упсальского университета, почетный член АН 65, 66, 144, 146, 147
- Липелипский, фон, граф, польский посол в России (20-е годы XVIII в.) 59
- Лисянский Юрий Федорович (1784—1837), капитан, один из руководителей Первого кругосветного плавания 178, 180
- Литке Федор Петрович (1797—1882), адмирал, президент АН с 1864 по 1882 г. 185, 186, 187
- Лобачевский Николай Иванович (1793—1856), великий русский математик 212
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765), великий русский ученый, адъюнкт АН по химии, затем академик 20, 49, 78, 93, 94, 114, 117, 118, 130, 153, 168, 192
- Лопухин Василий Абрамович (1711—1757), генерал-майор 126
- Лохотин Андрей Иванович, (ум. в 1823 г.), надворный советник, член-корреспондент АН 202
- Любецкий Николай Иванович, художник АН, работал по отделке здания Кунсткамеры во второй половине XVIII в. 134, 136
- Людер (Ледер), владелец медального кабинета (начало XVIII в.) 36
- Людовик XIV (1643—1715), король французский 68
- Люрзениус В., рисовальщик, участник 2-й Камчатской экспедиции 65
- Магницкий Леонтий Филиппович (1669—1739), математик, автор известного учебника 20
- Майер Фридрих-Христофор (1697—1729), профессор математики, работал в АН с 1725 по 1729 г. 64
- Максимов Карп, псковский дьякон, «сочинитель глобуса» (вторая половина XVIII в.) 160
- Малыгин Степан Григорьевич (ум. в 1764 г.), мореплаватель и географ 65
- Мантуров Матвей, «ольдерман столярного цеха» (20—30-е годы XVIII в.) 53
- Мартынов Федор, столяр, работал при Кунсткамере в начале XVIII в. 53
- Матвеев Артамон Сергеевич (1625—1682), боярин 11
- Маттарнови Иоганн (ум. в 1719 г.), архитектор 52
- Маттарнови Филипп, «ученик gryдоровального дела» (30-е годы XVIII в.) 96, 98
- Махаев Михаил Иванович (1716—1770), гравер АН 98
- Мельгунов Алексей Петрович (1722—1788), генерал-поручик, любитель-археолог 123, 159
- Менетрие Эдуард Петрович (1802—1861), консерватор Зоологического музея, позже член-корреспондент АН 209
- Меншиков Александр Сергеевич (1787—1869), начальник Главного морского штаба 187
- Мериан (Грааф) Мария-Сибилла (род. в 1647 г.), художница-миниатюристка 112
- Мертенс Андрей Карлович (1796—1830), адъюнкт АН по ботанике 184, 186, 187, 220
- Мессершмидт Даниэль-Готлиб (ум. в 1735 г.), доктор медицины, путешественник 12, 32, 33
- Миллер Герард-Фридрих (1705—1783), адъюнкт АН, за-

- тем академик, историограф 64, 65, 80, 124
- Михайлов, губернский секретарь (начало XIX в.) 199
- Михайлов Павел Николаевич (1786—1840), академик по живописи 184
- Мусин-Пушкин Аполлос Аполлосович (ум. в 1805 г.), вице-председатель Горной коллегии, почетный член АН 192
- Мусин-Пушкин Иван Алексеевич (1661—1729), сенатор 21
- Мусин-Пушкин Платон Иванович, был сослан в Соловки в 1740 г. по делу Волынского 72
- Мушенброк (Мушенбрек) Петр (1692—1761), голландский физик, почетный член АН 36, 84
- Нартов Андрей Андреевич (1737—1813), президент Берг-коллегии, действительный член АН 165, 192
- Нартов Андрей Константинович (дата рождения точно не установлена: род. в 1680 или в 1694 г.; ум. в 1756 г.), токарь и механик Петра I, позже советник Канцелярии АН 70, 86, 118, 127
- Нерышек Михаил, столяр, работал при Кунсткамере в начале XVIII в. 53
- Нечаев Яков (род. в 1720 г.), ученик «рисовального искусства» АН 98
- Николай I Павлович (1796—1855), император 217
- Овидий (43 г. до н. э.—17 г. н. э.), римский поэт 20
- Овцын Дмитрий Леонтьевич, лейтенант, географ XVIII в. 65
- Озерецковский Николай Яковлевич (1750—1827), адъюнкт АН по естественной истории, затем академик, «Надсмотритель» Кунсткамеры с 1800 по 1827 г. 148, 157, 167, 192—195, 200, 201, 208
- Олеарий Адам (1599—1671), саксонский ученый и путешественник 56, 84
- Павлов Михаил Павлович (род. в 1733—1734 гг.), скульптор АН 136, 140, 150, 161
- Пайкуль Густав (ум. в 1826 г.) член Шведской и Петербургской Академий Наук 169
- Паллас Петр-Симон (1741—1811), действительный член АН, руководитель Кабинета натуралиев Кунсткамеры 117, 142, 144, 149, 150, 153, 154, 156, 158, 165, 196, 207
- Пандер Христиан-Генрих (1794—1865), адъюнкт по зоологии, затем академик 209, 210
- Панружев Исаак, мастеровой Сестрорецкого завода 207
- Партьер Г. Ф., лепщик, работал при Кунсткамере в 60-х годах XVIII в. 134
- Пекарский Петр Петрович (1827—1872), академик, историк культуры 6
- Петр I (1672—1725), император 6, 9, 12, 14—17, 19—22, 24, 27—31, 34, 36, 42, 48, 50, 52, 56, 59, 62, 68, 70, 72—75, 80, 105, 108, 109, 112, 118, 122, 134, 169, 185, 195, 202, 203, 208, 218, 222, 224
- Петров Василий Владимирович (1762—1834), физик, действительный член АН 167
- Петров Осип, работал при Библиотеке и Кунсткамере в 60-х годах XVIII в. 142
- Пецольд Иоганн, «маляр зверей и цветов» при Кунсткамере в начале XVIII в. 198
- Пирошков Егор, резчик, работал при Кунсткамере во второй половине XVIII в. 62
- Питирим, архиепископ Алатырский (20-е годы XVIII в.) 58
- Ползунов Иван Иванович (1730—1766), знаменитый русский механик и теплотехник 211
- Поликарпов Федор Поликарпович (ум. в 1731 г.), директор московской типографии, автор «Букваря» 20
- Поляков Андрей Ильич (род. в 1712 г.), гравер АН 96, 98

- Поляков Иван**, ученик слесарного дела, работал при Кунсткамере в 30-х годах XVIII в. 61
- Попов Иван**, «лакового дерева подмастерье», работал при Кунсткамере в 30-х годах XVIII в. 61
- Попов Ф.**, советник Канцелярии АН в начале XVIII в. 65, 199
- Порошин Семен Андреевич** (1741—1769), воспитатель Павла I 164
- Постельс Александр Филиппович** (1801—1871), минералог, почетный член АН 186
- Поттер Пауль** (1625—1654), живописец 112
- Прасковия Федоровна** (1664—1723), царица, жена царя Ивана Алексеевича 64, 106, 130
- Прончищев Василий** (ум. в 1736 г.), капитан-лейтенант, начальник отряда Северной экспедиции 65
- Пушкин Александр Сергеевич** (1799—1837), великий русский поэт и писатель 164
- Радищев Александр Николаевич** (1740—1802), великий писатель-революционер 165
- Раздеришин Александр Васильевич** (1746—1812), член Берг-коллегии и член-корреспондент АН 168, 192
- Разумовский Кирилл Григорьевич** (1728—1803), президент АН 120, 132
- Райков Борис Евгеньевич**, профессор 144
- Растрелли Карл-Бартоломео** (1670—1744), скульптор 108
- Редовский Иван Иванович** (1774—1807), доктор медицины, адъюнкт АН по ботанике 188, 190
- Резанов Николай Петрович** (1764—1807), русский посланник в Японии, почетный член АН 178, 181
- Рей Джон** (1623—1705), английский натуралист 90
- Рейсдаль Якоб** (1628—1682), голландский пейзажист 112
- Рембрандт Харменс-ван-Рейн** (1606—1669), голландский художник 112
- Ренованц Иван Михайлович** (ум. в 1798 г.), член-корреспондент АН 168
- Рихман Георг-Вильгельм** (1711—1753), физик, действительный член АН 127, 128
- Рихтер Федор Федорович** (1808—1868), профессор архитектуры 215
- Родионов Никита**, столяр, работал при Кунсткамере в 60-х годах XIX в. 130
- Розе Чарльз-Филипп** (1670—1737), скульптор, работал при Кунсткамере в 60—70-х годах XVIII в. 136
- Романовы**, представители династии, царствовавшей с 1613 по 1917 г. 9
- Ростовцев Алексей**, гравер, работал в Петербургской типографии с 1711 г. 34
- Роули**, английский мастер-инструментальщик конца XVII—начала XVIII вв. 108
- Рудолин Антоний**, посланник Польской республики в 1737 г. 59
- Рупрехт Франц Иванович** (1814—1870), профессор ботаники, действительный член АН 66, 148, 214
- Рыков Максим Родионович** (род. в 1727 г.), «ученик рисовального дела» АН 98, 140
- Рычков Петр Иванович** (1712—1777), член-корреспондент АН 168
- Рюйш Фридерик** (1638—1731), голландский анатом 15, 36, 38, 40, 42, 43, 47, 90, 102, 103, 160, 215
- Рябинин**, студент (начала XIX в.) 199
- Сандалов Евдоким**, мастер столярного цеха (первая половина XVIII в.) 53
- Сарычев Гавриил Андреевич** (1763—1831), адмирал, почетный член АН 174

- Себа Альберт** (1665—1736), голландский натуралист и путешественник 36, 47, 53, 102
- Севастьянов Александр Федорович** (ум. в 1824 г.), адъюнкт АН по естественной истории, позже академик 167, 178, 190, 200, 203
- Севергин Василий Михайлович** (1765—1826), адъюнкт АН по минералогии, затем академик 94, 165, 167, 178, 192, 193, 200, 204—207, 210
- Семенов Михаил**, ученик «Механического дела» АН (30-е годы XVIII в.) 70, 98
- Симонов Иван Михайлович** (ум. в 1829 г.), профессор астрономии Казанского университета, член-корреспондент АН 184
- Сипторп Джон** (1758—1796), профессор ботаники Оксфордского университета 124
- Скотт Бенжамен** (ум. в 1751 г.), механик АН 127
- Смеловский Тимофей Андреевич** (1769—1815), адъюнкт АН по ботанике, затем академик 190
- Смотрицкий Милентий** (1578—1633), языковед, автор известной «Грамматики» 20
- Согромоза**, мальтийский кавалер, посетивший Петербург в 1748 г. 119
- Соймонов Федор Иванович** (ум. в 1770 г.), Тобольский губернатор 31
- Соколов Адриан** (ум. в 1785 г.), переводчик, член-корреспондент АН 157, 168
- Соколов Иван Алексеевич** (1717—1756), гравер АН 96, 98
- Станюкович Михаил Николаевич** (ум. в 1869 г.), адмирал 185
- Стеллер (Штеллер) Георг-Вильгельм** (1709—1746), адъюнкт АН по ботанике 65, 147
- Степан, «монстр»**, жил при Кунсткамере (начало XVIII в.) 41
- Степанов**, титулярный советник (начало XIX в.) 204
- Степанов Евстрат**, столяр, работал при Кунсткамере в 20-х годах XIX в. 215
- Суворов Александр Васильевич** (1730—1799), знаменитый полководец 208
- Сумароков Александр**, студент, работал при Кунсткамере во второй половине XVIII в. 143
- Тарсия Бартоломео (Варфоломей)**, живописец XVIII в. 96
- Татищев Василий Никитич** (1686—1750), русский историк, географ, государственный деятель 67, 119, 122
- Тауберт Иван Иванович** (1717—1771), адъюнкт АН по истории, затем библиотекарь и советник Канцелярии АН 119, 124, 132, 134, 143, 150
- Тенигин**, студент (начало XIX в.) 199
- Тидеман Христофор** (ум. в 1742 г.), нотариус АН 68
- Третьяков В.**, студент Академического университета, участник 2-й Камчатской экспедиции 65
- Триниус Карл Антонович** (1778—1844), ботаник, действительный член АН 214, 215
- Туманский Федор Осипович** (1746—1810), член-корреспондент АН 168
- Турнефор Жозеф** (1656—1708), французский ботаник, член Французской Академии Наук 92
- Уваров Сергей Семенович** (1786—1855), президент АН с 1818 по 1855 г. 214
- Урусов Г. А.**, военный комендант Петербурга (1727 г.) 54
- Урусов Петр Григорьевич**, участник Хивинской экспедиции 31
- Усиников Александр**, столяр, работал при Кунсткамере в 50-х годах XVIII в. 127
- Федор Алексеевич** (1661—1682), царь 10

- Федоров Филипп**, чучельщик, участник 2-й Оренбургской экспедиции 142, 149
- Фербер Иоганн-Якоб** (1748—1790), минералог, действительный член АН 156
- Филиппов Денис Евстигнеевич** (1739—1854), архитектор 214
- Филиппов Петр**, чучельщик, работал при Кунсткамере в начале XIX в. 201, 202
- Фишер Иоганн Эбергард** (1697—1771), адъюнкт АН по истории, затем академик 65
- Френ Христиан Данилович** (1782—1851), действительный член АН «по разряду восточных древностей» 214
- Фридрих-Вильгельм I** (1713—1740), прусский король 42
- Ханнеман Иоганн-Людвиг** (1640—1724), профессор физики Киевского университета 84
- Хвостов Дмитрий Иванович** (1757—1835), сенатор, почетный член АН 192
- Цетти**, норвежский минералог начала XIX в. 193
- Чевакинский Савва Иванович** (род. в 1713 г.), архитектор 130
- Чириков Алексей Ильич** (ум. в 1748 г.), лейтенант, участник 2-й Камчатской экспедиции 65
- Шафиров Петр Павлович** (1669—1739), известный дипломат петровского времени 64
- Шейн Иван**, Курский воевода (вторая половина XVIII в.) 10
- Шеншин**, любитель минералогии (конец XVIII—начало XIX в.) 193, 206
- Шереметов Иван**, «ученик рисовального художества» АН (30-е годы XVIII в.) 98
- Шигаев**, унтер-офицер (начало XIX в.) 203
- Шихин**, канцелярист АН (начало XIX в.) 199
- Штелин Яков Яковлевич** (1709—1785), профессор элоквиенции и поэзии 24, 114
- Шуберт Федор Иванович** (1747—1825), адъюнкт АН по астрономии, затем академик 188
- Шульц Эрнст-Христофор** (ум. в 1810 г.), профессор естественной истории, член-корреспондент АН 169
- Шумахер Иоганн-Даниил** (1690—1761), унтер библиотекарь, затем советник Канцелярии АН 22, 24, 78, 80, 82, 114, 119, 122, 132
- Шумахер Иоганн-Якоб** (ум. в 1767 г.), архитектор АН 96, 127, 130, 134, 138
- Шумский Павел**, помощник при Кунсткамере (вторая половина XVIII в.) 142, 149
- Эзон**, известный баснописец (около середины VI в. до н. э.) 20
- Эйлер Леонард** (1707—1783), академик и почетный член АН 49, 117, 136
- Эльтон**, конструктор физических инструментов XVIII в. 84
- Энгель Иоганн-Генрих** (ум. в 1785 г.), доктор медицины, член-корреспондент АН 168
- Эшмоль Элиас** (1617—1692), антиквар, основатель Оксфордского музея 27, 225
- Юрлов**, шкипер Охотского морского флота (вторая половина XVIII в.) 123
- Яковлев Ефим**, подручный художник (вторая половина XVIII в.) 136

37665

2 м 28

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	3
Глава первая. Коллекционирование исторических и естественно-научных предметов в России до начала XVIII в. . .	7
Глава вторая. Кунсткамера Петра I — первый русский естественно-научный и исторический музей	19
Глава третья. Кунсткамера Петербургской Академии Наук в первое десятилетие своего существования	48
Глава четвертая. Кунсткамера Академии Наук в 50—70-х годах XVIII в.	117
Глава пятая. Кунсткамера Академии Наук в конце XVIII—начале XIX в.	166
Глава шестая. Создание на базе Кунсткамеры отраслевых академических музеев	211
Указатель личных имен	229

Утверждено к печати Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии Наук СССР

Редактор издательства А. И. Соболева. Художник С. Н. Тарасов.
Технический редактор Р. А. Аронс. Корректор Л. А. Ратнер.

РИСО АН СССР № 94-60 В. М-32756. Подписано к печати 22/V 1953 г. Бумага 60X92₁₆. Бумажн. л. 7¹/₂. Печати. л. 15. Уч.-изд. л. 14.73 + 10 вкл. (0.84 уч.-изд. л.). Тираж 5000. Зак. № 501. Номинал по прейскуранту 1952 г. 11 р.

1-я тип. изд. АН СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.

